

Я. С. Русанов Охоты в России

Я.С.Русанов

Охоты
в
России

Я. С. РУСАНОВ

**ОХОТЫ
В РОССИИ**

Элиста, 2000

ББК 47.1
Р 882

Русанов Я. С.

Р 882 Охоты в России. — Элиста: АПП "Джангар",
2000. — 176 с., ил.

Я. С. Русанов (1925–1997 гг.). Охотовед, доктор биологических наук, охотник по душе, роду и званию был великим популизатором классических охот России. Его перу, помимо специальных работ, принадлежат книги: "Охота на зайцев", "Подсадная утка", "Водоплавающая дичь", "Охота и охрана фауны". Любители охоты хорошо знают его и его страсть к охоте. Но мало кто знает, что его голос был голосом вопиющего в пустыне.

Посвящается близким

ПОСВЯЩЕНИЕ

"Дал я земли для охоты,
Дал для рыбной ловли воды,
Дал медведя и бизона,
Дал оленя и косулю,
Дал бобра вам и казарку;
Я наполнил реки рыбой,
А болота — дикой птицей;
Что ж ходить вас заставляет
На охоту друг за другом?"

Г. Лонгфелло "Песнь о Гайавате".

М. 1959. Гос. из-во Худ. лит.

Вечна Земля, рожденная Вселенной, счастье жить на ней, счастье растить детей. Кто мы? Люди или животные?

"И придет Пророк на Землю
И укажет путь к спасению;
Он наставником вам будет,
Будет жить, трудиться с вами.
Всем его советам мудрым
Вы должны внимать покорно —
И умножатся все роды,
И настанут годы счастья.
Если ж будете вы глухи, —
Вы погибните в раздоре!"

Г. Лонгфелло "Песнь о Гайавате".

М. 1959. Гос. из-во Худ. лит.

Ничто не стоит на месте, как море людская масса и спокойно оно, когда нет урагана.

Я много охотился, много убивал, много видел как убивали другие, я понял одно: нельзя убивать для забавы. Каждый твой выстрел — это сраженная душа. Падая она разбивается о Землю.

"Я устал от ваших распрай,
Я устал от ваших споров,
От борьбы кровопролитной,

От молитв о кровной мести.
Ваша сила — лишь в согласье,
А бессилие — в разладе.
Примирайтесь, о дети!
Будьте братьями друг другу!"

*Г. Лонгфелло "Песнь о Гайавате".
М. 1959 г. Гос. Из-во Худ. лит.*

Стоит ли враждовать? Кто поймет смысл этого? Никто не может заставить убить человека. Это делает его животным. Мы плодим животных. Люди умирают сами, до конца испытав, что положено судьбой. В этом великий смысл жизни.

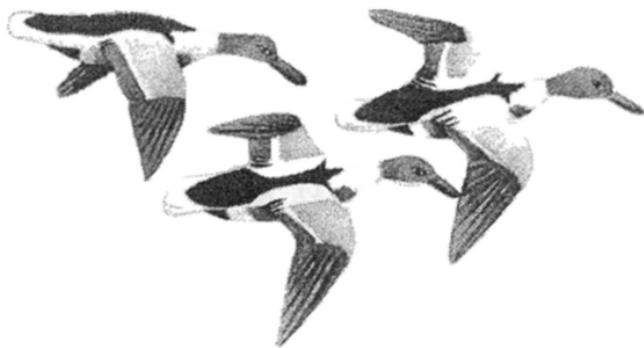
ВВЕДЕНИЕ

ОХОТА СЕГОДНЯ

Как известно, в нашей стране право на охоту не ограничивается какими-либо имущественными или национальными цензами и любой гражданин, достигнув определенного возраста, прошедший необходимую подготовку и выполнивший определенные формальности (уплата госпошлины, вступление в общество охотников), может ею заниматься. В ходе индустриализации страны, развития промышленности и коренного изменения методов ведения сельского и лесного хозяйства, сопровождавшихся постоянными попытками "реконструировать природу", а "не ждать от нее милостей" изменились (то в худшую, то в лучшую сторону) условия для обитания отдельных представителей охотничьей фауны и численность последних. Одновременно охотникам (преимущественно городским) становилось все сложнее приурочивать свои отпуска и выходные дни к постоянно сокращавшимся срокам проведения охоты, все труднее добираться до охотничих угодий, содержать охотничих собак и вообще преодолевать всяческие препоны, которые возводились перед ними условиями работы, жизни и стараниями природоохранных и регламентирую-

щих охоту органов. Расширение международных связей "обогатило" нашу охоту не свойственными ей приемами и способами (штреки, вышки, выпуск под ружье искусственно выращенной дичи и т. д.). И все же традиции русской охоты живы, а способы, в преобладающем большинстве случаев, остаются неизменными. О них - то и пойдет речь в настоящей книге.

РАЗДЕЛ I

ОХОТЫ ПО ПЕРУ

Глава 1. На уток

Никто еще не рассыпал анкет, пытаясь выяснить, какие зверь или птица чаще всего становятся первой добычей охотника. Думается, что если бы такой опрос был проведен, то наиболее частым ответом было бы — "утка". От северных побережий до южных границ Союза, от Прибалтики и до Камчатки — везде, где есть текущие или стоячие воды, есть и утки. Именно с ними в первую очередь ассоциируются народные представления об охоте. Встретившись с человеком охотничьего облика, случайный прохожий в девяти случаях из десяти изрекает:

— Берегись утки!

Мальчишка, заполучивший в руки ружье, в первую очередь мечтает именно о них, как о главном и наиболее доступном объекте своих хищных вожделений. Всему этому есть основания. Во-первых, представители утиного племени относительно многочисленны. Во-вторых, они часто попадаются на глаза и, следовательно, знакомы многим. В-третьих, точно известно, где их нужно искать (у воды). В-четвертых, охота на них возможна самыми при-

митивными способами. Можно подкарауливать, подкрадываться и подползать. Можно бабахнуть по сидячей птице и даже подождать "когда сплынутся". Можно с утра до вечера бродить от одного озерка к другому, а можно весь день просидеть в камышах у приглянувшегося плеса. И ничего, кроме ружья и патронов, для охоты не нужно — был бы неуемный азарт. Сколько надежд и разочарований несет с собой этот первый этап приобщения к охотничьим радостям. Какое количество величайших глупостей мы здесь совершаляем, но и как радуют тут редкие удачи. Убогий чирок, замученный после десятка выстрелов, представляется чуть ли не райской птицей и пробуждает в нас поистине сатанинскую гордость. Сколько бы потом мы ни охотились, какие бы редкие и драгоценные трофеи ни посыпала нам судьба, а этого жалкого заморыша или любую свою ПЕРВУЮ добычу мы сохраним в памяти до последних дней.

Видовой состав встречающихся у нас уток разнообразен: кряква, шилохвость, серая утка, широконоска, свиязь, касатка, три вида (трескунок, свистунок и клоктун) чирков, красноносый, красноголовый, белоглазый нырки, хохлатая и морская чернети, гоголь, луток, огарь и пеганка. Таков далеко не полный перечень. В отдельных районах страны доля водоплавающих в общей массе добываемой пернатой дичи колеблется в пределах 30—90%.

Как ни проста может быть охота на уток, но в своих традиционных, изощренных способах она весьма многообразна, требует от охотника знаний, умения, а порой и специального снаряжения.

Год охоты на пернатую дичь, в том числе и на уток, начинается с весны, т. к. в преобладающем большинстве областей страны во второй половине зимы охоты по птице уже запрещены. Охотники-утятники ждут конца зимы с великим нетерпением, ибо он сулит им прилет водоплавающей дичи, а с нею и одну из древнейших и увлекательнейших охот

— весенний отстрел селезней и подсадной уткой, манком и чучелами.

Не так давно она открывалась с прилета дичи и, в зависимости от характера весны, длилась до определенного установленного срока, совпадавшего обычно с окончанием кладки яиц самками уток. Однако с начала шестидесятых годов начали устанавливать точные даты начала и окончания весенней охоты и продолжительность ее ограничили 10 днями. Кроме того в отдельные годы осуществлялся и полный ее запрет.

Приступая к описанию данной охоты начинать следует с подсадной (криковой или круговой) утки, т. к. подобно подружейной собаке при стрельбе болотной, полевой или боровой дичи, именно она является здесь "душой" всего дела. Подсадные утки — это одомашненные в далеком прошлом дикие кряквы. В результате многовекового отбора и подбора, а также, почти наверное, прилития крови других видов диких уток, была выведена специальная порода охотничих уток, характеризующихся исключительной склонностью к обществу себе подобных и величайшей страстью в период спаривания. Хорошая подсадная не терпит одиночества. Где бы она ни находилась, ее стремление обрести компанию доминирует во всем ее поведении. Лишенная возможности сама предпринять поиски, она непрерывно оглашает округу призывными криками и особенно неистовствует, заслышав или увидев пролетающих собратьев и тем более крякового селезня, если дело происходит весной. Пользуясь этим, ее и используют на охоте, высаживая на привязи возле скрадка, где укрывается охотник.

Так же, как подружейную собаку, прежде, чем идти с ней в поле, натаскивают, а гончую — наганивают — подсадную приучают к охоте или, как говорится "вызаривают". Ее приучают: не бояться хозяина, спокойно вести себя на привязи, не пугаться ворон, чаек, цапель и других безопасных для

нее птиц и спокойно относиться к выстрелам. Добившись всего этого, можно сажать ее в садок и отправляться туда, где над разливами весенних вод идет пролет водоплавающей дичи и на утренних и вечерних зорях, переливающиеся всеми цветами своих брачных нарядов селезни отыскивают себе пару. Когда-то, да и сейчас тоже, некоторые охотники считали весенний отстрел селезней с подсадной уткой "крестьянской", простонародной охотой, не заслуживающей внимания настоящего любителя. Объясняется это тем, что они просто никогда не охотились с хорошей подсадной, никогда не испытывали всех ее сложностей, волнений и радостей.

Ночь, невнятное, неумолкаемое журчание бегущей воды, запах талого снега, прелых листьев, водорослей и набухающих почек. Сотни, типично весенних, порою загадочных звуков. Из невообразимой беспредельности звездного неба то и дело доносятся, близятся и замирают перебои быстрых крыльев, посвист и шипение стремительного полета проносящихся над нами невидимых утиных стай. А мы на лодке или пешком пробираемся туда, где среди затопленных лугов речной поймы, у чистого мелководного плеса накануне поставили шалаш-скрадок и где сегодня собираемся пытать охотничье счастье. Плес этот мы искали долго потому, что место для охоты с подсадной должен отвечать целому ряду требований, а именно: оно должно нравиться диким уткам и последние должны там встречаться; там должна быть чистая, т. е. не заросшая травой или кустами вода, на которой высаженная подсадная не будет путаться привязью во всякой дряни, а подсевшие к ней селезни — не будут скрыты от нас травой или ветками; на нем не должно быть быстрого течения, уносящего с собой битых птиц; оно должно позволить поставить шалаш таким образом, чтобы плес, на котором высажена подсадная, находился от охотника в сторону зари (для охоты утром — с востока, вечером — с запада). Немало времени

потратили мы и на устройство скрадка. Весенний, особенно кряковой селезнь, — это не наивная осенняя кряква: он уже поднатарел в высматривании покушающихся на его жизнь охотников, по нему может быть уже не раз стреляли и поэтому прежде, чем сесть к обольщающей его красотке, он внимательнейшим образом обследует все вокруг и уж если нас заприметит, то ни за что не подсядет. А нам нужно, чтобы он именно сел, чтобы мы ясно его рассмотрели, полностью убедились в его мужской сущности, ибо без этого (стреляя влет или по плохо видимой птице) можно совершить великое преступление — убить не селезня, а, подлетевшую вместе с ним или просто севшую к подсадной, утку. Вот и пришлось нам битых два часа устанавливать шалаш, тщательно заплетать ветками его стенки, затыкать просветы сухой ветошью и придавать нашему сооружению вид естественного куста.

Теперь мы спешим воспользоваться плодами своего труда, спешим, т. к. на востоке уже намечаются первые признаки рассвета и времени у нас остается в обрез. Наконец... — прибыли: забираемся в шалаш, заряжаем и кладем на специально подготовленное место ружье, проверяем хорошо ли в про-деланные в передней стенке окошечки - бойницы виден нам выбранный для охоты плес и, только закончив всю эту подготовку, выходим из скрадка, достаем подсадную, высаживаем ее на еще вчера подготовленное место и без задержки скрываемся в своем убежище. Следим сквозь бойницу как наша помощница, немного поплескавшись в воде, опривив перья и промочив горлышко, пока что молча вслушивается и вглядывается в окружающее. Вот она разок крякнула и смолкла, точно проверила, как получается. Опять подала голос, еще и еще, и раз-меренные, монотонные призывы понеслись над еще покрытыми сумраком просторами разлива, туда, где, может быть, их ждут зеленоголовые селезни. Это "квачка" — манера крика, свидетельствующая о том,

что подсадная не видит и не слышит дичи, а просто извещает собратьев о своем присутствии. Мы можем сидеть спокойно, слушать и следить за тем, как разгорается заря и ночные тени словно отступают, наполняясь ее багряно-опаловыми отсветами, как все дальше начинают просматриваться розовеющие дали и еле заметная пелена тумана стелется над еще темной водой.

Внезапно, всегда внезапно, всему этому лирическому созерцанию приходит конец, потому, что подсадная, прервав свое неторопливое покрякивание, вдруг разразилась серией азартных, почти сливающихся друг с другом криков, т. е. закричала "в осадку", зачастila, призывая к себе замеченного или услышанного ей селезня. Тут уже быстро взяв в руки ружье мы замираем, костенеем в полной неподвижности, следя за поведением подсадной, наэлектризованные ее стараниями, восхищенные страстью ее призывов, пытаясь глазом или ухом обнаружить того, кого она так настойчиво манит. И вот оно — долгожданное "шакалье" крякового селезня, вот его темный силуэт мелькнул на светлеющем небе, вот почти у нас над головой прошуршили его крылья. Он не садится, кружит над уткой, которая распластавшись на воде шлет ему одну осадку за другой, зовет, манит, обольщает. Сядет или не сядет? Уговорит она его или нет? И он не выдерживает, опускается на воду шагах в 30 и замирает, сидит вытянув шею, неподвижный, настороженный, недоверчивый. Для выстрела сел он плохо — прямо за уткой, так, что посланный в него заряд может ненароком зацепить и ее, поэтому мы ждем. Подсадная ждет тоже, уже не орет в полный голос, а охорашиваясь и плескаясь в воде лишь негромко покрякивает — видимо успокаивает. Наконец, он расслабляется, подает голос и направляется к ней, а она отплывает, отплывает в сторону насколько это позволяет привязь, отплывает, зная, что сейчас по краю хлеснет выстрел, и ей нужно быть от него

подальше. Нет, не зря кто-то из ярых противников весенней охоты охарактеризовал подсадную утку, как "Клеопатру в перьях и коварную пособницу гнусной забавы"!

Медленно, осторожно, не выдвигая стволов за стенку шалаша мы поднимаем ружье. Ну как тут не попасть в спокойно, близко сидящую птицу? А случается это зачастую, т. к. весной, в сумерках, обычная манера выщеливания (мушка на линии разделяющей мишень и поверхность воды) совершенно себя не оправдывает. Весеннего селезня нужно стрелять в основание шеи и только в этом случае промахи будут редкостью. Итак, мы стреляем, селезень рожает голову в воду, а подсадная, встрияхнувшись, вновь начинает кричать квачку. На ее призывы откликаются не только селезни кряквы, подсаживаются и даже пытаются за ней поухаживать шилохвости серухи и другие представители речных и нырковых уток. Подлетают и самцы, и самки, поэтому величайшая осторожность, обеспечивающая сохранение жизни последних, здесь совершенно необходима. Стрелять можно только полностью убедившись (по особенностям окраски, голоса, демонстрации брачных поз), что подсевшая птица — селезень, а не утка. Кроме того, необходимо помнить, что от воды дробь иной раз дает совершенно фантастические рикошеты и, если мы не хотим с позором тащить домой нашу же и нами же убитую подсадную, то стрелять по селезню, находящемуся близко от нее или сидящему на одной линии с ней (ближе или дальше), ни в коем случае нельзя. Мало того, что подсадная утка для своего владельца друг и помощник, но хорошая, по-настоящему хорошая подсадная, — редкость и величайшая ценность. Потерять ее — всегда большое горе, а погубить самому и подавно.

Для описываемого способа охоты самыми благоприятными являются тихие, теплые зори, когда ни ветер, ни тем более мороз не заставляют водопла-

вающих забиваться под защиту всяческих укрытий и отсиживаться там, забыв о каких бы то ни было любовных пополнениях. В сильные заморозки, в метель, в дни с пронзительным ветром селезни обычно не летают, да и подсадные утки работают неохотно и с меньшим азартом. Пока весеннюю охоту не ограничили куцым десятидневным сроком, она особенно добычлива была с прилета (т. к. во многие районы страны селезни кряквы прилетают на 2–3 дня раньше своих уток) и "под занавес", когда большинство уток уходят на гнезда, а их кавалеры остаются в одиночестве, еще не утратив любовного пыла. В эти периоды на первые же призывы подсадной мчится иногда сразу по нескольку селезней. К сожалению предварительное установление срока охоты, как правило, не совпадает ни с одним из этих периодов. Охота чаще всего приходится на дни, когда массовый пролет уже прошел, а большинство местных селезней находится при утках. Первоклассная подсадная их от "законных супруг", конечно, все равно смущает, а вот утка не наделенная талантами "Клеопатры" будет кричать попусту до тех пор, пока не обнаружится какой-нибудь холостяк...

Чтобы увеличить разнообразие добычи и стрелять не только преимущественно кряковых селезней, но и селезней других видов речных и нырковых уток при охотах с подсадными часто используются утиные чучела и манки, с помощью которых можно имитировать весенние крики самок чирковых уточек. При наличии подсадной, набор высаживаемых чучелов обычно довольно скромен: одно чирковое и 3–5 чучелов, изображающих наиболее обычных для данной местности видов уток. Если же подсадной нет, то чем многочисленнее и разнообразнее "высадка", тем лучше. В ней должны преобладать чучела самок, но необходимы и селезни, т. к. их яркая весенняя окраска дает лучшее представление о видовой принадлежности мнимых уток.

То же самое касается и манков. При охоте с подсадной они (кроме чиркового) вообще излишни,

без нее — нужны, если только мы умеем или пользоваться, а не испускаем с их помощью крики, даже отдаленно напоминающие голоса живых уток. Некоторые умельцы осваивают искусство подманивания без манков, имитируя нужные звуки просто с помощью прижатой к губам и сложенной рукояткой ладони, но это — большое искусство, овладеть которым дано далеко не всякому. Самым надежным, распространенным и нужным, несомненно, является хорошо сделанный манок на чирков (трескунка и свистунка). Дело в том, что чирки, несомненно, наиболее распространенные у нас виды водоплавающей дичи. Мелкие торфяные карьеры и системы осушительных канав, временно затопленные талой водой участки полей и леса, самые незначительные речушки, ручьи и болота уже определяют их наличие. Там, где водные угодья обширны, чирки, при умении их подманивать, попадают под выстрел много чаще селезней других видов. Происходит это потому, что их больше, чем кряквы, шилохвостов или широконосок, кроме того, они очень охотно идут на манок. Посадить к шалашу чиркового селезня несравненно легче, чем, например, селезня кряквы. Умением манить чирка обладают сравнительно немногие и чирки относительно редко сталкиваются в этом плане с человеческим коварством. Заслышав то, что они принимают за голос самочки, холостые селезни немедленно летят на ее поиски и садятся туда, где надеются ее обнаружить. Только явная фальшь в подманивании может этому помешать. При умении, с помощью манка, можно скликать всех "холостяков", имеющихся в зоне его слышимости. Можно снова посадить взлетевшего после неудачного выстрела селезенчика. Можно, наконец, выманить его прямо в шалаш.

Сам процесс подманивания очень увлекательен, т. к. позволяет нам проявить собственное мастерство и насмотреться на селезенчика в минуты, когда он, обольщая воображаемую красотку всячески

рисуется, пыжится и принимает самые уморительные токовые позы. Умение подманивать чирков не ограничивается способностью охотника извлекать из манка похожие на голос самки звуки. Надо знать, когда и как часто следует подавать голос. Тот, кто забравшись в скрадок будет непрерывно дудеть в манок, вряд ли увидит хотя бы одного селезня. Правильная манера здесь заключается в том, чтобы поманив 5—6 раз замолчать и слушать: не раздастся ли где-нибудь характерное стрекотание трескунка или свистунковое "триканье". Подождав минут 10, можно повторить манку. Если чирок отозвался, ему нужно только отвечать. Он протрешал — вы ему отклинулись и т. д. Когда чирок отзывается уже близко, следует и вообще перестать манить, ибо он уже засек место, откуда доносятся вожделенные призывы и рано или поздно к нему подлетит, а вот заметить несовершенство наших имитаций с близкого расстояния он может. В общем манок или, как его называют, чирковая дудочка при умении ею пользоваться — вещь очень полезная. Владея ею, мы даже без подсадной, в самых бедных угодьях не без приятности и не без надежды на добычу все же можем поохотиться.

Закончились короткие десять дней весенней охоты, убрано в чехол ружье,пущены на вольное летнее содержание подсадные утки. До августа нужно ждать пока подрастут, оперятся, поднимутся на крыло молодые утки и в какую-нибудь (первую, вторую, а то и третью) субботу месяца будет объявлено открытие л е т н е - ос е н н е й о х о т ы .

Утро. Встающее солнце заливает лучами широкий луг, по которому прихотливо извивается речка и десятки озер и стариц блестят, отражая небесную голубизну. Осока, прибрежные камыши, листья — все покрыто сверкающей или, где на землю падают по утреннему длинные тени кустов и деревьев, матово-серебристой росой. При нашем подходе с ближайшего озерка вне выстрела снимается и улетает

несколько уток. "Не подпустили" — думаем мы и огорченные поворачиваем к следующему, просвещивающему через тростник плесу. С ружьем наготове подходим к берегу, всматриваемся в покрытую листьями кувшинок и рдестов поверхность — пусто. Третье, четвертое, пятое озеро — все тоже: либо на них нет уток, либо птицы слетают слишком далеко. Так можно ходить весь день и не сделать ни единого выстрела потому, что такой прогулочный стиль охоты в начале сезона совершенно не годится. При летне-осенних поисках уток необходима "полазистость". Что же, что при нашем приближении откуда-то на недосягаемом для ружья расстоянии взлетело сколько-то уток? Это вовсе не значит, что там их больше не осталось. Пусть плес, к которому мы подошли, пуст — в окружающих его зарослях вполне могут таиться заплывшие туда от опасности птицы. Нужно просто, не жалея себя, лезть в прибрежные кочкарники, исходить вдоль и поперек надводные заросли осок, хвоющей и рогозов, чтобы выгнать, заставить взлететь затаившуюся там дичь. Летняя утка там, где есть возможность спрятаться, таится крепко, до последней возможности. Порой она выскакивает чуть ли не из-под ноги. Есть у нее и манера — не поднимаясь на крыло, уплывать от приближающегося охотника пока чистая вода или сухой берег не вынудят ее прекратить это занятие. Вот мы подошли к длинной и узкой старице, сплошь заросшей хвощами, обошли ее по берегу, но ничего не подняли. Кажется совершенно невероятным, что здесь — в этой узкой, не более 29 м, полосе сравнительно негустой растительности, — могла просидеть и не вылететь утка. Однако убедиться стоит. Подтянув сапоги, лезем в воду и увязая в топком дне бредем вдоль старицы. Пятьдесят, сто, двести метров пройдено — вот впереди и берег и тут, когда до него остаются считанные шаги, прямо перед нами столбом взмывает в воздух целый выводок крякв.

Стрелять утку на подъеме легко и, если бы не волнение, свойственное или молодым или очень уж горячим охотникам, то редко какая из подпустивших нас на выстрел птиц оставалась бы в живых. Но... мало ли мажут здесь и те, чье самообладание безупречно и зиждется на многих сотнях загубленных утиных жизней? Вот она взлетает в каких-то 20 шагах — большая, тяжелая, рыжеватая крякуха. "Ну, отлеталась голубушка!" — думаем мы и дважды великолепно пуделяем (с кем этого не бывало — "пусть первый бросит в меня камень").

И все же попасть во взлетающую утку обычно удается. А вот взять ее, если она бита не на повал и у охотника нет собаки-утятницы, — дело совсем непростое. Птица эта — великая мастерица прятаться и скрытно удирать с места падения. Вот со всем недалеко она шлепнулась в воду и пропала, точно растворилась в поднятых ее падением брызгах. Это она нырнула и запала под водой, выставив на поверхность один только клюв. Напрасно мы ищем, тщетно раздвигаем каждую куртинку водной растительности и буровым сапогами водоросли — пока мы этим занимаемся, объект наших поисков тихо и незаметно уплывает в заросли, потом вылезает на берег или сухую кочку и уже там окончательно затаивается (долго оставаться на воде раненые речные утки избегают). Тем не менее нужно приложить максимум усилий, чтобы все же отыскать свою добычу. Пусть в поисках уходит время, пусть мы знаем, что кругом еще много дичи — попытаться взять подранка обязанность любого уважающего себя охотника.

Чтобы свести до минимума количество потерянных уток, нужно взять за правило — при малейшем подозрении, что падающая или уже упавшая утка бита не наповал, сейчас же пробовать ее дострелить, а отнюдь не пытаться изловить. Последнее почти всегда кончается тем, что нырнув или юркнув в траву подстрел исчезает навсегда. Если же сбитая

выстрелом птица сразу скрывается с глаз, следует подойти к месту ее падения постоять и присмотреться: не выдаст ли она себя каким-нибудь движением, не появится ли на воде легкая рябь или волны "кильваторной струи", не зашевелятся ли травы, не раздастся ли всплеск. Только, когда ничего подобного заметить не удается, можно приступать к систематическому обшариванию всех подозрительных местечек. Уменьшению числа подранков способствует и использование для стрельбы соответствующих номеров дроби (лучше всего №№ 6 и 5), и отказ от выстрелов по далеко поднявшейся птице.

Ходовая охота на водоплавающую дичь или охота с подхода популярна и привлекает многих. Пожалуй нигде не встретишь такой концентрации охотников, как в водо-болотных угодьях в первые дни сезона. Иной раз, куда ни взглянешь, всюду маячат люди с ружьями. Одни бродят по камышам и кочкарникам мелководий, другие на всевозможных плавсредствах бороздят глубоководные плесы, третья таятся по берегам в надежде, что более активные товарищи на них кого-нибудь нагонят. Зачастую высокие тростники и кустарники скрывают охотников друг от друга, а некоторые, особенно хитрые индивидуумы, даже пытаются использовать совершенно посторонних для них охотников в качестве загонщиков и, скрытно забегая вперед по ходу движения последних, хищно западают в осоке. Кроме того, кое-кто из "само-забвенных" стрелков, заметив уток, вообще ничего кроме них больше не видят и теряют всякое представление об окружающем. Таким образом возникает ситуация, при которой получить несколько дробин, а то и весь заряд в любую часть нашего тела легче легкого. Недаром по числу несчастных случаев ходовая охота по уткам первенствует среди всех остальных способов охоты. Правила техники безопасности, запрещающие стрелять по птице летящей ниже уровня человеческого роста, по неясно

видимой цели, в сторону, где, пусть и далеко, мы видим другого охотника, приобретают тут особое значение и должны соблюдаться с полной неукоснительностью.

Охота на уток с подхода бывает удачной до тех пор, пока перелинявшие старые и окрепшие молодые птицы не наберутся осторожности, опыта и перестанут проводить день в зарослях водной растительности. Как только это произойдет — ходовая охота кончается и редко когда, в очень ветреную погоду, удается убить зазевавшуюся и близко взлетевшую утку.

Одновременно с ходовыми охотами, но только не днем, а на утренних и вечерних зорях, ведутся и охоты по уткам на перелетах.

Уже незадолго до открытия летней охоты, в конце июля — начале августа подросшие и получившие способность летать молодые утки на утренних и вечерних зорях начинают пробовать свои силы. Они поднимаются и совершают сперва небольшие, а потом и более далекие облеты окружающей местности. Это еще не перелеты, а тренировки, освоение искусства полета. Взлетев из залива или старицы, где до того проходила их жизнь, птицы через какое-то время туда же и садятся. Но проходят дни, крепнут крылья и выводок вечером уже улетает с привычного плеса в места, богатые кормами. Чаще всего это либо покрытые рдестами и ряской мелководья, изобилующие всякой болотной живностью и пригодными в пищу семенами растений, либо участки, покрытые водяным рисом, либо поля зерновых культур (предпочтительно проса, гречихи, гороха, пшеницы). Пробыв там всю ночь и до отказа наевшись, утки утром возвращают обратно. В первое время — туда, где они жили все лето, в дальнейшем — просто в наиболее удобные для дневки угодья.

Этими-то особенностями их поведения мы и пользуемся. Любителей "постоять зорьку" много, поскольку это дело не утомительное, сравнительно

кратковременное, не требующее физических условий, особого упорства, разве что охотник решит забраться в какие-то мало доступные кряки. А обычно подъехал на машине, прошел с полкилометра, остановился и жди, когда налетят. Налетают же порой довольно часто. Это ли не удовольствие? Если же в дополнение и погода хорошая и комары не норовят съесть заживо — это ли не наслаждение?

Но вот мы на месте. Медленно клонится к горизонту багровый круг солнца. Воздух словно густеет, наполняясь еще не сумерками, а какой-то предвечерней синеватостью. Вода розовеет и местами закатные краски рдеют в ее глубине, как затухающие угли. Тихо... так тихо, что с необычайной ясностью до нас доносятся дальние деревенские звуки, плеск чьих-то весел и голоса наших выбирающих себе места соседей. Для уток еще рано и, отгоняя дымом сигареты назойливо зудящих комаров, мы спокойно следим за медленным угасанием дня, вьющимися над водой чайками или группой всклокоченных ворон, жадно высматривающих в камыше какую-то добывчу. Солнце село, значит нужно подниматься и браться за ружье. Где-то уже стреляют, а вот и рядом, провожая стайку пролетающих в поднебесьи чирков, грохнул дуплет. Зачем? — понять невозможно, потому что достать до птиц можно было разве что из зенитки. Все-таки до идиотизма нелепо это стремление некоторых охотников бахать по любой самой далекой цели. Двести, триста метров, а им все равно — лишь бы "вдарить". То, что это запрещено, распутывает дичь и портит охоту другим, таким неистовым стрелкам либо безразлично, либо не приходит в их отуманенную страстью голову. По соседству явно завелся такой "бахало". Слышно как его укоряют, а он огрызается:

- Куда же ты стреляешь? Далеко же!
- Вижу вот и бью! А чего ждать-то?
- Урод ты тряпошный, а не охотник! Надо бы тебе...

Окончания мы уже не слышим, т. к. прямо с зари

тянет на нас и тянет невысоко табунок уток. Своих выстрелов мы почти не слышим. Смутно замечаем, как веером пошли после них вверх темные остро-крылые силуэты, а следим за той птицей, которая, свернувшись комком, валится в траву. Перезарядив ружье, идем за своим первым трофеем и достаем битую намертво свиязь.

Кругом постреливают все чаще. Снова ждем, провожая глазами тут и там пролетающих стороной уток. Дважды мажем по проносящимся, точно реактивные самолеты, чиркам и только в почти уже полной темноте спускаем в камыш близко налетевшую шилохвость. Долго бродим среди гладких, точно лакированных, стеблей и с трудом находим птицу под одним из их заломов.

Окончательно стемнело, над головой все чаще и ярче поблескивают звезды, а внизу все слилось в одну большую черноту, где только участки чистой воды отражают звездную беспредельность. Пора домой — с тем, чтобы завтра снова в предрассветной мгле прийти сюда, — на этот выступающий в озеро мысок и ждать, когда на посветлевшем небе появятся, приближаясь, темные утиные силуэты. А пока — к дому, к чаю, к свежему сену и короткому, полному ожидания, сну. В первые дни сезона над богатыми дичью угодьями, утки летают почти повсеместно. Однако с ходом времени картина меняется. У птиц появляются излюбленные места дневки и ночной жировки, а также четко выраженные пути следования от одних к другим и обратно. Тут уже не каждое озерцо или залив сулят какую-то удачу, не на всяком участке берега хоть один — два раза на протяжении зари, а выстrelишь. Чтобы успешно поохотиться, теперь нужна разведка, требуется выяснить откуда, куда и над какими местами утром и вечером идет дичь. На это иной раз потратишь не один и не два дня. Правда, если найдешь место хорошего, концентрированного перелета, то можно себя поздравить — пострелять доведется. Этому может помешать лишь одно обстоятельство.

Там, где на водоплавающих много охотятся, они не только концентрируются в определенных местах, но и заметно меняют свое поведение. Постигнув на горьком опыте, что лишь полная темнота может охранить их от покушений охотников, они все позже летят на жировку вечером и все раньше возвращаются с нее утром. Случается всю зорю простоять на испытанном, надежном месте без выстрела и уже собираясь домой вдруг уловить, как над тобой со свистом начинают одна за другой проноситься утиные стайки.

Это вечером, а утром придешь, когда чуть-чуть завиднеется полоса восхода, и окажется — опоздал, т. к. птица уже пролетела к своим дневным пристанищам перед рассветом. Кроме того неоднократно обстрелянные утки, поднявшись в воздух, часто сразу же набирают такую высоту, что стрелять по ним становится бессмысленно. Карапулиз их в этой ситуации приходится не там, где они пролетают, а там, где они снижаются перед посадкой, т. е. вечером — у мест жировки, утром — на дневках. Предпочитательно устроиться так, чтобы, стоять лицом на зорю (это поможет лучше различать налетающих птиц) и, там, где битая дичь не падала бы в непролазную крепь. Несоблюдение последнего условия всегда ведет к бессмысленной потере значительной части убитых уток. Все это приходит с опытом. Сама стрельба на перелетах очень разнообразна. Приходится иметь дело со штыковыми, угонными, летящими, слева направо и справа налево птицами, идущими с различной скоростью и на разной высоте. Далеко не всегда успеваешь подготовиться к выстрелу, т. к. цель зачастую появляется внезапно и стрелять приходится быстро. Особенно это типично при стрельбе чирков, которые ни оттуда, ни отсюда вдруг вывернутся из темноты и с шипением крыльев промчатся и исчезнут в какие-нибудь секунды. Поэтому на хорошем перелете за час иногда расходишься больше патронов, чем за весь день ходовой охоты, а убьешь обычно много меньшее.

На этой охоте нет необходимости как - то маскироваться. Пока не взошло солнце или, когда оно уже скрылось за горизонтом, на земле темнее, чем над ней и налетающие птицы плохо видят охотника. Поэтому те из нас, кто при охоте на перелетах забирается в кусты или тростник, устраивает нечто вроде засидки из веток и вообще таится — только себе же делают хуже. Им труднее заметить приближение дичи, труднее поворачиваться в любую нужную сторону, менее удобно стрелять. Маскировка оправдана только там, куда утки еще до наступления сумерек либо после восхода солнца идут на посадку — случай довольно редкий, если только охота не происходит на обширных водоемах, где дичь практически активна весь день.

Свои вечерние и утренние перелеты водоплавающие регулярно совершают до отлета на юг. В зависимости от смены кормовой ситуации в угодьях направление этих перемещений часто меняется. Кончилась жатва, обезлюдили поля и косяки крякв потянулись на них, чтобы собирать рассыпанное по стерне зерно. Упала вода, образовались участки новых мелководий и вот там, где ее раньше не было, объявится много дичи. Залило дождями пашню и на образовавшихся грязевых топях можно стоять вечернюю зорю. Всего тут не предугадаешь. Просто тому, кто любит охоту на перелетах, все время нужно быть в курсе утиных дел. Тогда грустные возвращения с охоты без выстрела будут для него редкостью.

Там, где местообитания водоплавающей дичи представляют собой не обширные водные поверхности типа взморий, дельт крупных рек, больших озер и искусственных водохранилищ, а мелкие, разбросанные среди болот или суходолов озерки, старицы, плесы малых рек и залитые водой карьеры торфоразработок — применяется охота на дневках.

Для дневки в таких местах утки выбирают тай-

ные притоны, приуроченные обычно к самым труднодоступным и потому не посещаемым людьми местам, укрывшимся среди сплошных зарослей тростников, непролазных кочкарников или глухих, заболоченных участков леса. Обнаружить их трудно, добраться до них еще труднее. Топь, валежник, кочки, зыбающиеся под весом человека сплавины, стоящая стеной тростниковая крепость, где метровым слоем слежались завалы старых стеблей, а растущие — тверды, как бамбук, и резучи, как бритва. И все же, неуемная охотничья страсть, надежда на богатую охоту и полное отсутствие дичи в доступных угодьях толкают нас на преодоление этих преград.

Чаще всего мысль о существовании утиной сидки возникает во время охоты на перелетах, когда утром удается заметить, что многие проносящиеся в поднебесье табунки дичи придерживаются одного и того же направления и над каким-то определенным местом снижаются и исчезают с глаз. Значит есть там у них присада, и желание отыскать ее не дает уже нам покоя.

Если мы знаем, что там, куда летят утки, есть какой-то подходящий водоем, то задача сводится к тому, чтобы до него добраться и проверить — действительно ли птицы избрали его в качестве своего дневного убежища. Когда же ничего определенного нам не известно — приходится искать. Вот перед нами массив старого ольхового леса. Его темная зелень тянется по долине, где весной в половодье все бывает залито водой, а сейчас только желто-зеленая жижа сочится и скапливается в ямах между серыми, корявыми стволами.

Ни дороги, ни тропки — люди сюда не ходят, т. к. внутри, видимо, нет покосов, а собирать тут нечего. С бугра, откуда мы смотрим на всю эту безнадежность, незаметно ни единого просвета, где можно было бы предположить наличие какого-нибудь озерка или речушки, но ведь именно сюда шла утром дичь, именно над этим ольховником мы теря-

ли ее из вида. И мы обрекаемся — сходим с сухо-
дола, где так приятно обдувало ветерком и ласково
пригревало осенне солнышко, и лезем в душную
заболоченную чащу. Ноги на каждом шагу прова-
ливаются и вязнут в зловонной черной няше, кома-
ры жрут не милосердно, на лицо липнет паутина,
ветки ивняка, перевитые какой-то зеленою дрянью,
не дают хода. Куда идти, где искать? Ни малейшей
уверенности в том, что мы что-то отыщем нет, но
охотничье упрямство мешает нам бросить всю эту,
как теперь кажется, безнадежную затею. Впереди
засветлело, завиднелись заленеющие от ряски до-
вольно большие лужи, но мы не обольщаемся — ути-
ную сидку редко когда обнаружить глазами, о ней,
обычно еще не видимой, гораздо чаще извещают
шумные взлеты напуганных нашим приближением
птиц. Вот и здесь тоже самое — воды порядочно, а
дичи...? Даже следов ее пребывания нет. Снова про-
дираемся сквозь заросли, прыгаем с кочки на коч-
ку, вязнем в болотной жиже и клянем про себя и
это проклятое место, и уток, и собственную настыр-
ность. Бывает, что так и промучаешься весь день
ничего не обнаружив, но зато, если повезет — ка-
кое чувство величайшего удовлетворения и гордос-
ти за свою настойчивость переполняет душу. Вот
где-то впереди захлопали крылья. Мы слышим: один,
второй, третий взлеты; видим: в просветах крон
мелькают рыжеватые тени улетающих птиц и, на-
конец, вздрагиваем от внезапного гула взлетевшей
утиной стаи. Еще сколько-то десятков шагов и мы
оказываемся у заповедного места. Между редкими
коблами усохших ольх, окруженный уже желтею-
щими зарослями рогоза протянулся узкий и длин-
ный плес. Вода чуть ли не сплошь покрыта утиными
перьями и пухом, осока на кочках примята, вытоп-
тана и белеет от птичьего помета, зеленые островки
ряски во всех направлениях искрещены утиными
"проплывами", а грязь — отпечатками перепонча-
тых лап. Итак, мы нашли то, что искали!

Теперь главная задача — отыскать кратчайшую дорогу к суходолу, запомнить ее, а еще лучше — наметить затесками, сломанными ветками и иными знаками, которые помогут нам ночью, перед утренней зарей, отыскать сидку. Сейчас нам тут делать нечего — если какая-то часть улетевших уток и вернется, то пальба по ним только испортит утреннюю охоту.

Сколько бы мы ни метили, ни прочищали и ни улучшали (устраивая на наиболее топких местах клади из жердей) дорогу, а ночное возвращение по ней — поистине "казнь Египетская". Поэтому выходить из дома нужно заблаговременно, чтобы быть на месте с первыми признаками рассвета. Добравшись до уже знакомого плеса, выбрав какое-либо укрытие, обеспечивающее наилучший обзор, мы ждем, отгоняя дымом сигареты назойливое комарье. Тихо, пусто, мертвое. Ни признака жизни, ни намека на присутствие дичи. Над тусклой поблескивающей водой поднимаются, клубятся клочья тумана и белая его пелена все утолщается и пухнет, поглощая кусты, основания древесных стволов и холодной сыростью забирается нам под телогрейку. Начинает светать. Я не знаю почему, но на сидках первых появившихся уток всегда прозеваешь. Как ни верти головой, как ни вглядывайся, а они ни оттуда, ни отсюда неожиданно шлепнутся на воду, иногда чуть ли не рядом. Может быть дело в том, что над сидкой они никаких кругов не делают, а сразу же идут на посадку, может быть, подлетающих птиц плохо видно на фоне еще темного леса. Так или иначе, а охота начинается всегда неожиданно, а начавшись, идет уже без проволочек. На привычное обжитое место дневки утки порой начинают сыпаться, как из мешка. Табунок за табунком, отдельные особи, целые стайки поодиночке и сразу по нескольку выныривают из-за стены леса и то лощат, то чуть ли не пикируют на воду. Они точно накрывают охотника, едва успевающего перезаряжать ружье. Правда, длится это

обычно недолго, каких - нибудь 30 – 40 минут, и потом все кончается. Редко, редко появится задержавшаяся на ночной жировке крякуха или стайка чирков, упорно не желающих расстаться с привычным местом, но это уже случайность. Остается сбратить добычу и следовать домой.

Охотиться на сидке изо дня в день нельзя – две, иногда три зари подряд, и утки полностью прекращают на нее прилетать. А вот если постреляв одно утро, мы делаем перерыв и в течение нескольких дней даем птицам успокоиться, то можно время от времени на протяжении всей осени повторять охоту. Мешает этому обычно лишь то, что наши коллеги по страсти, как правило, зорко следят друг за другом и, услышав где-либо интенсивную утреннюю стрельбу, пускаются в розыск, следуют нашими путями и, обнаружив желанное место, вносят свою посильную лепту в его эксплуатацию. Коллективного же нашествия ни одна сидка, конечно, выдержать не может и быстро прекращает свое существование.

Как уже упоминалось, на всех перечисленных летне-осенних охотах по водоплавающей дичи мы почти неизбежно теряем какое-то количество не только подранков, но и намертвобитых птиц. Статистика показывает, что размер таких потерь от числа упавших после выстрела уток доходит до 30 – 50%. По-настоящему помочь тут может только хорошо работающая, т. е. отыскивающая и подающая хозяину убитых птиц, собака. Ею может быть легавая любой породы, спаниель, лайка, фокстерьер, гончая и даже приученная к такому занятию дворняжка, но по ряду соображений пальма первенства здесь должна быть отдана спаниелю.

С каждым годом городскому охотнику-владельцу собаки, – если он не является одновременно и обладателем автомобиля, все труднее становится выезжать на охоту. Провоз в городском и железнодорожном транспорте четвероногого помощника

превратился в настоящую проблему. Этапы, по которым идет здесь "хождение по мукам" несчастного собаковладельца, в схеме таковы. Выкроить время для поездки в районную ветлечебницу и заручиться там справкой, разрешающей транспортировку животного. В железнодорожной кассе приобрести себе билет и не какой-нибудь, а обязательно в головной вагон поезда. Уверенность попасть в вагон спокойно зависит от проводниц и попутчиков по вагону, дабы они разрешили вам оставить собаку при себе. В противном случае вам придется устраивать ее и значительную часть пути самому и собаке ехать в пропахшем углем и наполненном грохотом переднем вагоне. Нужно только заблаговременно приучить своего питомца спокойно вести себя в различной обстановке, слушаться и любить своего хозяина и его дело, тогда почти наверняка устанавливаете дружеский контакт с попутчиками. Собака, спокойно сидящая на месте, обычно привлекает внимание и пробуждает симпатию. Даже самые яростные "пesonенавистники" (убежденные, что любой контакт с собакой грозит им немедленным заражением глистами) только косятся, а на изгнании четвероногого пассажира не настаивают. Хозяину важно уметь найти контакт с собакой и с попутчиками.

Среди охотничьих собак спаниель занимает несколько обособленное положение. С одной стороны он, как пойнтер или сеттер, является типичным "птичником". С другой — в его работе нет присущих легавым широкого, стремительного поиска, картииной потяжки и главное — стойки. Вертя обрубком хвоста, с развевающимися ушами носится он вокруг хозяина, отыскивая и выгоняя затаившихся птиц. Ни что его не держит. Он смело лезет в крапиву, в заросли колючих кустарников, в затопленные водой кочки и камыши. Вот он причудил что-то, заспешил, загорячился, запрыгал из стороны в сторону. Все его поведение говорит о том, что дичь где-

то тут, близко и нужно готовиться к выстрелу. С кряканьем поднялись из осоки две матерки и тяжело шлепнулись под другой берег после вашего дуплета. Почти одновременно раздается и третий всплеск. Это спаниель плюхнулся в воду, поплыл за добычей. Одну крякуху он нашел сразу, вынес, бросил у берега и торопливо отправился за второй. Слышно: он пыхтит и шлепает в тростнике, преследуя подранка, и временами даже взвизгивая от азарта. Через несколько минут собака уже плывет к вам, сжимая в пасти еще живую крякву.

На перелетах и при охоте на дневках нет ни малейшей необходимости отрываться от дела для поисков и собирания добычи — собака всех упавших птиц разыщет и принесет. Мало этого: кончился перелет, вы сходите с места и направляйтесь туда, где стоял и довольно много стрелял ваш товарищ. Застаиваете вы его в расстроенных чувствах, т. к. из сбитых им четырех уток он нашел только одну, вымок, пока тщетно искал остальных и сетует на свое неувезенье. Выяснив, где птицы упали, вы посылаете спаниеля в поиск, сориентировав его для быстроты дела брошенными в нужном направлении палкой или комком земли. Песик деловито исчезает в камыше и видно только, как от его движения качаются стебли. Если утки действительно падали (бывает ведь, что утверждения подобного рода не всегда соответствуют истине), они через какое-то время будут найдены, вынесены к вам и займут свое место в яг-также вашего компаньона.

Наташка спаниеля относительно проста. По сравнению с легавыми от него требуется немного. Он должен: старательно искать дичь, не отходя при этом далеко от хозяина; не гнать взлетевшую птицу; отыскивать и подавать убитых. Обучение всему этому не требует от наташки каких-то особых опыта и знаний, а, значит, по плечу даже начинающему охотнику, если только он воспитал своего питомца в духе неукоснительного послушания. Непослушный же

спаниель (впрочем, как и любая другая собака) не помощник, а главная помеха для охотника. Несмотря на свои коротенькие ножки, он быстро оставляет хозяина позади, уносится вперед, поднимает там на крыло все живое и, если есть для того возможность, с упоением пускается в погоню. Напрасно вы будете оглашать округу свистом, призывами и руганью — маленькая бестия, не обращая на них внимания, будет творить свое черное дело и убить вам ничего не даст. Правда, в большинстве своем, спаниели умницы и довольно скоро соображают, что действуя вне контакта с хозяином они лишаются величайшего наслаждения — возможности схватить, обнюхать, подержать во рту так привлекающую и волнующую их птицу, поняв же, перестают уходить далеко. Но, как говорится, "пока солнце взойдет — роса очи выест".

Из охот на уток мне осталось рассказать только о их осенней стрельбе с чучелами. Охота эта древняя, о чем свидетельствуют деревянные подобия уток (примитивные чучела), обнаруживаемые археологами при раскопках древних становищ человека.

Там, где вдоль морских побережий, крупных рек или озерных систем искони пролегали пути пролета водоплавающей дичи, утиные чучела — непременная часть снаряжения местных охотников и тому, кто приезжает сюда поохотиться во время осеннего пролета.

Когда первые заморозки разрисуют лесные опушки невообразимой пестротой октябрьских красок, когда по утрам поникшие травы серебрятся от инея, а днем на солнечном пригреве сотни маленьких паучков суетятся на концах камышин и ждут ветра, чтобы на паутинной нити — парашюте отправиться в полет к какой-то им одним ведомой цели, когда над холодно-синеющей или свинцово-серой гладью вод начинают появляться стайки не встреченных здесь раньше шилохвостей, свиязей, го-

голей и хохлатых чернетей, — значит пошла "северная утка" и нужно приступать к сборам на охоту. И вот мы выезжаем. До рассвета далеко, в окружающем мраке едва приметно поблескивают участки чистой воды и купы тростников черными расплывчатыми тенями вдруг возникают, приближаются и вновь растворяются в непроглядной ночной темени. Мы гоним лодку туда, где заросли надводной растительности поредеют и расступятся вокруг чистых, открытых плесов, ибо охота с чучелами — это охота только на чистой воде.

Пусть напуганные приближением нашей лодки, не видимые, но ясно слышимые, вокруг взлетают целые табуны дичи, пусть мы повсюду вокруг слышим их голоса и всплески посадок — не соблазняться, не пробовать тут же в этом мнимом охотничьем Эльдорадо найти более или менее обширный участок открытой воды, высадить на нем чучела и засесть в ближайшей куртине рогоза. Это бесполезно и мы только потеряем самые драгоценные для охоты утренние часы, т. к. все эти утки здесь только кормятся и с рассветом улетят на чистину; та же малая их часть, которая может и останется в ежеголовниках и ситниках, перемещаться не будет, чучел не увидит и к ним не подлетит. Итак... на большие плесы, туда, где уток сейчас нет, но куда они прилетят на день. Там, выбрав удобную группу затопленных кустов, куртину камыша или рогоза для того, чтобы укрыть лодку и спрятаться самому, мы, высадив на воду чучела, устраиваемся. Светает, начинает задувать утренний ветерок и первые еще молчаливые чайки белесыми тенями появляются и исчезают, направляясь к своим кормным местам. Кое-где начинают постреливать, а вот, наконец, и мы видим порядочный табунок уток, идущих в нашу сторону. Вот они заметили чучела, заложили, снижаясь на неподвижных крыльях, снова набрали высоту, облетели нас стороной и, повернув против ветра, пошли к чучелам на посадку. Мы уже видим, что

это красноголовики, различаем среди них светло-серых, чернозобых, рыжеголовых селезней и бурых самок, замечаем, как приближаясь и готовясь сесть, птицы принимают в воздухе почти вертикальное положение, часто работают крыльями и, распустив свои короткие хвостики, выставляют вперед растопыренные лапы. Встаем им навстречу и они испуганно взмывают веером, уходя вверх — лучшего момента для выстрела и придумать трудно.

Все чаще и чаще свистят над головой утиные крылья, в розовеющем небе глаз ловит проносящиеся утиные стайки, то и дело они поворачивают к чучелам — это идут минуты массового вылета дичи с мест ночевки. Они обычно недолги — полчаса или час максимум, но это вовсе не значит, что и охота с чучелами так же кратковременна. Она может продолжаться весь день, т. к. сторожки и бойкие осенние утки, напуганные где-то появлением людей или нападением пернатого хищника, а то и просто в поисках более приятного места, часто поднимаются на крыло, перемещаются с плеса на плес и, следовательно, обеспечивают возможность продолжения охоты. Только в тихие, безоблачные дни, когда к полудню начинает пригревать, а водная поверхность зеркально неподвижна, охотнику бывает скучновато. Воздух пуст, если не считать клубящихся там и сям групп визгливых чаек, да представительниц вороньего племени, жадно высматривающих потерянные охотниками подранков. Вдалеке, на открытых чистинах мирно застыли на воде неподвижные скопления дичи, дразнящие, соблазняющие и недосягаемые. Смотришь на них и молишь судьбу о появлении рыбачьей лодки или подорлика, или любого другого хищника, ну хоть кого-нибудь, кто нарушил бы безмятежный отдых всей этой публики. Молишь о ветре, молишь о волне, способных потревожить утиные стаи, а время идет... и ничего не меняется. Поистине на этой охоте по отношению к погоде подходит поговорка: "чем гаже — тем глаże". Буря, бе-

лье гребешки вспененных волн — вот, что нужно, чтобы дичь не засиживалась, а охотник не скучал.

Понятно, что на успешность охоты оказывают громадное влияние количество и качество используемых охотником чучел и умение их правильно высаживать. В отличие от многих наших зарубежных соседей (охотники США и Канады, например, высаживают иногда по 100 и более чучел каждый) у нас редко используется большое их количество — 10 или 20 штук на охотника считается достаточным. Объясняется это тем, что, во-первых, приобрести хорошие чучела трудно, во-вторых, перевозить их довольно сложно и, в-третьих, при нашей технической оснащенности (лодка или челнок, приводящиеся в движение веслами или шестом), на высадку 3—4 десятков чучел и их собирание после охоты уходит пропасть времени. В ветреную погоду или на сильном течении с этим делом и вообще замучаешься. Этими-то причинами и определяется наша умеренность в данном вопросе, хотя несомненно, что, чем больше у охотника "высадка", тем активнее на нее реагируют утки. Нашей промышленностью, в совершенном не достаточном количестве выпускаются резиновые утиные чучела. В большинстве случаев это довольно жалкие подобия изображаемых ими птиц, далекие от совершенства и по форме и по окраске, хотя отдельные предприятия (например завод в Омске) выпускают продукцию вполне удовлетворительную. Изготовление чучел размером значительно больше, чем изображаемая ими утка, широко используемое на западе, у нас не в ходу.

Охота с чучелами возможна не только с лодки. Там, где глубина воды позволяет ограничиться гидрокостюмом или высокими сапогами, и охотиться можно с берега или с "сидушки", т. е. втыкаемой в дно водоема скамеечки.

Общая продолжительность охоты с чучелами определяется условиями погоды. Пока водоемы полностью не сковало льдом, пока на них сохраняются

не замерзшие участки воды, на них продолжает дер- жаться дичь — можно охотиться. Охота становится даже более добычливой, т. к. утки концентрируют- ся там, где сильное течение, либо поднимаемые вет- ром волны задерживают образование льда. Даже напуганные выстрелами птицы раз за разом воз- вращаются на такие не замерзшие разводья. Но, наконец, зима вступает в свои права и охоте при- ходит конец.

Глава 2. За гусями

Есть среди водоплавающей дичи, добыча которых для большинства наших охотников — не-сбыточная мечта, для многих — редчайшая удача и лишь кое для кого — достаточно привычное дело. Речь идет о гусях и казарках, некоторые их виды (серый гусь, гусь гуменник, белолобик, пискулька) пока еще достаточно многочисленны и охота на них разрешена.

Немало есть звуков, несказанно волнующих охотника, заставляющих его вздрагивать, как от удара, опаляющих его душу мгновенной вспышкой надеж- ды. Это долетающие из предрассветной темени леса первые щелчки глухариной песни, приближающе- ся хорканье вальдшнепа, голос побудившей зверя гончей или близкое гусиное гоготание. Именно близ- кое, потому, что вдалеке мы слышим его достаточно часто и без особого волнения провожаем взглядом летящие в поднебесьи изломанные вереницы недо- сягаемых птиц. Здесь их голоса лишь отзываются в нас то радостью наступающей весны, то прощаль- ной осенней грустью. "Гусь пошел!" — подумаешь или скажешь спутнику и на этом эмоции закончат- ся. Но там, где на гусей открыта охота, где об их присутствии постоянно напоминает доносящееся откуда-то разноголосое кагаканье, а то и пролета- ющие стороной гусиные стаи, — там близко раз- давшийся гогот ошпаривает словно кипятком. В нем

и страх того, что ты уже прозевал драгоценную добчу, и упование на возможность осуществить свою давнишнюю мечту, поймав стволами низко наплывающий, покачивающийся в воздухе силуэт длинношеей птицы.

В местах, где гуси или казарки выводят потомство или задерживаются во время пролета, по ним иногда случается стрелять при охоте на другие виды дичи. Но это всегда неожиданная удача, счастливая случайность, так сказать, подарок судьбы. Специальная же охота на гусей — дело серьезное, требующее упорства, знания мест обитания и повадок этой крайне осторожной и зоркой птицы. Во время, совпадающее с сезоном охоты, у гусей существует очень четкий распорядок дня. Переночевав на каком-нибудь укромном и обязательно совершенно открытом участке берега, они с рассветом летят коротким полетом на озимые или уже убранные хлебные поля, а весною — на пашни. Пробыв там 3—4 часа и набив пищевод до самого горла свежей зеленью или зерном, гуси возвращаются на воду для "пришивки", после чего, за 3—4 часа до захода солнца, вновь отправляются питаться. Там, где плешь водных угодий обширна и полей близко нет, птицы для жировки летают на отмели, где поедают моллюсков, либо на плесы, заросшие водяным орехом — чилимом. В этих случаях они проводят в местах жировки весь день и покидают их только вечером. Гуси никогда не прилетают прямо к своему будущему ночлегу, а опускаются на воду где-то в отдалении от него и лишь с наступлением темноты в полном молчании подплывают и выбираются на берег. Пути, по которым они перелетают с мест ночлега к местам жировки и дневного отдыха, как и сами эти места, очень постоянны и перемещения удивительно точны по времени. На этих-то постоянстве и точности и основана организация охоты.

Первый этап подготовки к ней — разведка. Нужно выяснить, когда и куда гуси летят утром, где прово-

дят день, над какими участками угодий пролетают на высоте, допускающей надежный выстрел. Не день и не два потратишь обычно, чтобы во всем этом разобраться, тем более, что разовое наблюдение еще ничего не гарантирует. Потревоженные кем-то гуси могут пролетать и скопляться в местах совершенно случайных, где их впоследствии и не увидишь. А вот, если и сегодня, и завтра вы видите, как в определенное время одним и тем же путем их стаи прилетают и садятся в одно и то же место, — надежда на успех становится реальной.

Однако до самого успеха еще далеко. Дело в том, что гуси предпочитают пролетать там, где на их пути нет ничего, что могло бы послужить укрытием охотнику. Над чистой водой, над сплошными тростниками крепями или оголенной гладью полей они могут лететь совсем низко, но над отдельными куртинами водной растительности, бурьянами или мелколесьем набирают высоту. Все новое, непривычное для данного места их настораживает, а это значит, что любой выдающийся на местности скрадок вызовет их подозрения. Даже свежевыкопанная (при устройстве складка-окопа) земля, если охотник не побеспокоится как-то ее замаскировать, нередко заставляет гусей свернуть в сторону. Там же, где птицы садятся, они еще более недоверчивы ко всяkim изменениям в привычной им обстановке.

И вот, отыскав ценой многодневных поисков и усилий район гусиной присады, мы зачастую оказываемся перед проблемой: где спрятаться? Кругом на десятки, а то и сотни гектаров раскинулись огороженные пространства убранных полей, озимей, кочковатая гладь сфагновых клюквенников или почти лишенные растительности мелководья. Нет ни кустика, ни какой-нибудь самой убогой сосенки, ни куртинки тростника или рогоза, где можно было бы устроить укрытие. На суходоле, конечно, можно выкопать яму, в болоте или на воде — устроить засидку — бочку (что и делается в ряде охотничих хо-

зяйств), но охотнику - одиночке не только бочки, но и лопаты - то обычно раздобыть негде. Единственная возможность для него — суметь все же поставить как можно менее заметный скрадок. Если окажется, что он все же явно выделяется на местности, лучше всего отложить охоту дня на два, чтобы гуси попривыкли к поставленному нами сооружению. Когда посчастливится отыскать гусиную присаду, не стоит размещать скрадок в самом ее центре. Многое целесообразнее устроиться где-то с краю, метрах в двухстах от места основной сидки. Во-первых, здесь он будет не так сильно тревожить прилетающих птиц и, во-вторых, наши выстрелы будут не разгонять всех прилетевших на присаду гусей, а только их тревожить. Птицы будут взлетать, кружиться и снова опускаться на привычное для них место. При этом они могут не раз оказаться в пределах досягаемости выстрела.

Но вот вся подготовка позади: место, где в утреннее время появляются гуси, найдено, скрадок поставлен и можно начинать охоту. Близится час, когда как установлено, можно ждать прилета и мы ждем. Где-то раздается далекое погогакивание, оно слышится ближе и ближе и мы уже видим одиночного высоко идущего гуся. Не шевелимся, замираем в полной неподвижности, лишь косим глазами на делающую один, второй, третий круг постепенно снижающуюся птицу. Знаем, что это разведчик, явившийся проверить, все ли спокойно там, куда привыкла летать его стая. Эти гусиные соглядатые для охотника весьма опасны: они не просто летят, а специально высматривают врага и, уж, если нас заприметят, прощай всякая надежда на прилет той партии гусей, от которой прибыл дозорный. Когда мы устроились на пути гусиного лета, разведчик обычно лишь проследует над нами. Над самой же присадой он будет долго кружить, прежде, чем, наконец, сядет, да и тогда всем своим видом являет состояние недоверчивой настороженности: сидит

неподвижно, вытянув шею, и только высоко поднятая голова медленно поворачивается из стороны в сторону. Иногда, посидев немного, он улетает, чтобы вернуться со своими собратьями, иногда дожидается их прилета и голосом дает им знать о своем присутствии.

Случается, что разведчик налетает или садится от нас довольно близко, однако стрелять по нему будет лишь тот, кто не верит в большую удачу и "сицицу в руках" предпочитает "журавлю в небе". Если на выбранное нами место прилетает одна гусиная стая, отстрел дозорного равнозначен окончанию охоты, т. к. его сотоварищи сюда уже чаще всего не прилетают. И так бывает обидно, когда охота заканчивается, едва начавшись... А потом, кто из нас не мечтал о дуплете? Нет, стрелять разведчика не стоит!

Снова тянется томительное ожидание, снова в мыслях один - единственный вопрос: прилетят или нет? И, наконец, сбылось! Издали доносится многоголосое гоготание и мы замечаем темную цепочку приближающихся птиц. Она вырастает, растягивается, распадается на отдельные силуэты и уже ясно, что нас не минует. Только бы не заприметили и не отвернули! В эти минуты малейшее неосторожное движение (попытка повернуться и перенести стволы ружья в нужную сторону) может погубить все - гуси неизмеримо зорки. Готовиться к выстрелу можно лишь тогда, когда птицы уже близко, когда мы различаем детали их оперения и вытянутые назад, прижатые к животу лапы. С каким напряженным волнением ловим мы тогда мушкой ту точку, в которой снаряд дроби должен встретиться с выбранным нами гусем! С каким ликованием или отчаянием воспринимаем результаты своих выстрелов!

Попасть в гуся было бы легко, если бы не обманчивая иллюзия медлительности его полета. Большие размеры птицы, неторопливые взмахи ее крыльев скрывают истинную скорость ее движения

и не знающие этого охотники не берут нужного упраждения. Гусь крепок на рану, хотя вблизи убить его можно и относительно мелкой дробью, но для специальной охоты нужна все же дробь в пределах 3—1 номеров. Гуся — подранка следует немедленно достреливать, а намертвобитых — собирать после окончания охоты. Дело в том, что способность гусей появляться в самые неподходящие минуты просто поразительна. Иной раз часа два ничто не говорит о их близком присутствии, но стоит подняться в скрадке на ноги, чтобы размяться или выйти за убитой птицей и они уже тут как тут, заметили нас, загадали и "прости, прощай, сухота моя".

В принципе на гусей существует еще охота с подхода или подъезда, иногда в чистом виде, иногда в сочетании с нагоном. Однако охотнику в ней редко сопутствует удача. К сидящим в поле или на чистой воде гусям подобраться даже на дальний выстрел необычайно трудно. При любой стае обязательно есть дозорные, бдительно охраняющие безопасность своих собратьев. Теперь уже никакие виды транспортных средств не обманут врожденную гусиную осторожность, т. к. с повозок, автомобилей, тракторов, и моторных лодок по ним достаточно много палили. Картина же того, как охотник, распластавшись на пашне, сфагновом болоте или, согбаясь в три погибели среди скучных стеблей водной растительности, пробует подкрасться к гусям, может вызвать только сочувствие к его наивности. Попытки подобного рода заведомо и безоговорочно обречены на провал. В редчайших случаях гусей удается скрасть, если они сидят недалеко от леса, густых кустов, камышовых зарослей, глубокой канавы или чего-либо подобного, позволяющего к ним подобраться.

Нагнать гусей на спрятавшихся где-то товарищей — тоже дело хитрое, требующее определенных условий местности, искусства загонщика и везения. Этим утверждением я и закончу описание охот на водоплавающую дичь.

Глава 3. С легавой

Более ста лет назад С. Т. Аксаков писал: "Всякий охотник знает необходимость легавой собаки: это жизнь, душа ружейной охоты". Если говорить об осенней охоте по перу, то справедливость этого утверждения бесспорна. Глухарь и тетерев, белая и серая куропатки, фазан, вальдшнеп, дупель, бекас, гаршнеп и коростель — вот перечень видов, охота на которые в конце лета и осенью без легавой, если и возможна, то теряет значительную часть своей привлекательности, не говоря уже о добычливости. Вероятно никто из нас не ждет открытия летне-осеннего сезона с таким трепетным нетерпением, как охотники — владельцы подружейных собак. Понять их можно, потому, что лишь эти два предстоящие месяца дано для использования на охоте их любимцев. Только август и сентябрь в большинстве районов нашей страны может страстный легашатник по-настоящему упиваться работой своего сеттера, пойнтера или курцхара. Только в это время он — "король" среди сотоварищей по страсти, тот, кому оказывается доступной одна из самых классических охот по самым разнообразным видам пернатой дичи — охота из-под легавой. В последние годы этой не очень-то многочисленной у нас группе охотников сделали подарок: охоту с кровной собакой разрешили начинать на неделю раньше установленного для остальных поклонников Дианы срока открытия охоты. Однако от решений до их претворения в жизнь порою бывает далековато и не многие счастливцы имеют возможность воспользоваться предоставленной им привилегией. Те, кто собак не имеет, оказались обиженными и свое недовольство местами выражают достаточно явно. В результате работники охотхозяйств, избегая конфликтов, о привилегии обычно не вспоминают, открывая охоту и с собакой и без нее в один и тот же срок. К великому сожалению, возможности для проведения этой охоты,

особенно в густо населенных районах страны, неуклонно уменьшаются. В процессе хозяйственного освоения угодий качество последних и численность в них дичи падают. Соответственно сроки и нормы добычи птиц все больше ограничиваются. Для охотника все это поистине "во чужом пиру похмелье". Действительно, какие-нибудь нерадивые лесозаготовители, в погоне за кубометрами, вырубают площади глухаринных токов. Неистовые борцы с насекомыми — вредителями лесного и сельского хозяйства или сорняками, опыляют, засыпают и поливают громадные площади всевозможными ядовитыми мерзостями. Безмозглые мелиораторы спрямляют русла рек, осушают болота и уничтожают целые озерные системы. Целеустремленные механизаторы равнодушно взирают на искромсаные ножами косилок и силосоуборочных машин трупики молодняка зверей и птиц. Толпы вездесущих туристов, точно частым гребнем, прочесывают угодья, создавая условия, в которых спокойно высидеть кладку или благополучно вырастить потомство многие виды птиц не могут. А охотники вынуждены прекращать охоту и с помощью всяческих биотехнических воздействий пытаются сохранить то, что не ими уничтожается.

И все же возможности для охоты с легавой по выводкам боровой, полевой и болотной дичи еще сохранились. Сущность этой охоты неизменна, какой бы вид дичи ни являлся ее объектом (собака отыскивает птиц, делает по ним стойку, по команде хозяина поднимает их на крыло и охотник стреляет). Меняются лишь места проведения охоты. При поисках тетеревов мы идем туда, где лесные поляны и зарастающие вырубки перемежаются с участками леса, где к последним примыкают поля зерновых культур или закустаренных лугов. Сфагновые болота с их редкостойными угнетенными сосняками, багульником и краснеющими по кочкам ягодами клюквы и брусники сулят нам встречу с белыми

куропатками, а захламленные старые леса по окрайкам этих сфагнозников — с глухаринами выводками. Мы обыскиваем чащи молодых насаждений в надежде поднять вальдшнепа, бродим по залистанным, заросшим бурьяном межам, между полями сельскохозяйственных культур в чаянии поднять серых куропаток, пробираемся опушками тугаев, где таятся днем длиннохвостые фазаны и откуда они выбираются кормиться на близлежащие поля. Мы ищем дичь в тех угодьях, которые она предпочитает в конкретной местности. Охота обычно проводится в утренние или предвечерние часы, когда выводки всех перечисленных птиц выходят кормиться из зарослей на относительно открытые места и их свежие наброды еще сохраняют запах, помогающий собаке обнаружить вожделенную добычу. Кроме того, во второй половине августа, да и в сентябре дни бывают еще довольно жаркими и часа через 2–3 после восхода солнца даже "легко одетые" пойнтер или курцхар, не говоря уже о сеттере, вываливают из раскрытой пасти язык, дышат словно запаленные и немедленно лезут пить и купаться в любую встретившуюся лужу. Все это их работе никак не способствует. Только в прохладную, пасмурную погоду с легавой можно охотиться весь день, если, конечно, дичь не забивается в совершенно непроходимые крепи, как это часто делают фазаны. Вообще днем отыскивать выводки труднее, т. к. они в это время забираются под защиту всевозможных укрытий, и условия менее благоприятны для стрельбы. Одно дело, когда из-под стойки на чистом месте, да еще не сразу начинают взлетать разбрехшие на жировке тетерева или куропатки и совсем иное — когда где-то за кустами или в мелколесьи, почти не видимый разом "взорвется" весь выводок.

Найденные собакой фазаны, а также белые и серые куропатки довольно часто не желают сразу взлетать, а пускаются в бег, рассчитывая удрать под защиту высокой растительности. Охотнику и его

помощнице в таких случаях приходится поторапливаться и легавая с тугой (медленной) подводкой в этих случаях сущее наказание. Пока она еле-еле, все время приостанавливаясь, будет тянуть по следу убегающих птиц, те успеют забраться в такую чащобу, где их потом если и поднимешь, то не уви-дишь.

К началу сентября большинство тетеревов, а тем более глухарей, перестает выдерживать стойку. Собака еще только начинает их причиувать и тянуть, а они уже взлетели вне выстрела. Потом, если птицы рассеятся поодиночке, некоторые из них выдер-жат стойку и подпустят охотника. Охота по таким переместившимся и рассевшимся врозь после первового подъема выводка птицам, даже в начале сезона, мне всегда казалась наиболее интересной. Приследив в какую сторону полетели поднятые тетере-ва или куропатки, а то и заприметив те кусты или опушку, куда они опустились, дав им с полчаса об-сидеться, идешь туда, зная, что собака порадует тебя несколькими следующими одна за другой работами, а ведь каждая из них — удовольствие. Именно по-этому, в отличии от некоторых наших западных со-седей, мы стреляем только из-под стойки. Не ради добычливости охоты, не для того даже, чтобы предотвратить потерю подранков держим мы легавую. Мы хотим наслаждаться ее работой, хотим, чтобы выстрел был лишь завершающим аккордом в немой симфонии поиска, потяжек и стойки, лишь после-дним штрихом восхищающей нас картины. Я до сих пор не могу забыть того, как на одной из охот в Чехословакии, я был даже не шокирован, а доведен до последних стадий возмущения, когда курцхару, честно вставшему над затаившимся фазаном, егеръ вдруг дал пинка! Оказалось, что у них собака дол-жна только помогать загонщикам в выпугивании дичи, находить и подавать сбитых выстрелами птиц. Это ли не кощунство? Фазаны и куропатки в ходе времени, безусловно, тоже набираются опыта и ста-

новятся более осторожными, но все же охота на них с собакой возможна до самой поздней осени. Несколько десятилетий тому назад массовым объектом охоты с легавой был перепел. Сейчас эту роль он сохранил только в южных областях, особенно в Крыму и на Кавказе, где в период осеннего пролета перепела скапливаются у побережья Черного моря, выжиная благоприятной для преодоления этой преграды погоды.

Практически единственным представителем боровой дичи, на которого охота с легавой не проводится, является рябчик. Птица эта уже с самого юного возраста не держит стойки, не подпускает собаку близко и при ее приближении сразу же взлетает и затаивается на дереве (см. глава 6). Что касается горной куропатки или кеклика, то рассматриваемая нами охота затрудняется особенностями местообитаний этой дичи (см. глава 7).

Сейчас же поговорим об охоте с собакой на вальдшнепа.

Лес. Желтые, палевые, алые, багряные, бурые листья. Листья всех цветов и оттенков тихо порхают в прозрачной неподвижности осеннего воздуха, то метутся в порывах ветра, то, сбитые дождовыми каплями, бессильно никнут к земле. Некоторые из них еще сохранили увядющую зелень лета, но все они мертвы и общий их удел — тление. С утра до вечера лес наполнен их многоцветным мельканием, едва уловимым шелестом и терпким запахом. По ночам они тоже незримо падают, шелестят, пахнут и каждое утро на деревьях их становится все меньше, а на земле — все больше. И где-то здесь среди пожухших трав, злой осенней крапивы и рыжих зарослей таволги таится рыжий вальдшнеп — прекраснейшая из птиц нашего леса.

Остается секретом: каким образом эта вообще одиночная птица собирается при перелетах в группы? Но это несомненно, т. к. постоянно в каких-либо участках леса за одну ночь появляется и

потом исчезает сразу много вальдшнепов (осенние и весенние высыпки, так называют охотники эти массовые появления). Но так или иначе, а несомненно одно — из всех видов боровой дичи вальдшнеп самая лучшая. Хотя для охотника вкусовые качества его добычи далеко не самое главное, а все же стоит упомянуть о том, что жареные вальдшнепы испокон веков считались изысканнейшим лакомством. Их полагалось даже жарить не иначе как в серебряных кастриолях (то ли из уважения к качеству их мяса, то ли потому, что серебряная утварь придавала им какой-то особый вкус). Тем не менее, зажаренный на обычной сковороде вальдшнеп остается вальдшнепом, т. е. одной из самых вкусных птиц. Для охотника же главная ценность его не в этом. В вальдшнепе скрыто какое-то непередаваемое очарование. Он точно воплощает в себе прелест осеннего леса с его таинственностью, красками и запахом. Он словно белый гриб, найдя который забываешь о всех этих подсиновниках, личинках и прочей грибной мелочи. Что же касается осенней охоты на вальдшнепа, то мало какая другая охота может с ней равняться. Обстановка осеннего леса, удовольствие от работы собаки и в большинстве случаев очень трудная стрельба доводят ее эстетичность и спортивность до высочайших пределов. Вальдшнепы, как правило, держатся в чащах и хотя они хорошо выдерживают стойку собаки и подпускают близко, взлетают так стремительно и так ловко укрываются за сплетениями ветвей, что попасть в них очень непросто. Когда в 10—15 шагах, точно крылатая ракета, шумно вырвется вальдшнеп и тут же юркнет в кроны окружающих деревьев — выцеливать просто нет времени, приходится стрелять быстро, навскидку и часто уже не видя птицы, туда, где она должна быть. Особенно трудна охота в начале сезона, пока еще не облетел лист. Здесь из десятка найденных вальдшнепов выстрелишь по двум-трем. Еще С. Т. Аксаков писал и писал со-

вершенно справедливо о том, что редко на какой другой охоте удаются такие непонятно удачные выстrelы, как на охоте по вальдшнепу. Стреляешь "на удалую", куда-то в сплошную гущару листьев, в которую мелькнул рыжий, острокрылый силуэт, а птица падает и ваш пес уже с наслаждением обнюхивает длинноносого, большеглазого красавца. Когда кроны деревьев оголяются, стрелять, конечно, становится легче, но и тут многие долгоносики оставляют нас "с носом", шмыгнув за одну из елок, под которыми они любят проводить день, особенно в ненастную погоду. До начала осеннего пролета, пока есть только местные вальдшнепы, их никогда не найдешь много. Три-четыре птицы в день — это уже удача. Но вот приходит день, когда в изхоженных нами местах количество вальдшнепов вдруг заметно возрастает. Там, где леса обширны, это увеличение происходит как-то постепенно и в течении длительного времени. В островных лесах, разбросанных небольшими массивами среди открытых угодий, вальдшнепы чаще действительно "высыпают", т. е. сразу появляются в массе, держатся какое-то время и исчезают, чтобы потом опять появиться. Кроме того, в первом случае птицы являются и держатся в совершенно определенных участках лесов. Во втором — их иногда находишь в самых неожиданных местах, включая вырубки, сосновые посадки и даже сады. Тем не менее на высыпки удается попадать и в достаточно лесистых районах, но и здесь массовое скопление птиц в ограниченном участке угодий всегда кратковременно.

Любимые места осеннего пребывания вальдшнепа — это сырье лиственные молодняки с отдельно стоящими елями, ивовыми кустами с зарослями таволги, папоротника и крапивы. Особенно они милы вальдшнепу, если в них или рядом с ними постоянно выпасается скот. В лепешках коровьего помета, в истоптанной унавоженной почве вальдшнепу, видимо, особенно удобно своим длинным клювом про-

мышлять всевозможных червяков и личинок. Пробедя весь день под защитой леса, он с наступлением темноты, молча, стремительным полетом мчится туда, где рассчитывает вволю пожировать и утром характерные следы его пребывания — отпечатки лап и дырочки, оставленные клювом — можно видеть на грязи выпаса, по окрайкам болот и даже у скотных дворов.

Для того, чтобы успешно охотиться на вальдшнепа, помимо знания мест его пребывания, необходимо два условия: наличие работающей легавой и умение угадать время массового пролета. Все подружейные собаки, если они вообще работают по вальдшнепу, работают очень охотно. Вальдшнеп сильно пахнет и его легко причуять. Он редко пробует убежать, предпочитая затаиваться, а поэтому не так горячит собаку, как тетерев, белая куропатка или коростель. Он хорошо выдерживает стойку и редко взлетает вне выстрела, что также благотворно сказывается на настроении нашей помощницы. Но все эти прекрасные свойства приносят пользу только, если наша легавая обладает коротким поиском или мы в состоянии ее поиск укоротить своей властью. Охота ведь проходит в чаще леса, где отойдя от нас на 30—40 шагов, а то и ближе собака скрывается из вида. Вот она исчезла и мы уже не знаем, где она и что она делает. Мы свистим, а она в это время может быть разбирается в вальдшнепиных набродах или уже стоит по найденной птице. Если она послушна, то явится на наш зов, бросив начатое увлекательное дело или стронув найденного вальдшнепа. Если — упрямая, то искать ее придется долго и чаще всего найдем мы друг друга с чувством взаимного неудовольствия. И все это будет раз за разом повторяться весь день и никак не украсит охоты. Поэтому-то легавая в лесу должна держаться близко от хозяина или он должен ее к этому принудить. Исключение существует лишь для собаки анонсирующей, т. е. той, которая,

найдя птицу, и ничем ее не потревожив, возвращается к хозяину и ведет его к обнаруженной добыче, но много ли наших любимцев способны к такому совершенству. Правда, собака, с которой много охотятся в лесу, постепенно привыкает не удаляться особенно далеко, т. к. наши непрерывные свистки и призывы ей, вероятно, тоже не доставляют никого удовольствия.

Тому, кто живет в сельской местности, своевременно обнаружить появление пролетных вальдшнепов, а следовательно, и поохотиться на них в свое удовольствие сравнительно несложно. С началом интенсивного листопада он просто периодически обследует излюбленные вальдшнепами места и рано или поздно дождется своего часа. Нам — городским жителям, не пропустить пролет гораздо труднее. Сроки его постоянно меняются по годам и не только в зависимости от местной погоды, но и в не меньшей степени от ее капризов в северных областях обитания вожделенных долгоносиков. Даты прилета и отлета так колеблются во времени, что зачастую не укладываются в продолжительность нашего обычного служебного отпуска. Взяв последний с середины сентября можно так и не дождаться "валдшнепового" вальдшнепа, отложив выезд хотя бы до первого октября, можно приехать уже к "шапочному разбору". Конечно, еженедельные выезды на субботу и воскресенье — неплохая возможность для разведки, а если повезет, то и для охоты, но разве за 1—2 дня насытишь глаза и душу очарованием осеннего леса, работой собаки, стремительными взлетами большеглазых краснобурых птиц? Разве натешишься за этот срок истомленного великим городским сиденьем сеттера или пойнтера?

Кстати о везеньи. О двух его видах страстно мечтает любой вальдшнепятник: о том, чтобы попасть на концентрированную высыпку и о том, чтобы в период его охоты в богатых вальдшнепом местах прошумел над лесом короткий проливной дождь.

Первое из этих желаний понятно каждому — всех нас прельщает обилие дичи и ситуация, когда от стойки до стойки собаки время исчисляется не часами, а минутами. Нужно только помнить, что если уж выпало нам такое счастье, то вести себя нужно соответственно. Здесь прежде всего бывают необходимы спокойствие и выдержка. Когда из-под каждой стойки вспархивают два, а то и три птицы, когда собака подняв их на крыло, тут же начинает снова тянуть к новому вальдшнепу, именно эти свойства изменяют нам особенно часто. И тут уже не избежать ни промахов, ни глупой суетливости, ни полного нарушения контакта с также загорячившейся и обалдевшей от обилия дичи собакой. Пусть себе неудобно для выстрела поднявшийся вальдшнеп у вас на глазах опять опустился в крапиву — не спешите туда, не торопите собаку, птица потому и села так быстро, что здесь же остались другие вальдшнепа. Успокойте собаку, пустите ее в поиск и, если вы действительно попали на высыпку, — она скоро вновь замрет на стойке, а если и нет, то ведь пересевший никуда не денется.

Смысл "дождевых" молений несколько иной. Такая уж вальдшнеп птица, что в девяносто случаях из ста стрелять по нему приходится в чаще. А вот после сильного дождя случается захватить его и на чистом месте. Когда с намокших ветвей часто и гулко начинают падать на опавшие листья тяжелые капли — вальдшнепу это не нравится. Капель его почему-то тревожит и он спешит выбраться на поляну, вырубку, а то и прямо на примыкающий к лесу луг. Там, поднятый на крыло, летит он ровно и тихо, точно громадный рыжий дупель, и только волнение от такого неожиданного подарка судьбы мешает иногда свалить его первым же выстрелом.

И богатая высыпка, и стрельба на "чистине" — редкая удача, да и хорошо, т. к. будь они часты, мы бы их так не ценили. В большинстве же случаев найти с десяток вальдшнепов и убить из них 3—4

вполне достаточно, чтобы считать охотничий день удавшимся. Вальдшнеп не крепок на рану и для него совершенно достаточно патронов, снаряженных 6—8 номерами дроби. В удобных для его жизни местах, он, как местный, так и пролетный, задерживается иногда до сильных заморозков и снега. При мягкой погоде даже и снег не всегда заставляет ленивых, неимоверно зажиревших птиц сразу покинуть полюбившиеся им угодья. Они отсиживаются под большими елями, где снега нет и в талой земле можно раздобыть пищу и тем из нас, кто не хочет мириться с наступлением зимы, иногда выпадает счастье положить в ягташ тяжелую рыжую птицу — прощальный привет уходящей осени. Не знаю, согласятся ли со мною другие поклонники охоты с легавой, но лучшей из них я все же считаю охоту по болоту.

Пока русла большинства средних и мелких рек, протекающих по европейской части Союза не были углублены и расчищены, а примыкающие к ним пойменные луга и болота не изрезала система дренажных канав, одной из доступнейших охот была стрельба "болотной мелочи" из-под легавой собаки. Как ни пренебрежительно некоторые любители крупной добычи относятся к дупелю, бекасу и гаршнепу, но именно эти виды, наряду с вальдшнепом, исконы считались "красной", т. е. лучшей, благороднейшей дичью. Такое отношение к ним вполне обосновано. По увлекательности, красоте и спортивности охота на них не знает себе равных. По гастрономической ценности трофеев она вообще вне конкуренции. Наконец, по доступности, еще совсем недавно, она несомненно первенствовала среди других видов охоты.

Там, где под прессом растущего в угодьях много-людства постепенно сокращается численность всех видов боровой птицы, где перепады уровня воды в искусственных водохранилищах катастрофически снижают темпы воспроизведения водоплавающих,

болотная дичь продолжала держаться. В каких - ни -
будь пятидесяти километрах от Москвы, Ленингра -
да и других крупнейших городов можно было по -
本事 на хорошие дупелиные высыпки, всю осень
стрелять по бекасам и гаршнепам. Заболоченность
и топкость исконных местообитаний охраняла "бла -
городных" долгоносиков от нашествия туристов.
Ыпак скота, столь губительный для тетеревов, ку -
юпаток и уток в период гнездования, лишь улучшал
условия жизни для представителей болотной дичи
- в унавоженной, размятой копытами почве им легче
было добывать себе пропитание. Словом, там, где
ни на боровую, ни на водоплавающую птицу охоты
уже не было, мелкой болотной дичи оставалось до -
статочно много. Нормы ее отстрела поэтому были
всегда выше, чем для тетерева или утки, а следова -
тельно, имелась возможность пострелять вволю. Эта
возможность усугублялась и тем, что убить здесь
птицу не так - то просто. Если попасть в тихо и пря -
мо летящего, зажиревшего дупеля совсем нетрудно,
то шустрые бекасы - достойное испытание для лю -
бого стрелка. Много рассеивается дроби в тщетных
попытках прервать выстрелом зигзаги их стреми -
тельного полета. Да и малютка - гаршнеп без сно -
ровки - не легкая цель, особенно, когда в ветре -
нью погоду он точно комочек шерсти порхает в под -
хлестившем его воздушном потоке. Но главная пре -
лесть этой охоты - работа собаки, возможность без
помех любоваться четким поиском, напряженными
постяжками и стойками своего четвероногого любим -
ца. Охота по болоту без легавой всегда представля -
лась мне эмоциональным расточительством, чем - то
псхожим на поедание шедевров кулинарии без со -
ответствующей сервировки. Убитый не из - под стой -
ки бекас, точно взятый не на току весенний глу -
харь, не дает и десятой доли тех ощущений, кото -
рые дала бы его "правильная" добыча. Болото - не
лес, где мы то и дело теряем из виду свою собаку,
как - то стараемся поэтому сдержать ее поиск и все

же постоянно упускаем момент начала работы и стойки. На болоте собака все время на глазах, все время под нашим контролем. Ей не мешают ни заросли густой растительности, ни полное безветрие, столь обычное в лесных чащах. Вправо — влево, широким челноком снует она по буро-зеленым кочкарникам, на полном ходу, высоко держа голову, ловит носом встречные токи воздуха. Вот словно запнувшись, она приостановилась, повернула и тихо повела к какой-то ей одной ведомой точке. Все медленнее, все осторожнее и замерла, застыла, окаменела живым изваянием, вперив очарованные глаза туда, откуда бьет ей в ноздри дурманящий запах птицы.

Если бы не собственное нетерпение скорее узнатъ, кто же затаился в этих ставших вдруг совершенно особенными кочках, — смотрел бы и не насмотрелся на эту красоту, на это неподвижное воплощеніе охотничьей страсти. Не подал бы команды "вперед!", но команда звучит и собака шагнула. С утробным покряхтыванием вспорхнул из осоки ленивый дупель, потянулся низко над лугом и, свернувшись комочком, упал после выстрела.

Снова собака в поиске, новые потяжки и стойки, каждая из которых не похожа на предыдущую, новые взлеты ожидаемой и неожиданной птицы, когда вместо бекаса приходится стрелять неведомо зачем забравшегося в болото тетерева или неуспевшего ударить в крепь коростеля, похожего в полете на какую-то рыжую тряпку. Идет время, удачи и неудачи сменяют друг друга и хочется, чтобы никогда не кончался ни этот день, ни простор топкого, истоптанного скотом луга.

Хотя дупель, бекас и гаршинеп — исконные жители болот, но к качеству последних они предъявляют разные требования. Дупель, например, явно избегает мест очень мокрых, кочковатых и покрытых относительно высокой растительностью. Влажные, "потные" луговины и окрайки настоящих бо-

лот, поросшие осокой, вахтой и белоусом с мелкими ивовыми и ольховыми кустами — любимые места его пребывания. В дождливые годы он и вообще перебирается на суходольные луга. В таких местах он и держится до отлета, который начинается у него рано. К первой декаде сентября и местные и пролетные птицы уже покидают наши угодья. Поэтому охота на дупеля не продолжительна, особенно, если открытие летне-осеннего сезона задерживается, как это часто практикуется, до 15—20 августа.

Гораздо более мокрых, зачастую топких и даже трясинистых мест, придерживается бекас. Там, где среди редкой осоки стоят лужи ржавой, покрытой радужной пленкой воды, где нога чуть ли не по колено уходит в жидкую, хлюпающую грязь, а высокие кочки то и дело преграждают путь, бекасу — раздолье. Здесь устраивает он свое гнездо, воспитывает молодых и живет все лето и осень. Нередко выбирается он и на выкошенные, истоптанные скотом и обязательно мокрые луга, а порою и на размокшие от дождей жнивья. Отлетает бекас из наших угодий поздно. Обычно лишь начавшиеся заморозки заставляют его тронуться в путь. В начале сезона молодые бекасы смирны, но "набравшись ума", как и старые птицы, становятся строги, поднимаются далеко, летят быстро и не скоро садятся. Поздней же осенью, разжирев, они как-то успокаиваются, ближе подпускают, лучше держат стойку собаки и взлетают спокойнее.

Еще дольше бекаса, иногда до первых снегопадов, задерживается у нас гаршнеп. Его редко удается встретить в центральных областях до начала пролета, т. к. большинство гаршнепов гнездятся на севере, но с половины сентября они начинают появляться и с каждым днем все более часто. Гаршнепы больше всего любят участки жидкой грязи среди зарослей прибрежных камышей или тростников, места, где после убыли воды, обнажилось дно

водоемов и кучи гниющих водорослей плавают в или-
стой жиже. Держатся они и просто в достаточно
мокрых болотах.

При охоте по болотной мелочи не требуется ру-
жье с очень кучным и резким боем — стрелять
обычно приходится близко и кучный бой только по-
высит число промахов и количество разбитых заря-
дом птиц. Дробь нужна самая мелкая — 8—10 но-
меров.

Если, отправляясь с легавой собакой в лес или в
поле, мы стремимся попасть к месту охоты как можно
раньше (пока не сошла роса, не "остыли" свежие
наброды дичи, пока птицы не забрались на дневку в
чащи и бурьяны, и наступившая жара не стала ме-
шать работе собаки), то на охоту по болоту можно
прийти и попозже. Дупеля, бекасы и гаршнепы в
течение всего дня придерживаются одних и тех же
мест. Наброды их собаке не нужны, т. к. она рабо-
тает по ним "верхом", т. е. прихватывает чутьем за-
пах самих птиц, а не их следов. В болоте всегда есть
вода и легавая, имея возможность искупаться и на-
питься, не страдает от жары. Только в очень зной-
ные дни ей бывает трудно работать. В конце осени,
когда случаются довольно резкие утренники и бе-
лый иней покрывает пожухшие травы, начинать охо-
ту попозже несомненно предпочтительнее, особен-
но если ваша собака — пойнтер и, следовательно,
чувствительна к холодау.

Мы уже говорили о том, что там, куда ступила
нога вездесущего мелиоратора, мест для охоты по
болотной дичи осталось немного. Из открытых лу-
говых болот последняя переселилась в мокрые лес-
ные уремы, заросшие торфяные карьеры и прочие
места, малодоступные и для человека, и для собаки.
Охотиться там практически невозможно. Тем не
менее наличие таких природных резерватов иногда
оказывается полезным. Дичь в них видимо все же
не благоденствует, т. к. при малейшей возможности
стремится покинуть эти крепи и перебраться в бо-

лее открытые и удобные для жизни угодья. Такая возможность появляется, когда длительные дожди размочат близлежащие и до того совершенно сухие луга или жнивья, когда почва на них напитается водой и размякнет. Тогда здесь откуда ни возьмись появляются и дупеля, и бекасы, если только где-то рядом были места, в которых птицы до того таились. В период же пролета дичи может быть и вообще много. В сухие же годы их приходится искать. Искать хоть какое-нибудь болотце, сохранившееся в своем первозданном виде или ехать туда, где злое для охотника дело осушения еще не началось. Для владельцев подружейных собак и такие поиски (как бы они не были долги), и такие поездки (как бы они не были далеки) всегда оправданы, т. к. удовольствие от охоты восполняет все труды и расходы. Тот, кому доведется привезти с охоты несколько пар тяжелых, осенних дупелей и бекасов может побаловать своих близких настоящим деликатесом. Нужно только помнить, что этих птиц следует просто жарить в их собственном жиру, не применяя ни каких специй, кроме соли. Все возможные мудрствования, типа приготовления "дупелей табака", с кулинарной точки зрения — вопиющее невежество и кощунство. Лук, чеснок, лавровый лист и им подобные добавления только заглушают свойственный мясу болотной дичи необычайно тонкий и приятный аромат.

Птицы, о которых мы ведем речь, особенно дупель и бекас, внешне очень похожи друг на друга и различать их умеют далеко не все охотники. Первый, правда, заметно крупнее второго, но это видно лишь в сравнении. Основное отличие заключается в том, что у дупеля все брюшко покрыто мелкими пестринами и три крайних пары рулевых перьев хвоста белые, у бекаса же брюшко чисто белое и соответствующие рулевые перья — темные с белыми кончиками. Гаршнеп почти вдвое мельче своих собратьев и спутать его с ними трудно. Во время

охоты на болоте с подружейной собакой нередко случается стрелять по турухтанам, коростелям, погонышам и болотным курочкам. Три последние вида зачастую не пользуются любовью охотников. Они неохотно поднимаются на крыло и долго бегают в зарослях, надеясь на ревность собственных ног, что очень волнует и горячит, особенно молодую собаку. Кроме того, это выслеживание приучает ее копаться в набродах, вместо того, чтобы искать саму птицу. Поэтому начинающую легавую от такого испытания лучше избавить и, взяв на поводок, увести прочь. Опытная же собака справляется с розыском "бегунов" весьма успешно, увеличивая тем самым ассортимент объектов охоты.

Глава 4. С лайкой

Отказ от использования подручной собаки может определяться особенностями поведения дичи, на которую проводится охота, и условиями местности, где эта дичь держится. Так, легавая становится практически бесполезной после того, как птицы перестают подпускать ее и охотника на расстояние выстрела. Чем она поможет хозяину, когда взлетевшие глухари или тетерева, не дав ей разобраться и сделать стойку, поднимаются на крыло и исчезают с глаз? Волей или неволей нам приходится переключаться на другие способы охоты: заменяя подружейную собаку лайкой, либо прибегая к ухищрениям иного рода.

Любопытно, что гораздо более осторожный глухарь оказывается в этом случае "глупее" тетерева. Глухари меньше боятся лайки и, взлетев от нее на дерево, больше убеждены в полной своей безопасности. Они более любопытны, и вертящаяся под деревом лайка своим голосом и движениями их занимает. Облаенный глухарь не улетает дальше и подойти к нему легче, чем к тетереву. Нужно только, чтобы лайка знала свое дело, т. е. активно искала

птиц, а подняв их на деревья, настойчиво облавив-
ла. Молодые, очень азартные или глупые собаки,
посадив птицу, впадают в форменное неистовство:
кидаются на ствол дерева, приютившего добычу,
грызут его, чуть ли не пробуют на него взобраться.
Тетерева таких яростных наскоков не выдержива-
ют и слетают, глухари же относятся к лайкам, по-
видимому, с презрением, и, рассматривая бесяще-
гося внизу врага, только пренебрежительно на него
пощелкивают.

Раннее утро. Мы идем по осеннему, иногда уже
заснеженному лесу, придерживаясь мест, где ожи-
даем присутствие интересующей нас дичи. В поиск-
ках глухарей это преимущественно боровые места
— царство старых сосняков или кедровников; при
охоте на тетеревов — опушки и мелколесья с группами
высоких берез. Наша лайка уже умчалась в
поиск и только изредка мелькает в отдалении. Глу-
хари здесь есть, и мы знаем, что рано или поздно до
нас донесется ее призывающий лай. Ну вот и он,
загамил, зазвенел где-то справа кобель и мы пово-
рачиваем: сперва идем, потом крадемся к уже за-
меченной ни на минуту не умолкающей лайке. Она
нас тоже увидела, несводя глаз с сидящей наверху
птицы, перескочила на другую от нас сторону и за-
лилась еще пуще. Еще несколько шагов и в про-
свете ветвей открывается темный, длиннохвостый,
светлоклювый глухарь. После выстрела он грузно
валится на землю, и лайка, давнув его зубами за
шею, стоит возле и, помахивая закрученным хвостом,
весив мокрый красный язык, смотрит на нас
темными, раскосыми и явно счастливыми глазами.

Глава 5. Охота на боровую птицу с подхода или из "скрадка"

На глухарей есть и еще одна охота — кратко-
временная, редкая, но черезвычайно своеобразная
— это осенняя их стрельба на осинах. Осина —

дерево, презираемое лесоводами. Наличие его в составе древостоя специалистов лесного хозяйства не радует и они даже ведут с этой породой целенаправленную борьбу, изничтожая ее механическими и химическими способами в ходе уходов за лесом. А вот охотнику осина мила, т. к. польза ее для многих видов дичи несомненна. Зимой в молодых осинниках кормятся зайцы и лоси. Весной над ними тянут вальдшнепы. В их чащах укрываются в летний зной выводки боровой дичи. В дуплах осин находят убежище многие обитатели леса. И, наконец, ранней осенью, когда кроны этих деревьев тронут первые багряные краски увядания, на осины начинают вылетать глухари, чтобы набить зобы терпким осиновым листом. Не все деревья их привлекают. Те, чьи кроны не поднимаются над общим пологом леса, сжаты и скрыты вершинами инопородных соседей, обычно остаются в пренебрежении. Глухари любят осины - великаны, стволы которых словно шерохавые зеленовато-серые колонны стоят среди окружающих их сосен и елей, чьи разлапистые кроны царят над лесом, а ветви надежны и прочны. На них то, перед заходом солнца, иногда по нескольку сразу, слетаются крупнейшие представители нашей боровой пернатой дичи. До темноты крепкими своими клювами обрывают они подвявшую листву и здесь же засыпают, чтобы на рассвете, позавтракав, улететь по своим неведомым глухаринным делам. И так одну-две недели. В это время и возможна стрельба глухарей на осинах. Проводить ее можно подкарауливанием или скрадом, т. е. ожидая птиц там, где вы надеетесь, что они появятся, либо пробуя подойти к уже кормящимся глухарям. Даже, если бы глухаря и не надо было беречь, как птицу редкую, нормы добычи которой всегда должны ограничиваться, много на этой охоте никогда не убьешь. Осин, даже самых крупных, в лесу много — на какую сегодня прилетит? — не узнаешь. Листва еще густа и птицу издали не разглядишь, значит к каждому дереву приходится подходить так, чтобы не спут-

нуть сидящей на нем птицы, а этого долго. Но уж зато, если удалось вам спустить с осины коричневато - черно - зеленого петуха, то каждый такой выстрел — память на долгие годы.

Допустим, что вы решили покараулить глухарей у известных вам старых осин, на которых ранее вами или вашими знакомыми отмечалось присутствие птиц. Часа за три до захода солнца нужно уже быть на месте. Выбрав пункт, с которого крона или кроны интересующих вас деревьев просматриваются наилучшим образом, с расстояния в 15 – 20 метров, вы устраиваетесь возле какого - либо укрытия и приступаете к ожиданию. Нередко на него уходит много времени, но оно не утомительно — слишком хороша окружающая обстановка; предвечерняя тишина, нарушенная лишь стуками дятлов и тихими попискиваниями пернатой мелочи, тонкий грибной аромат леса, его зеленые, золотые, багряные тона и краснеющие кругом ягоды брусники. Но не увлекайтесь созерцанием, следите, неусыпно следите за кронами взятых под наблюдение осин, потому что, если вы вдруг услышите звук посадки глухаря и не заметите куда села птица, — вы, зачастую, не скоро ее рассмотрите в густой листве. Бывает, конечно, что черный, громадный петух или рыжепестрая копалуха сразу бросятся в глаза на какой - то отдельной ветви, но много чаще их закрывают ветки и листва. Не зная, куда смотреть, вы намучаешься, прежде чем разглядите. Увидев птицу, осторожно, не делая резких движений, поднимайте ружье и стреляйте. Только никогда не делайте этого, если глухарь сидит к вам хвостом — стрелянный по заду, он в восьми случаях из десяти с перебитыми ногами улетит и пропадет для вас безвозвратно. Часто случается, что птицу целиком не видно и только крючконосая, бородатая голова ее то появляется, то исчезает в пролетах листвы. В этом случае с выстрелом тоже лучше повременить, дожидаясь, когда представится более удобный момент. Хотя и нет ничего зазорного в том,

чтобы осенью убить глухарку, но все же большинство охотников, если и не отказываются от такой возможности, то предпочитают взять самца — трофея, конечно, гораздо более впечатляющий. Если надежды ваши сбылись и глухарь убит — ограничтесь этой радостью, не караульте больше. Право же, трофеи стоит того, чтобы за другим уже не гнаться.

Погода, при которой глухари вылетают на осины, в высшей степени непостоянна. Нет здесь каких-то четких закономерностей. "Голод — не тетка", погода или непогода, а есть все равно нужно.

Охота с подхода не менее, если не более, интересна. Так же во второй половине дня вы приходите туда, где предполагаете наличие глухарей и знаете, что в лесу встречаются крупные осины. Вы спокойно идете по лесу, пока впереди не завиднеются поднявшиеся над окружающими деревьями всегда трепещущие листвой вершины. Не приближайтесь к ним сразу, внимательно оглядите ветвь за ветвью — не зачернеется ли в листьях темный силуэт, не летят ли вниз оборванные кем-то веточки. Смотрите с разных мест, обходя осины по кругу и помните, что, если вы ничего не видите, то это еще не значит, что птицы нет. Медленно, соблюдая всяческую осторожность, укрываясь за стволами и неустанно присматриваясь, начинайте подходить. Вот уже близко, видна как будто каждая ветка, каждая трещина и нарост на грубой, зеленоватой коре. "Нет, ничего нет!" — решаете вы и резко забрасываете на плечо ружье... в то же мгновение хлопают крылья и громадная, темная длиннохвостая птица срывается у вас над головой с только что осмотренной осины. Она точно ныряет вниз и потом, выправив полет, исчезает. Поразительно, как такая громадина ухитряется быть незаметной, но вот ухитряется же. Улетая, взглянет на вас карим глазом из-под красной брови, опалит душу всем своим допотопным видом и прости прощай! Вам же наука — не выпускай ружья из рук, пока обследуемые кроны не остались

позади. Ах эта горечь совершенной ошибки и покаянные мысли о том, что не будет, не повторится уже такого случая! Но... охота любит упорных и нужно еще попытать счастья. А вечер приходит, солнце опускается к макушкам деревьев, длиннее становятся тени и все меньше и меньше надежды. Вон на краю поляны стоит поднявшись над мелколесьем еще одно "иудино дерево". До него еще метров 200, а глаз уже ловит необычную черноту в листьях вершины. Глухарь или нет? Шаг за шагом, перемещаясь вдоль опушки, с одного, другого, третьего места вы рассматриваете подозрительный предмет и в какой-то мин' видите, как приподняв крылья, мотнув хвостом, птица перепрыгивает с сучка на сучок. Через поляну не подойти, нужно обходить лесом и вы крадетесь от прикрытия к прикрытию. Только бы не напугать, не нашуметь, не показаться птице — других мыслей нет. Теперь каждая трухлявая колода — опасность, каждая шоркнувшая по одежде еловая лапа — несносная помеха, а взлетевший рябчик — враг. В эти минуты всегда кажешься себе нескладным, неповоротливым, шумным и не знаешь, чего бы только не отдал за сказочную шапку-шевидимку. Ближе, ближе... вожделенная осина уже рядом, а вы заметили и ловите на мушку вашего, наконец-то, обретенного глухаря.

С зимней охотой на тетерева знакомы лишь те, кому посчастливилось бывать в местах по-настоящему богатых этой птицей. Когда-то зимняя стрельба тетеревов проводилась либо с подъезда, либо из шалаша с чучелами. С появлением автотранспорта первый из этих способов стал настолько истребительным и настолько утратил какую бы то ни было спортивность, что его совершенно справедливо запретили. Охота же с чучелами осталась, хотя и притерпела некоторые изменения. Дело в том, что раньше она всегда проводилась с помощью загонщиков, среди которых были величайшие мастера своего дела. Происходило все следующим образом. В мес-

такх постоянного обитания тетеревов на одной - двух наиболее крупных березах высаживались чучела. Рядом устраивался скрадок, где перед рассветом укрывался охотник. Загонщик же отправлялся высматривать кормящуюся тетеревиную стаю. Обнаружив ее, он заходил так, чтобы напуганные им птицы летели в сторону шалаша. Задача заключалась в том, чтобы не напугать всю стаю сразу, а постепенно приближаясь к ней, заставлять птиц слетать поодиночке. Слетел тетерев - загонщик, останавливается или даже делает вид, что уходит. Прозвучит от скрадка выстрел (свидетельство того, что улетевшая птица села к чучелам) или просто пройдет минут 5-10 - загонщик снова приближается к стае и сгоняет следующего тетерева. О хороших загонщиках говорили, что "они птицу, как на лыжах пускают". Роль самого охотника была довольно пассивна - сиди в шалаше и "пощелкивай тетеревков", тем более, что ни в выборе места для скрадка, ни в его устройстве он обычно не принимал никакого участия. Это, конечно, обедняло охоту и делало ее менее интересной. Гораздо увлекательнее организовать все самому.

Трои. На лыжах или без них (в зависимости от глубины снега) мы отправляемся на разведку - туда, где по окрайкам полей, у вырубок и речных пойм имеются опушки старого, преимущественно, березового леса. Мы не спеша обходим их, высматривая, не чернеют ли где-нибудь в кронах темные пятна кормящихся тетеревов, не видно ли их в поле у занесенных снегом скирдов соломы или куч, выкорчеванных при расчистке поля, пней. Посматривать нужно и вперед и назад - туда где мы недавно прошли ничего не обнаружив, т. к. птицы могут появиться внезапно. Они не всегда прямо с рассветом покидают свои ночные подснежные убежища, иногда нежатся в них довольно долго. Иной раз повернешься: и на тех березах, где только что никого не было, увидишь неведомо откуда появившиеся черные си-

луэты. Так или иначе, заметив их, мы и не думаем к ним приближаться — сейчас наша задача сводится не к попытке подобраться к птицам на расстояние выстрела (что, кстати сказать, почти безнадежно), а выяснить: на каких деревьях они преимущественно садятся и где чаще всего пролетают. В соответствии с этим мы устраиваемся где-то в сторонке и начинаем наблюдение. Лучше всего, если через какое-то время тетерева сами отлетят куда-нибудь по своим делам и дадут нам возможность заняться следующим этапом подготовки к охоте. В противном случае приходится их потревожить, т. к. нам нужно заняться устройством шалаша. Ставить шалаш надо в 20—30 шагах от облюбованных нами берез и в месте, с которого кроны этих берез хорошо видны. Самые деревья должны отвечать следующим требованиям: стоять в непосредственной близости от мест, где кормились и пролетали птицы (не далее 100—150 м), быть крупными, так, чтобы их вершины возвышались над окружающим лесом, иметь сучья, которые позволили бы взобраться хотя бы на одно из них. Последнее очень важно, поскольку определяет возможность для высадки чучел. Скрадок делается из любого материала (молодых березок, сосновых веток, елового лапника, но обязательно просторным и закрытым сверху. Сидеть в нем придется не один час, а зима — не лето, так что какая бы ни выдалась погода, холод будет нас пробирать изрядно. Помня об этом, нужно настелить в шалаш побольше хвои, соломы или сена. В стенках шалаша проделываются окошечки-бойницы, через которые должны хорошо быть видны кроны выбранных нами берез. После этого остается только приготовить подчучельники, т. е. длинные тонкие жерди, к которым будут привязываться чучела и можно идти домой.

Что касается самих чучел, то, во-первых, их совсем не обязательно иметь много (2—3 вполне достаточно) и, во-вторых, к их качеству можно и не предъявлять особо строгих требований. Тетерев —

это не гусь и не кряковой селезень, которые немедленно замечают любой дефект в фигуре или окраске чучела. Несмотря на всю свою осторожность, тетерев глуп и не только подсаживается, но и спокойно кормится рядом с предметами хотя бы отдаленно напоминающими его мнимых собратьев. Были случаи, когда тетерева подсаживались к укрепленным в ветвях обрезку валенка или обугленной головке. Поэтому те подобия птиц, которые мы сами смастерим из черной материи или купим в магазине, обычно вполне успешно выполняют свою функцию. Правда, в торговой сети почему-то чаще появляются резиновые чучела тетеревиных самок, в то время как чучела самцов для охоты выгоднее (их лучше видно и к ним охотнее подлетают именно самцы), но перекрасить их в черный цвет может каждый. Тот, кто вернулся домой, подготовив себе все для завтрашней охоты, вряд ли проспит спокойно долгую зимнюю ночь. Мысли о том, что же будет утром, картины садящихся на присады лирохвостых косачей, неизбежно будут тревожить его воображение. Задолго до рассвета начнет он копошиться, собираясь "на дело" и уж, наверное, не опоздает с выходом из дома. Но вот и шалаш. Охотник насаживает чучела на подготовленные с вечера жерди, карабкается на березу и укрепляет их среди ветвей поближе к вершине. Привязывать подчельники к веткам нужно крепко, т. к. ничего нет обиднее, когда какой-нибудь из них под действием ветра или собственной тяжести и, как правило, в самый неподходящий момент вдруг свалится вниз. Кроме того, нужно следить, чтобы чучела были повернуты грудью на ветер, если, конечно, он есть. Закончив установку чучел, охотник забирается в скрадок, заряжает ружье и начинается процесс ожидания. Самое главное тут запастись терпением, настроиться на то, что ждать придется долго и не рассчитывать на то, что с первыми же проблесками дня фортуна улыбнется нам упругим хлопаньем теней.

теревиных крыльев. Тот, кто не следует указанному правилу, всегда ведет себя в шалаше не спокойно, вертится, выглядывает наружу и, в результате, портит себе охоту, т. к. почти все наверняка высунется из складка именно в момент подлета тетеревов. Помня об этом, мы сидим спокойно и ждем. Идет время, все ярче и ярче разгорается день и все ощущение крепкий утренний морозец. Прилетят или не прилетят? И вот, до нас доносится свист рассекаемого воздуха и шумные звуки посадки. Мы выглядываем в бойницу и взгляд сразу же находит несколько круглых, черно-синих, краснобровых птиц, настороженно застывших на еще покачивающихся и роняющих вниз кристальную осыпь снега ветвях. Не нужно торопиться, т. к. теперь, если мы не нашумим, выстрел нам обеспечен. Спокойно поднимаем ружье и подводим мушку под самую нижнюю из сидящих птиц. Под нижнюю потому, что ее падение меньше пугает остальных и они возможно не слетят после выстрела, чем мы и воспользуемся. Но пусть этого и не случится, пусть лишь один лирохвостый красавец, пересчитывая ветки и роняя перья, мягко упадет в снег у подножия березы — охота все равно сделана, наши труды не пропали даром.

Одна и та же стайка тетеревов редко кормится на одних и тех же березах, а напуганные на этих деревьях птицы в этот же день редко на них возвращаются. Поэтому, после удачи, последующее сидение в шалаше мало что сулит. Исключение составляют случаи, когда в окружающих угодьях много людей и тетеревов часто перегоняют с места на место. Тут охотиться можно практически в течение всего дня. Возможно это и при наличии загонщика или товарища по охоте, с которым мы попеременно то сидим в шалаше, то уходим в загон. Бывают случаи, когда среди подсевших к чучелам птиц две оказываются совсем рядом друг с другом. Это великий соблазн, т. к. кто из нас не прельстится возможно-

стью обогатить свой охотничий формуляр двумя чернышами, взятыми "под один заряд"? Велико искушение! И мы целим не в какую-то определенную птицу, а в некую среднюю точку между сидящими рядом тетеревами, но... Не даром говорят, что жадность губительна и "за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь". Я знаю много случаев, когда стреляя по одной птице охотник убивал двух, но ни разу не слышал, чтобы желая убить сразу обоих, он заполучил хотя бы одну.

Кроме охоты с чучелами, зимой есть и не менее интересная возможность пострелять по тетеревам с подхода. Бодрствующий тетерев, сидит ли он на дереве или кормится на земле, зимой никогда не подпустит человека (не в машине и не на лошади) на расстояние выстрела. А вот, зарывшись в снег, он неохотно покидает свое укрытие и подпускает близко. Охота опять-таки начинается с разведки, только выходить нужно не утром, а во второй половине дня. Теперь важно выяснить не то, на каких березах птицы предпочитают кормиться, а нужно заприметить: куда они слетят на ночевку. В зависимости от условий погоды это происходит за час или два до захода солнца, а в ненастье — значительно раньше. Заметив сидящих на деревьях тетеревов, мы устраиваемся за каким-нибудь укрытием и ждем. Это ожидание зачастую оканчивается разочарованием, когда птицы кем-то потревоженные или просто по собственному желанию через некоторое время слетают и скрываются вдали. Но не менее часто мы вдруг замечаем, как сперва одна из них, а за ней и остальные точно падают вниз, пропадая за заснеженными кустами. Значит, они отправились на отдых, значит, надежда на охоту становится реальной. Нужно только подождать, дать тетеревам обсидеться хотя бы минут тридцать. Пусть они угреются в своих лунках, пусть настроются на отдых и тогда к ним можно будет подойти. Не беда, если быстро меркнувший день помешает это сделать сегодня же, —

мы заметим место и придем сюда завтра на рассвете.

Осторожно, стараясь не шуметь, приближаемся мы к запримеченным березам, высматривая на снегу ямки свежих лунок. Отличить их от тех, которые уже покинуты птицами просто. В первом случае ямка одиночная, показывающая, где тетерев закопался в снег. Во втором — двойная, т. е. и вход и выход. Свежие лунки, если их не запорошило снегом, хорошо заметны, поскольку расположены обычно на чистом месте. Тем не менее, их редко удается обнаружить сразу, вероятно потому, что нам просто мешает волнение, да и как не волноваться, когда знаешь, что вот где-то рядом под белой пеленой сидят и в любую секунду могут вырваться ракетами тетерева. Появление их из лунок — точно бело-черные, шумные взрывы: облако взметенного снега, хлопанье и мелькание крыльев — все это так и бьет по, и без того напряженным, нервам. А тут еще всегда кажется, что взлетевшие птицы удаляются от нас неимоверно быстро... В общем на этой охоте не "мазал", наверное, лишь тот, кто на ней не бывал. Зато какое удовольствие остановить выстрелом полет синевато-черного косача, поднять со снега эту тяжелую, чистую пером, необыкновенно красивую птицу!

Зимний тетерев удивительно крепок на рану, это настоящий эталон для проверки боя ружья. Даже совсем близко стрелять по нему нужно дробью никак не мельче № 5, лучше же всего № 4-3.

Выше я все время говорил о стрельбе косачей, т. е. самцов и совсем не по тому, что они более доступны. Наоборот, тетерки и у чучелов сидят спокойнее, и из лунок поднимаются ближе. Однако охотник, не безразличный к вопросам воспроизведения дичи, просто обязан щадить самок, тем более, что отличить их зимой от самцов совсем нетрудно. Он должен помнить, что каждая тетерка — мать будущего выводка, продолжательница рода и, сле-

довательно, ее отстрел наносит прямой вред воспроизводству. Изъятие же из тетеревиной популяции некоторого количества самцов ничем этой популяции не грозит и, в худшем случае, может только обеднить весеннюю охоту на токах.

Глава 6. На рябчика

Рябчик — исконный, постоянный обитатель леса. Рябчик особенно не равнодушен к елям. Он не клюет еловых семян и не обшипывает хвои, ценность ели для него в другом — это его крепость, надежнейшее укрытие, место, куда он спасается от любой опасности. Испугайте его и он обязательно полетит прятаться на елку и чем елок кругом будет больше, тем короче будет путь улетающей птицы. В сплошном ельнике мы уже через 2—3 секунды слышим звук посадки. В смешанных лесах, где одиночные ели стоят далеко друг от друга, это время значительно дольше.

Рябчика знают и по нему стреляло (там где он вообще встречается) преобладающее большинство охотников, а вот специальные охоты на него известны сравнительно немногим. В прежние времена он был в основном объектом промысловой добычи. Десятками, сотнями тысяч ловили рябчиков с помощью всевозможных сильев, заманивая доверчивых птиц в петли то красными гроздьями рябины, то расчищенной от снега соблазнительной кучей песка и гальки. У охотников — спортсменов рябчик находится в полном пренебрежении, как птица не выдерживающая стойки легавой и допускающая стрельбу "по сидячей".

Тем не менее осенне-зимняя стрельба рябчиков (весной она запрещена) может доставить очень много приятных часов. Это тем более ценно, что за рябчиками обычно не приходится ехать особенно далеко. Там, где в результате массового нашествия туристов, осушения, интенсификации сельского и лес-

ного хозяйства, численность тетеревов катастрофически сократилась, а встреча с глухарем — событие черезвычайное, рябчики сохранились и охота на них открыта. По-настоящему начинается она с половины, а то и с конца сентября, когда пришедшая пора листопада изреживает кроны лиственных деревьев и выводки рябчиков разобьются. В отличие от своих более крупных собратьев (глухаря и тетерева), помышляющих о продолжении рода лишь с наступлением весны, рябчик — птица более предусмотрительная. Он предпочитает обзавестись парочкой еще с осени, с осени же забронировать определенный участок леса, создав прочную базу для будущего воспроизводства. На этом-то и основан наиболее интересный способ охоты — подманивание на манок или, как его еще называют, пищик.

Доступен он правда лишь тем, кто наделен достаточно тонким слухом и в состоянии уловить очень высокий мелодичный посвист рябчика.

Помимо любви к еловым лесам рябчики проявляют пристрастие и к близости воды. По прирученным и пойменным лесам у озер и мокрых лесных болот их особенно много. Сюда ранним осенним утром и нужно идти тому, кто хочет "посвистеть рябчиков".

Выбрав какую-нибудь лесную дорогу, мы медленно идем по ней, вслушиваясь в рассветную тишину, то и дело нарушающую стуками дятлов, писком и перепархиванием всякой птичьей мелочи, а то и далеким бормотанием взбодрившегося от осеннего заморозка тетерева. Время от времени мы останавливаемся и с помощью манка имитируем песню рябчика. Не дождавшись ответа, идем дальше до новой остановки или до того момента, когда до нашего слуха долетит переливчатый посвист. Если он доносится издалека — есть смысл продвинуться в ту сторону, если рябчик отозвался сравнительно близко — идти к нему не следует. Прежде чем начать манить, необходимо присмотреть местечко, куда

птица охотно подлетит и где ее легко будет заметить. Пробовать выманить рябчика из густого леса на чистое место или даже на опушку — дело почти безнадежное. Забираться самому в непролазный, да еще высокий, ельник, тоже нет смысла — заметить там подлетевшего рябчика очень трудно. Нужно, следовательно, избирать средний вариант и устроиться на участке более или менее изреженного дрёвостоя. Отыскав такое место и переждав пару минут, чтобы птица, потревоженная звуками наших шагов, успокоилась, можно начинать манить. Мы свистнули — рябчик отозвался, мы опять поманили — он снова откликнулся и перепорхнул. В третий раз просвистел манок и пропрещав короткими крыльями, небольшая, но какая-то круглая, плотная птица с разлета ткнулась на одну из оголенных нижних ветвей старой ели. Приподняв хохолок, распушив серо-пестрые перья она высматривает воображаемую самочку или мнимого соперника, осмелившегося вторгнуться в ее владения. Осторожно, без резких движений, мы поднимаем ружье, гремит выстрел и рябчик комочком падает на рыжую хвою. Казалось бы, как все легко и просто, но... . То, что мы описали — идеальный случай, а на деле все оказывается много сложнее. Один обнаруженный нами рябчик не желает лететь на звуки манка, а лишь отзыается издали. Мы меняем места, маним то голосом самца, то голосом самки, а он продолжает посвистывать где-нибудь за ручьем и не летит. Уйти жалко, а время идет и зачастую все так и кончается ничем. Другой хитрец хотя и подлетает быстро, но почему-то упорно садится в самую гущу крон самых густых елок, где его никакими силами не высмотреть. Третий — отозвавшись пару раз, вдруг замолчит и, пока мы продолжаем манить, прибежит по земле. Заметив нас, он либо потаенно удерет, либо вдруг с треском вспорхнет рядом и был таков.

Рябчики идут на манок, главным образом, в утренние часы при ясной, солнечной погоде, особен-

но, когда ударит легкий утренник. В пасмурные не-настные дни они и отзываются и подлетают хуже. Однако, если случайно попадешь в самый центр владений какого-нибудь рябчика, так, что он этого не заметит, и просвистишь в пищик — хозяин участка почти наверняка явится продемонстрировать свои права, какая бы в это время ни была погода. Поэтому то, когда случается не услышать, а просто вслед за одним или пару рябчиков, которые тут же где-то и сядут, есть смысл подождать на этом месте минут 5—10 и потом попытаться поманить. Нередко такая попытка оказывается удачной.

В продаже, хотя и редко, но все же бывают хорошие рябчиковые манки. Лучшие из них пласт-массовые, т. к. они меньше забиваются случайным сором и слюной. Тому, кто хорошо знает рябчиковую песню, выбрать правильно звучащий манок несложно. Начинающему охотнику лучше попросить о такой услуге более опытного товарища. Прекрасный пищик можно сделать и самому из косточки от ноги зайца или глухаря.

Для тех, кто свиста рябчика вообще не слышит или слышит плохо, описанная охота, недоступна. Можно, конечно, в каком-либо подходящем месте сесть и поманить возможно живущую здесь птицу. Можно сделать то же, увидев или услышав вспорхнувшего рябчика, и иной раз добиться успеха, но собственная глухота тут очень обедняет охоту и находит на невеселые мысли о нашей неполноценности. Лучше уж просто переключиться на стрельбу с подхода. Рябчик взлетает и садится на деревья обычно шумно так, что иногда вздрогнешь от его громкого фурканья. По этому поводу есть даже интересная притча. Говорят, что когда Иисус Христос странствовал по земле, рябчик, который тогда был много крупнее, чем сейчас, вылетел у него из-под ног и сильно напугал Спасителя.

— Будь, ты неладна пестрая птица! — сказал Христос.

— Чтобы не пугала ты чад моих, стань маленькой, а мясо свое отдай братьям. И рябчик стал маленьким, а у глухара и тетерева появилось понемногу белого "рябчика" мяса. Тем не менее шума и сейчас он производит достаточно для того, чтобы не совсем глухой человек мог его услышать. Для охоты с подхода это обстоятельство имеет, как увидим дальше, немаловажное значение. Все начинается с того, что осторожно, по возможности бесшумно, проходя излюбленными для рябчиков угодьями, охотник старается заметить птицу, находящуюся на земле. Это удается довольно часто, т. к. днем рябчик много времени проводит в поисках ягод, насекомых и другого наземного корма. Заметив человека, он не сразу взлетает, а короткими перебежками начинает обходить его по кругу, точно стараясь получше разглядеть незванного пришельца. Если бы, увидев нас, он просто затаился, мы бы чаще всего так и прошли мимо, но торопливое мельканье темного силуэта птицы, а иногда и шорох ее лапок по опавшей листве, привлекает наше внимание. Вот тут и вступает в силу основное правило этой охоты — недопустимость резких движений. Стоит нам только быстро повернуться, быстро шагнуть в сторону, чтобы лучше рассмотреть неясно видную птицу, торопливо вскинуть ружье и первая возможность для выстрела будет потеряна — рябчик немедленно вспорхнет. Если мы его не очень испугали — он обычно тут же и сядет на одну из близко стоящих елок. Садится он и на лиственные породы деревьев, но только пока с них не облетела листва. На березах или осинах птица всегда укрывается в самой вершине кроны, на елях — чаще в двух нижних частях последней. Рассмотреть затаившегося в ветвях рябчика непросто. Он сидит совершенно неподвижно и как-то удивительно сливается с окружающим его фоном. Кроме того, мы далеко не всегда точно замечаем место его посадки, особенно потому, что часто, пролетев сквозь крону одного дерева, птица садится на другое, ря-

дом стоящее. Тщательно, ветку за веткой осматриваем мы деревья, в группу которых юркнула поднявшаяся птица. Нет, ничего не видно. Осторожно заходит с одной другой, третьей стороны и, наконец, либо замечаем вытянувшийся на сучке неподвижный силуэт, либо слышим звук взлета и с огорчением провожаем взглядом мелькнувшего среди ветвей рябчика. Через несколько минут до нас доносится шум новой посадки. Ориентируясь по нему вновь отправляемся на поиск и часто с тем же результатом. Случается, что мы замечаем рябчика на довольно значительном расстоянии. Подойти к нему можно или скрадывая птицу из-за разделяющих нас деревьев, или, если таких не имеется, двигаясь очень медленно, буквально шаг за шагом, так что на преодоление ста метров уходит до 10 минут. Приблизившись на выстрел, следует, как и всегда на этой охоте, поднимать ружье плавно и постепенно, иначе рябчик опять слетит. Охота возможна весь день и при любой погоде. Стрелять лучше всего 5–6 номерами дроби.

Хорошо, когда в одних и тех же угодьях охота на рябчиков проводится и с манком и с подхода. Дело в том, что в первом случае мы убиваем почти исключительно самцов. Во втором — наоборот, больше самок, которые меньше таятся и ближе подпускают человека. В результате охота не нарушает нормального соотношения птиц разного пола в оставшейся после нее популяции.

Глава 7. В горах (на кекликов)

Не многие птицы осенью возвещают голосом о своем присутствии. В многоцветье сентябрьского леса посвистывает рябчик. Где-нибудь на опушке у покрытого первым серебром инея поля, пригревшись в лучах поднявшегося солнца, побулькает терев. Из поднебесья донесутся журавлиные крики или гоготанье отлетающих к югу гусей, да со сты-

нущих в ожидании зимы озер и заливов звучит предвечерняя перекличка крякв. Но есть птица, которая не терпит безвестности и, едва заметив нас, начинает назойливо выкрикивать собственное имя. "Кеклик! Кек-лик! Кек-лик!" — раздается откуда-нибудь с раскаленных солнцем скал, заросших колючкой каменистых россыпей или арчевого редколесья. Это каменная куропатка — дымчато-сизый, полосатый, краснолапый и рубиновоклювый кеклик то ли возмущается нашим появлением, то ли предупреждает о нем своих собратьев.

Кеклик южанин и считает, что "лучше гор могут быть только горы", вне которых он никогда не встречается. Кавказ, Средняя Азия, Алтай — вот область его распространения. Когда-то жил он и в Крыму, но потом исчез, однако сейчас его туда завезли снова, и он прижился.

В районах с не очень крутыми склонами, на горных плато и приречных террасах на каменную куропатку можно прекрасно охотиться с подружейной собакой. Правда, птицы эти наделены завидными спринтерскими способностями и зачастую бегут от легавой быстро и долго прежде чем затаиться и обеспечить, тем самым, возможность сделать по ним стойку. Там же, где они живут среди крутиков, скал и россыпей, собаке работать по ним исключительно трудно. Кеклик не только спринтер, но и прирожденный скалолаз. Он способен взбираться по такой крутизне, где ни человек, ни его четвероногая помощница просто не могут за ним следовать. Кроме того, на бесконечных россыпях и острых щебнях собака моментально сбивает себе лапы, а заросли всевозможных колючих кустарников, которыми так богаты южные горы, создают для ее работы еще большие затруднения. Поэтому-то легавую на этой охоте можно использовать далеко не всегда и приходится рассчитывать лишь на собственные силы.

Утро, горячее армянское солнце только подня-

лось из-за заснеженной вершины далекого хребта, а уже ощутимо припекает. Внизу, точно покрытая синеватой дымкой, смутно виднеется долина с петляющей по ней речкой, лентой шоссе и белеющими домиками. Здесь же наверху все ярко, четко и резко. Контуры бурых, серых, зеленоватых, а порою почти красных скал точно вычерчены на неправдоподобно голубом небе. Отброшенные ими тени также контрастно пятнают засыпанные щебнем, поросшие кустами и желтой травой склоны. Тишина, безлюдье и покой горной страны, где чувствуешь себя не "венцом мироздания", а лишь крохотной составной частицей всего этого первозданного величия. Но тем не менее упомянутая крохотная частинка (т. е. я) вскарабкалась сюда с определенной целью и теперь упорно взбирается все выше.

Идти трудно — ноги скользят по начесам сухой травы, съезжают по осыпям, запинаются о бесчисленные камни. Покрытые чуть ли не дюймовыми шипами ветки цепляются за брюки и то и дело добираются до тела. Крутизна подъема сбивает дыхание. Но впереди, у границы редких можжевельников сразу в нескольких местах, звучат звонкие голоса кекликов, и я не останавливаюсь. Еще сто, ну, может быть, двести метров. Там можно будет прекратить подъем и немного отдохнуть, идя вдоль склона. В какую-то минуту чуть выше и правее меня с треском взлетает стайка очень похожих на обычных куропаток птиц. То часто махая короткими крыльями, то планируя, они пролетают метров триста и веером садятся там, где минут пятнадцать назад я продирался через особенно зловредные, хотя и низкие кустарники. Теперь прощай отдых — нужно спешить, спешить изо всех сил. Дело в том, что пока кеклики держатся вместе, группой, они редко подпускают на выстрел. Одиночки же ведут себя гораздо спокойнее и дают подойти к себе близко. Значит мне нужно успеть спуститься пока рассеявшие-

ся порознь птицы не перекликнулись и не собрались опять вместе.

Прыгая с камня на камень, скользя по осыпям и спотыкаясь, я устремляюсь вниз и... не успеваю. Не допустив меня метров на 150, кеклики поднимаются, перелетают через заваленную обломками скал расщелину и опускаются в полосу густой желтой травы. Новый бег и прыжки на грани акробатики с постоянной опасностью упасть и изуродовать о какой-нибудь камень ружье, пот, заливающий глаза, и сердце, колотящееся как овечий хвост. Но вот уже близко, вот они эти заросли жестких резучих стеблей по краю резко уходящего в долину спуска. Еще несколько шагов и сразу шумно взлетает несколько кекликов. Они взлетают не вверх, а сразу же бросаются, планируют вниз под обрыв. Первого я великолепно мажу, второй после выстрела переворачивается в воздухе, падает, катится вниз по россыпи и застrevает в какой-то каменистой ямке. Есть! Хватаясь за кусты, спускаюсь под кручу к ложбинке, где осталась моя добыча и ничего не нахожу. Есть камни, торчат отдельные травинки, валяется сухая ветка, а кеклика, моего первого кеклика, нет. Искать бесполезно — все как на ладони, спрятаться, укрыться ему негде. Может быть пока я спускался, он убежал? Или его утащила какая-нибудь хищная тварь? Горечь, великая горечь охотничьего разочарования ложится на душу непереносимым грузом. Я уныло опускаюсь на плоский палево-серый камень, достаю сигарету и в двух шагах вижу торчащую вверх кораллово-красную лапку. Птица лежит совершенно открыто, крупная, яркая и этой яркостью совершенно сливаются с окружающими ее такими же палевыми, дымчатыми, черными и красноватыми обломками скал. И, радостно рассматривая свой трофей, я думаю, что назвали ее каменной не только потому, что она живет среди камней, а и потому что сама похожа на камень. Хотя по голосам кекликов всегда более или менее точно мож-

но определить их местонахождение, но найти их, т. е. заставить подняться на крыло, очень трудно. Каменные куропатки не любят летать. Они предпочитают бегать и, заметив наше приближение просто удирают. Иной раз издали увишишь одну или двух птиц, когда они, вспрыгнув на какой-нибудь скальный выступ, четко вырисовываются на фоне неба, поворачиваясь из стороны в сторону и оглашая окрестность своими резкими криками. Доберешься до этого места и окажется, что птиц уже и след простыл. Только в одном случае кеклики предпочитают ногам крылья — когда им нужно или приходится переместиться ниже того места, где они находятся. Бегать под гору им почему-то не нравится. Заночевав у скал верхней части склона, они утром слетают к его подножью на водопой или для того, чтобы потом уже пешком подниматься вверх в поисках пищи. Поэтому их всегда следует искать выше, а отнюдь не ниже того места, где мы их в последний раз видели. Заметив, куда опустилась стайка кекликов, есть смысл сразу же попытаться подняться стороной выше этого места и подходить к птицам сверху. Таким образом мы в какой-то мере ограничиваем им возможность убежать незамеченными. Стрелять по каменным куропаткам было бы нетрудно, во всяком случае, не труднее, чем по остальным представителям отряда куриных, если бы не одна особенность — птицы эти очень часто, взлетев, уходят не вверх, не прямо, а вниз от стрелка, что весьма непривычно и порождает сперва много промахов. Еще более непривычны места, куда прячется раненый кеклик. Я как-то потратил более двух часов на поиски подстрелка. Он упал в небольшой участок мелкого кустарника среди совершенно оголенной щебнистой россыпи, начинавшейся у подножия отвесной скальной стены, куда мне с трудом удалось спуститься. Кусты не были ни густыми, ни особенно колючими и росли всего на площади в 20—30 квадратных метров. Я ни минуты не сомневался, что

разыщу свою жертву. Я обшарил каждый куст, приподнял каждую ветку, ползая на четвереньках, ощупал руками каждую пядь мелкой острой щебенки. Кеклика не было. И тут мне пришло в голову, что я ведь имею дело с каменной куропаткой, которая возможно ищет укрытия не у растительности, а именно у камня. Поднимавшаяся рядом раскаленная туфовая стена была вся изрезана узкими расщелинами, уходившими довольно глубоко в ее толщу. В них ничего не росло и только шлейфы щебня точно вытекали из каждой щели, сливаясь с начинавшейся ниже осыпью. Забираться туда было не очень-то приятно, т. к. над головой нависали и, кто их знает, насколько надежно держались здоровенные глыбы, но уже во втором из таких закоулков я обнаружил свою пропажу. И потом тоже я не раз замечал, что раненый кеклик почти всегда норовит спрятаться в расщелине, пещерке, среди нагромождения валунов или просто прижавшись к крупному камню, но и здесь чаще всего выше того места, где он упал.

Где бы мы ни охотились, окружающие условия всегда диктуют нам необходимость соблюдения тех или иных правил разумной осторожности. Тот, кто в тростниковых плавнях легкомысленно оставляет свою лодку, чтобы прогуляться куда-нибудь по мелководьям, кто в лесу, очертя голову лезет через буреломы и ветровалы старых гарей или пробует преодолеть топи неведомых ему болот, — нередко же стократно платятся за свою опрометчивость. Но еще легче пострадать, забыв об осторожности в горах. И не в лавинах, обвалах и пропастях таятся здесь главные неприятности, а в нашем постоянном желании как-нибудь сократить, спрямить себе путь. Ходьба тут трудна, преодоление любого расстояния требует значительных усилий, и желание пройти тем путем, который быстрее и короче, вполне закономерно. Вот мы видим дорогу, которая приведет нас к дому, иногда и сам дом, место, куда перелетели поднятые нами

кеклики или упала стреляная птица. До них по прямой несколько сотен, а то и десятков метров, но на пути обрывистый, почти отвесный склон, полоса крутой россыпи или иная преграда. Чтобы обойти их, нужны час, либо два. Разве не обидно? Побуждаемые усталостью, нетерпением или охотничьим азартом мы думаем: "Да ну, пройду как-нибудь, тут и всего-то спуститься метров двадцать". При этом мы забываем, что для падения, высота в 20 м мало, чем отличается от высоты в 200 или 2000 метров (разве что продолжительность полета разная) и пускаемся в свою авантюру. Уже через несколько минут, чувствуя как беспощадная сила земного притяжения отрывает наши пальцы от острых каменных граней, как ноги беспомощно отыскивают точку опоры, а подвижная масса щебня пробует увлечь нас за собой, мы многое бы отдали, чтобы вновь оказаться там, где были перед своим скоропалительным решением. Одного такого урока, если, в конечном итоге, он закончится благополучно, обычно бывает достаточно, чтобы привить нам необходимую в горных условиях осторожность.

Глава 8. Весенняя охота на токах

Перенесемся вместе с читателем в обстановку весеннего пробуждения природы, в очарование этого короткого, единственного в году периода, который дарит нам охоту на токах и тяге.

Если удастся вам ранней весной попасть в один из удаленных от крупных населенных пунктов уголков нашего обширного, лесного Нечерноземья — выйдите на рассвете на крыльце приютившего вас дома и послушайте. До вас, почти наверное, донесутся странные, булькающие звуки, напоминающие какую-то смесь голубиного воркования и журчанья быстро бегущей воды. Из-за еще тонущей в предрассветном сумраке полосы ближнего леса, с белеющей остатками снега дали полей наплывает

это многоголосое бормотанье — то стихающее, то разгорающееся с новой силой. У любого охотника от него сладко щемит сердце, т. к. это весеннее пение тетеревов.

Задолго до начала настоящей весны иссиянья-чертые, краснобровые, лирохвостые косачи начинают вылетать на места своих будущих токовых сортищ. Они еще не поют, а лишь ходят по токовищу или сидят на ближайших к нему деревьях. Редко какой-нибудь особенно ряный петух побормочет немножко или перекликнется с соседями чуфыканьем. С первыми лучами солнца птицы улетают по своим дневным делам. Идут дни, прибавляется света, все более плотным настом покрывается к утру подтаявший за день снег, кое-где уже зачернели первые проталины. Токовище словно манит к себе птиц и все больше и больше их появляется на нем не только по утрам, но и вечерами. Бормотанье, и чуфыканье звучат все чаще и, наконец, токование разгорается по-настоящему. Пришло время охоты.

Найти тетеревиный ток просто — поскольку голоса поющих на нем косачей слышны очень далеко. В тихое морозное утро их слышно за 2–3 километра, а по ветру и дальше. Однако это относится только к бормотанию, казалось бы гораздо более громкое чуфыканье доносится до нас только когда до тетеревов остается совсем немного. Итак, часа за два до рассвета мы отправляемся в ту сторону, где предполагаем наличие тока. Едва начнет заряться, как звуки токования дадут нам даже в незнакомой местности прекрасный ориентир и искать придется не столько ток, сколько более или менее приметную и удобную дорогу к нему. Когда мы, наконец, приблизимся к цели нашего выхода на столько, что будем ясно различать не только бульканье, но чуфыканье и хлопанье крыльев подлетающих вверх петухов — нужно ждать пока совершенно рассвят. Сегодня ведь наша цель не охота, а лишь подготовка к ней и ничего нет более неразумного, чем

пытаться скрадывать собравшихся на току косачей. Убить мы редко кого убьем, а птиц наверняка потревожим, разгоним и, ничего путем не разведав, будем потом вынуждены на авось выбирать место для шалаша. Лучше посидим спокойно и постараемся точно заметить: где, у каких ориентиров концентрируются тетерева и где выгоднее всего будет устраивать скрадок. Тетеревиные тока всегда расположаются на достаточно обширном открытом месте. Им может быть участок поля, луга или глади мохового болота, а то и не растаявший лед озера. Хорошо, что последнее бывает не так уж часто и в основном на севере, т. к. добраться до птиц, поющих на отделенной от берега полосой воды и не выдерживающей веса человека ледяной поверхности, практически невозможно. Если мы готовимся к охоте заблаговременно, то шалаш можно ставить на любом месте токовища, т. к. тетерева успеют к нему привыкнуть. Прямо же перед охотой его следует сделать по возможности мало заметным — укрыть возле куста, группы деревьев, старого остожья и т. д. Шалаш должен быть просторным, закрытым сверху и густым, особенно в нижней своей части. Несоблюдение последнего условия обязательно поведет к тому, что как только слегка рассветет, сидящие на земле косачи заприметят таящегося в шалаше охотника и сейчас же отлетят или отбегут по дальше. Материалом для шалаша может служить что угодно: еловый лапник, сено или солома, которыми закрывается сплетенный из веток каркас, бурьян и т. д. — лишь бы только наше сооружение не выделялось очень сильно на местности, надежно нас укрывало и было достаточно прочным. Очень неприятно, придя на ток, обнаружить, что шалаш повален ветром или разваливается, потому что вы в нем не аккуратно повернулись. Но, вернемся к найденному нами току. Высмотрев и запомнив все, что необходимо для выбора места будущей засады, дождемся конца токования и лишь после того как токови-

ще опустеет, приступим к устройству шалаша. Поставив его, настелив внутрь побольше сена или ветоши и проделав в стенках окошечки - бойницы, обеспечивающие нам хороший обзор, можно отправляться домой. Нужно только получше запомнить место, т. к. отыскать шалаш ночью бывает не так-то просто. В разгар токования и там, где на тетеревов сравнительно мало охотятся, можно попытать счастья в ближайший же вечер, но все же разумнее отложить дело до утра — утренний ток всегда активнее, а кроме того, во время вечернего вылета птицы присмотрятся к нашему сооружению.

Говорят, что одно из самых холодных мест в мире — это шалаш на тетеревином току и, дожидаясь морозной весенней ночью вылета краснобровых певцов, не раз подумаешь, что в этой шутке правды больше, чем кажется на первый взгляд. Сидеть приходится неподвижно, время тянется медленно, а резкий утренник так и пробирается под одежду. В зависимости от того, много или мало на выбранном нами току охотились, начинаться он может по-разному. В наших, более или менее обжитых местах, чаще всего это происходит так. Едва на востоке забрезжат первые отблески рассвета, по окраинам токовища начинается косачинная перекличка. Чуфыкнул один, с другой стороны прошипел второй, третий, четвертый... захлопали крылья и вот уже где-то перед шалашем раздается вызывающее "чуффши!". Токовик — думаем мы замирая. Одна за другой опускаются на ток невидимые птицы. Шипенье, булькающее бормотанье звуки подлетов сливаются в сплошной хор — ток начался. На крупных, не тронутых охотой токах картина иная. Прямо за первой перекличкой все ее участники, как по команде, сразу поднимаются и кучей опускаются на токовище. Нет у них желания дожидаться пока кто-то возьмет на себя смелость начать — всем не терпится.

Ток почти всегда начинается в темноте. Напрасно до боли в глазах мы вглядываемся в котлом ки-

пящую мглу — ничего не видно, только временами мелькают белые пятна подхвостий. Вот тут-то и требуется выдержка, способность выждать, не прельститься кажущейся возможностью попасть. Ждать ведь уже не долго — пройдут каких-нибудь полчаса и все, что виделось нам призрачно и не ясно, откроется во всей своей удивительной красоте и увлекательности. Право же, для того, чтобы поглядеть на этих поющих, дерущихся и гоняющихся друг за другом красавцев стоит подождать с выстрелом и уже потом, насмотревшись, поаккуратнее выцепить одного из них. Стрелять лучше всего того, который сидит к нам боком. Весенний тетерев очень крепок на бой и выстрел в зоб, а тем более в зад, обычно его только ранит, оставляя ему силы для того, чтобы убежать или улететь. После выстрела ток смолкает — ближние к нам косачи слетят, дальние — затаятся. Но не выходите за убитым или посмотреть: попали вы или нет. Запомните только место, где потом нужно будет поискать. Если не показаться встревоженным выстрелом птицам, то они через некоторое время успокоются и все начнется сначала. Сперва вдалеке, а потом и поближе, забормочут, забегают неугомонные соперники и вдруг смолкнут, по прячутся, пропадут из вида. Это, так называемый, перерыв — странная, безпричинная пауза в токовании, бывающая обычно на восходе солнца. Пройдет она, и через 15—20 минут концерт зазвучит с новой силой. Уже давно слышно как где-то невдалеке квохчат тетерки. Теперь одна за другой они появляются в поле зрения и приводят самцов в полное иступление. Хлопая крыльями, они подпрыгивают вверх, перелетают с места на место и то сшибаются в драке, то гоняются друг за другом. Если мы не ограничены нормой "один тетерев в зорю" — случай для второго выстрела не замедлит представиться. Но вот постепенно один, другой, третий косачи вслед за самками улетают с токовища. Оно пустеет, и мы можем покинуть шалаш и подобрать добычу,

если она имеется. Несколько зорь, особенно подряд, охотиться из одного складка плохо. Птицы начинают избегать опасного места и токуют лишь в отдалении. Раза же два в неделю одним шалашем вполне можно обойтись.

Там, где площади токовищ не притерпевают изменений, т. е. не зарастают лесом, не подвергаются осушению и тому подобным трансформациям, тока на них существуют многие десятки лет, если, конечно, их не уничтожают неумеренной охотой. Самыми стабильными местами токования тетеревов оказываются моховые болота и леденая поверхность поздно вскрывающихся озер.

Как уже говорилось, токование тетеревов весной начинается рано. Конец ему приходит после того, как окончательно распустятся листья деревьев. Сейчас для нас, ограниченных обычно десятидневным сроком охоты, это не так уж и важно, но тем, кто без ружья, с фотоаппаратом или без него, хочет порадоваться одним из самых впечатляющих явлений весны, — времени для этого много.

Там, где нет четко выраженных токов и отдельные косачи поют поодиночке, на них можно охотиться с подхода. Для этого необходимо только освоить подражание тетеревиному чуффыканью, что при достаточном упорстве, доступно каждому. Овладев этим искусством, мы получаем возможность заняться весьма увлекательной охотой, пожалуй, даже более интересной, чём стрельба на токах. К поющему тетереву почти никогда не удается просто подойти на расстояние выстрела, но приблизиться метров на двести и потом заставить его самого подлететь или подбежать к вам вполне возможно. Для этого, выбрав какую-нибудь полянку, где вам легко будет заметить явившегося на ваш зов петуха, начнайте манить. Тетерев чуффыкнул — вы ему ответили, он начинает бормотание — вы ему чуффыкли, он молчит — молчите и вы. Близкое присутствие воображаемого соперника, видимо, злит по-

ющегого косача. Он начинает подлетать на месте, все более активно отзываться и временами выкрикивать что-то похожее на звук "киррр!". Коли дело дошло до кирканья — будьте внимательны. Это признак того, что косач озлился по-настоящему и того и гляди явится драться. Если он к вам полетит, то вы это услышите, если же побежит, то может появиться совершенно внезапно. В какую-то секунду вы вдруг увидите, как распустив хвост и волоча по земле крылья, он бежит к вам, виляя между пучками травы и кочеками. Стрелять нужно быстро, иначе птица вас заметит и тут же улетит. Совершенно бесполезно пытаться подозревать одного из группы поющих тетеревов или косача, бормочущего где-нибудь на обширном поле или на дереве. Объектом охоты должны быть одиночные птицы, токующие где-то на небольшой лесной поляне или вырубке, к которым можно скрыто подойти сравнительно близко. Стрелять весеннего тетерева необходимо достаточно крупной дробью (№ 4-3) и не дальше, чем на 30—40 метров. Дальние выстрелы слишком часто дают подранков, поймать которых трудно.

Если поиски мест весенних тетеревиных сортищ не представляют особого труда, то отыскание глухариних токовищ — одна из наиболее сложных задач. Мало того, что они располагаются в самых глухих и труднодоступных участках леса, но и весенняя песня глухаря настолько тиха и невнятна, что расслышать ее можно лишь за каких-то 200—300 метров. Иными словами, можно пройти рядом с токовищем и ничего не услышать. Хорошо еще в местах тока обычно квохчат глухарки, а слетевшиеся туда самцы учиняют драки и поднимают при этом изрядный шум, что иногда и позволяет обнаружить место тока.

Для своих весенних, брачных сортищ глухари выбирают места, отвечающие двум обязательным требованиям. Во-первых, там должны быть деревья преимущественно с изрежеными, но обязательно

хорошо развитыми кронами и достаточно толстыми ветвями, на которых тяжеловесные певцы чувствовали бы себя уверенно. Деревья могут быть не очень высокими, иногда всего в 3—4 метра, но глухари часто поют и на настоящих лесных великанах, особенно на крупных соснах и осинах. Вообще, эти две породы, а на востоке еще лиственница, по-видимому, наиболее удобны для токования. Во-вторых, в местах токования под пологом леса, на земле не должно быть зарослей подроста, подлеска или высоких травянистых растений. Глухарь, начиная петь на дереве, потом обязательно слетает "на пол" и ему нужна, так сказать, открытая сцена, где он мог бы без помех покрасоваться перед самками и сразиться с соперниками. Как известно, глухари очень привязаны к раз избранному токовищу. Даже рубка леса не сразу заставляет их расстаться с привычным местом. Какое-то время они поют по краю вырубки и на отдельных сохранившихся на ней деревьях. А вот зарастание площади тока ивовыми кустами или густым тростником вынуждает их перебираться в другой участок леса.

Два указанных условия, т. е. наличие подходящего древостоя и удобного для птиц напочвенного покрова, чаще всего встречаются в сосняках сфагнового, либо беломошникового типа. Именно в них расположено большинство глухаринных токов. На участки этого типа леса и следует обращать особое внимание при поисках тока. Однако площади подходящих угодий обширны, а площади расположенных в них токовищ сравнительно ничтожно малы. Чтобы отыскать эту "иголку в стоге сена" нужны определенные приемы. Первый из них — поиск, так называемых, "чертежей". Еще задолго до начала настоящего токования самцы глухаря по утрам прилетают на токовище, сидят на деревьях, точно присматриваясь к месту своих будущих выступлений, потом слетают на снег и напыжившись расхаживают по нему, оставляя весьма характерные следы.

Это цепочка отпечатков лап, по обе стороны которой на снегу причерчено несколько глубоких бороздок, оставленных распущенными крыльями птицы. Наличие чертежей — надежный признак близости токовища. Итак, в конце марта — начале апреля мы отправляемся в поиск. Путь наш лежит вдоль опушек меховых болот, от одной к другой сосновой гриве, темнеющей над заснеженной гладью сфагнозников. Если мы бывали в этих местах раньше, то особенно тщательно обследуем те участки леса, где осенью или зимой обычно поднимали глухарей. Мы все время помним, что взялись отнюдь не за легкое дело. Пройдет может быть несколько дней, останется позади не один десяток километров, прежде чем будет найдено искомое, поэтому первые неудачи нас не смущают. Зато какое волнение, какое чувство глубочайшего удовлетворения испытываем мы, когда в какой-то миг вдруг наткнемся на долгожданные следы, когда увидим, что не один глухарь и не только сегодня испещрил снег отпечатками своих лап, избороздил его распущенными крыльями! Наверное, то же испытывает золотоискатель, когда после многодневного копания в пустой породе он обнаруживает первые признаки россыпи. Теперь, поточнее запомнив место, можно идти домой. Если весна уже вступила в свои права, — в следующий же вечер придем сюда на подслух. В противном случае — подождем несколько деньков.

Но вот, наконец, и потеплело, днем во всю тает и лишь ночью раскисший снег прихватывает крепкими морозцами, покрывающими его твердой и звонкой корой наста. Есть уже надежда на то, что глухари запели и есть возможность проверить действительно ли найденное нами место — место тока. Придти туда нужно примерно за час до захода солнца, прийти, устроиться где-нибудь с краю того участка, где были чертежи и тихо, терпеливо ждать. Если мы и впрямь нашли токовище, то на заходе солнца, а, возможно, и перед наступлением полной

темноты услышим, как являющиеся сюда с вечера глухари шумно усаживаются на деревья, с хлопаньем крыльев перелетают с места на место и, наконец, затихают. Возможно долетят до нас и звуки их песни, только если раньше ее не слыхали мы вряд ли поймем, что это именно она — слишком не вяжутся они с представлением о крупнейшей птице наших лесов — громадном, темном краснобровом глухаре. Чтобы самому по-настоящему "понять" песню, нужно видеть самого певца. Для этого на следующий день, опять перед закатом, мы приходим на ток, но уже не останавливаемся у его края, а забираемся туда, где накануне слышали наибольшее количество посадок. Выбрав место, с которого открывается достаточно широкий обзор, садимся на какую-нибудь валежину и ждем. Вот в одном, потом в другом месте, не в стороне, захлопали крылья подлетевших глухарей. Вот прямо у нас над головой прошумел и скрылся за вершинами здоровенный хошник. Велико искушение подобраться туда, где он сел и теперь с шумом умащивается среди ветвей, но поддаваться этому желанию не следует — попытка все равно обречена на неудачу, т. к. глухарь, особенно в первое время после прилета на ток, необычайно чуток. Но вот, наконец, и на одну из видных нам сосен ткнулась громадная черная птица. Ее темный, настороженно вытянувшийся силуэт четко рисуется на еще светлом фоне неба. Глухарь совершенно неподвижен, он вслушивается, всматривается в окружающее и сейчас малейшее наше движение, малейший произведенный нами звук не укроются от его внимания. Проходит несколько минут и он успокаивается: опустилась вытянутая шея, приподнялся хвост, птица несколько раз переступила по ветке и снова затихла. И вот тут, пожалуй, любой начинающий охотник начинает испытывать настящие муки сомнений. Что делать? Ждать песню, которой возможно и не удастся дождаться или без всяких хлопот взять и убить этого сидящего в

тридцати шагах глухаря? Тот, кто соблазнится последней возможностью, возможно и возликует, поднимая после выстрела, свой редкий драгоценный трофей, но охоты на току во всей ее красоте он так и не узнает. Тот же, кто вытерпит, пересилит соблазн и дождется того, ради чего он потратил столько трудов — будет вознагражден сторицей. Пусть не сразу же вечером, а лишь утром, после холодной неудобной, мучительной ночи, проведенной на той же, с вечера выбранной валежине, он услышит это странное, все убыстряющееся пощелкивание, переходящее в тихое, страстное то ли шипение, то ли скрежетание. С рассветом он убедится, что эти удивительные звуки действительно издаются поющим глухарем и запомнив, навеки приняв их в глубины своей охотничьей памяти, сможет завершить начатое и теперь доведенное до конца дело выстрелом.

Если искать глухаринные тока приходится уже после того, как снег сошел, — дело осложняется, т. к. чертежей не видно. Тогда есть смысл поступить следующим образом. Перед рассветом, обходя пригодные для токования места, прислушиваться не донесется ли откуда-нибудь квохтание глухарок, либо хлопанье крыльев дерущихся глухарей. Последнее бывает слышно чуть ли не за километр и является верным признаком наличия тока. Обнаружив такое место, нужно дождаться утра и, когда время токования пройдет, обследовать его повнимательнее в поисках токовища. Помочь здесь может то, что поющий глухарь оставляет под деревом, на котором он токовал, помет очень характерного вида. Это не привычные для нашего глаза продолговатые сухие "колбаски", состоящие в основном из остатков хвои, а короткие, темные кусочки помета, каждый из которых точно украшен белым пятнышком. Они никогда не лежат плотной кучкой, а рассияны под деревом или под одной из его ветвей вrossсыпь. Кроме того, на токовище нередко удается

найти значительное количество глухаринных перьев, выдраных друг у друга дравшимися соперниками.

Отыскать ток по голосам самок и шуму драк не просто, поскольку за утро удается пройти не такой уж длинный маршрут. Это значительно легче, если предварительно удается установить, хотя бы примерно, район расположения тока. Для этого, в дополнение к утренним поискам, можно провести вечерние наблюдения. Выбрав место, с которого хорошо просматривается значительная площадь мохового болота и окружающих его участков леса, нужно перед заходом солнца понаблюдать — не полетят ли в какой-нибудь из последних самцы глухаря. Если хотя бы 2–3 петуха пролетят в одно и тоже место опушки или к одной и той же лесной гриве, — возможность наличия там тока весьма вероятна и место это подлежит утренней проверке.

Таковы наиболее доступные способы отыскания глухаринных токов и знакомства с песней этой птицы. Дело многократно облегчается, если места токов нам уже известны и на токах мы уже не раз охотились. Однако сколько бы ни осталось позади весен, сколько бы ни значилось на нашем счету убитых мошников, а каждая новая охота не теряет от этого своего удивительного своеобразия и увлекательности. Вспомним эти печальные, окруженные пухлой ночной тьмой пространства моховых болот, где, как мы знаем, в чернеющей чаще корявых, низкорослых сосен, замерли в дремоте громадные какие-то допотопные птицы. Замерли в ожидании урочного часа, когда где-то на болотных гладях прокричат журавли и им придет время наполнить предрассветную тишину пощелканиями и страшными скрежетаниями своих странных песен. Вспомним, как захватывает дух от первых долетевших до нас пощелканий, которые точно капли расплавленного металла обжигают наш слух, минуты подхода: когда, то замирая в окаменелой неподвижности, то стремительно делая вперед два-три прыжка, мы

вглядываемся до боли в глазах в сплетение темных ветвей, стараясь высмотреть поющую там птицу. Кому дано переживать все это спокойно?

Песня глухаря проста. Начинается она одиночными редкими, потом все учащающимися пощелкиваниями, переходящими затем в собственно песню "точение", во время которого (2/4 секунды) глухарь абсолютно ничего не видит и не слышит. Этим короткие "отключения" и дают нам возможность приблизиться к певцу, высмотреть его и выстрелить. Главное правило, основная заповедь этой охоты: подходи под песню, поднимай ружье под песню и стреляй под песню. Стрелять глухаря нужно достаточно крупной дробью (3—1 номеров) и из ружья с надежным боем — они крепки на рану и не убитые наповал, часто отлетают в сторону, пропадая для охотника.

Для того, чтобы никогда не совершил смертного греха — выстрела по глухарке, необходимо соблюдение одного единственного правила — не стрелять на току влет. В нем не только залог успеха, но и мудрая осторожность, предвидение и устранение тех невообразимых казусов, которыми при недостаточной выдержке так может быть богата охота. Пусть с того самого дерева, откуда долетали до нас звуки песни срывается глухарь, пусть мы совершенно уверены, что это самец — стрелять нельзя, т. к. это может быть и сидевшая здесь же глухарка. В предрассветной мгле ни разница в размерах, ни совершенно разная окраска не гарантируют от ошибки. Трудно встретить охотника, который не стремился бы хоть как-то выкроить свободный вечер, чтобы умиротворить душу весенней тягой. "Весной над опушками и полянами тянут лесного кулика — вальдшнепа" — такой была подпись под одной из картин, изображающих весенний лес, и над его вершинами, на фоне заката, темный силуэт летящей длинноклювой птицы. И возможно, что это вовсе не забавная описка редактора, а естественная ассо-

циация не охотника на слово "тяга". Действительно, конная, паровая, электрическая тяга — во всех случаях речь идет о том, как что-то, чем-то и куда-то тянут. Однако вальдшнепиная тяга ничего общего со всем этим не имеет. Под ней понимают весенние токовые полеты, которые, в поисках самок, самцы вальдшнепы совершают после захода и перед восходом солнца. Название же, вероятно, произошло от того, что голоса, порою невидимых за вершинами деревьев птиц, точно протягивают в воздухе незримые звуковые нити вальдшнепиного хорканья и цвиканья.

Глава 9. Тяга

Об охоте на тяге, пожалуй, писали все, кто в художественной литературе, хотя бы изредка, посвящал свое перо охотничьей тематике. Происходило и происходит это потому, что нет охоты более доступной, поэтичной и очаровательной. Для нее не нужно забираться в дальнюю, нехоженную, дремучую глухомань. Она не требует ни титанических усилий по отысканию дичи, ни многотрудного устройства каких-либо складков, лобазов и иных сооружений. На ней не приходится преодолевать непролазные топи, кочкарники или заросли. В непосредственной близости от населенных пунктов, проходить по лесной дороге на какую-нибудь поляну или вырубку и ждать. Ждешь, окруженный прелестью погружающегося в сумерки леса, запахами талого снега, прелых листьев и набухающих почек, завораживающей тишиной, поющей голосами десятков птиц.

Охота на тяге всегда кратковременна и ею нельзя пресытиться. Она, чаще всего, малодобычлива, а, значит, каждая убитая здесь птица особенно драгоценна. Кроме того, не знаю уж почему, но голос приближающегося вальдшнепа — один из самых волнующих охотника звуков и редко позволяет ему сохранять спокойствие, так что эмоций тут — хоть отбавляй.

Вальдшнепы появляются у нас обычно вместе с первыми проталинами, но, пока окончательно не потеплеет, тянут плохо. В холодную, ветреную погоду только наиболее азартные из них иногда поднимаются на крыло, чтобы высоко и быстро пролететь круг над лесом и вновь затаиться под какой-нибудь разлапистой елкой. Но лишь только прекратятся вечерние заморозки и умется ненастье, как птицы активизируются. Неторопливым, каким-то порхающим полетом, держась над самыми макушками деревьев, начинают они после заката освещать свои облеты до тех пор, пока окончательно не стемнеет. Пути их проходят в основном над мелколесьем, опушками полян и вырубок, поймами лесных ручьев и границами между спелыми насаждениями и молодняками. У каждого вальдшнепа есть по-видимому свои излюбленные трассы, но существуют места, где воздушные дороги отдельных птиц сходятся или пересекаются. Они-то и являются лучшими местами для охоты. Чтобы найти их, нужно, прежде всего, разыскать наиболее характерные для обитания вальдшнепа массивы угодий, т. е. достаточно обширные участки, где преимущественно заболоченное березовое, осиновое или ольховое мелколесье перемежается с полянами, вырубками и отдельными выделами старого елового или смешанного с елью леса. Здесь, выбрав какую-либо прогалину или перекресток дорог, нужно устроиться и ждать начала тяги.

Село солнце, наползают вечерние тени, постепенно смолкают голоса мелких птиц. Охотник — весь ожидание и, наконец, слышит вальдшнепиное хорканье, а затем видит и саму птицу, пролетающую над дальним концом выбранной им поляны. Минуты через три там же пролетает и второй вальдшнеп. "Вон где тянут!" — думает охотник и поспешно, чуть ли не бегом устремляется к многообещающему месту. Но охота не любит торопливых — едва запы-

хавшись доберется он до своей цели, как именно там, откуда он ушел, появится и медленно над самыми вершинами пролетит вожделенный долгоносик.

Вернуться? Остаться тут? Перейти еще метров на 80, где только что протянула сразу пара вальдшнепов? Вот какие муки сомнения терзают охотничью душу. А терзаться-то и не надо — терпение и выдержка на тяге также необходимы, как и на любой другой охоте и тот, кто неустанно будет побегать с места на место — скорее всего останется без выстрела. В дополнение к этой и без того мало приятной перспективе он так и не подметит, где же лучше всего тянули и где, следовательно, нужно стать завтра. Значительно разумнее первый вечер посвятить наблюдению за направлением лета птиц. При этом, где бы мы ни стояли, а "своего" вальдшнепа обычно удается дождаться.

Наиболее интенсивной тяга бывает в период пролета, когда в наших угодьях задерживаются не только те птицы, которые потом здесь и загнездятся, но и те, что следуют дальше на север. Установленный теперь десятидневный срок открытия весенней охоты, да еще заранее регламентирующий сроки ее проведения, редко позволяет нам насладиться тягой в этот наиболее благоприятный для нее период. В последние годы чаще всего случается так, что разгар пролета вальдшнепа либо приходится на дни, когда охота еще не открыта, либо наступает после ее закрытия. В первом случае мы стреляем только своих местных вальдшнепов, во втором, как правило, вообще никого не стреляем, т. к. тяги еще просту нет. Различия в охоте на пролетного и местного вальдшнепа определяются не только тем, что первая всегда богаче второй, но и еще одной немаловажной особенностью. Когда каждую ночь в наши угодья подлетают и задерживаются в них для дневки все новые и новые птицы — можно несколько дней подряд успешно охотиться на одном и том же

месте. То, что нам удалось добыть сегодня тут же восполняется. После же окончания пролета, места охоты (особенно если она была успешной) приходится менять чуть ли не ежедневно. Убили мы над какой-нибудь поляной сегодня пару долгоносиков и завтра тут же нечего делать, пока данное место не освоит новый вальдшнеп до этого тянувший, т. к. был при самке.

Последнее, по-видимому, случается достаточно часто. Об этом говорит хотя бы то, что с ходом весны тяга постепенно затухает, а потом в июне и июле опять разгорается. Трудно предположить, что это связано с ослаблением и восстановлением половой активности самцов. Скорее дело в том, что постепенно все самцы вальдшнепы находят себе подружек и спокойно наслаждаются семейным счастьем до тех пор, пока самки не сделают кладок и не приступят к их насиживанию. Тут устроенной жизни самцов приходит конец и они вновь начинают искасть себе новую пару.

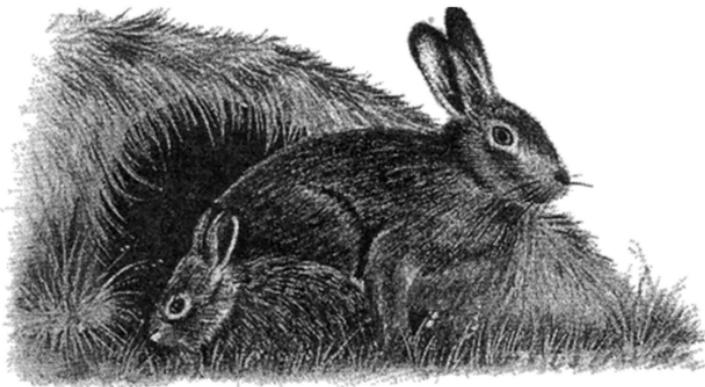
Для того, чтобы успешно поохотиться на тяге, мало найти место, где вальдшнепы пролетают достаточно часто. Нужно, чтобы окружающая обстановка позволяла вовремя заметить налетающих птиц и не мешала стрельбе. Иными словами, нужен хороший обзор. Помимо него крайне желательно отсутствие кругом густых зарослей подроста, кустов и высоко-травья, где найти упавшую птицу бывает очень трудно. Лежащего или сидящего на земле вальдшнепа даже и днем не просто заметить, т. к. его оперение точно сливаются с коричневатым фоном прошлогодней листвы. В потемках же да еще в каких-нибудь молодых елочках или заросших осокой кочках, это целая проблема и многое битых птиц так и остается не взятыми.

Что касается самой стрельбы вальдшнепа, то хотя она как будто и не сложна, но промахов при ней бывает более, чем достаточно. Возможно, что причина их — это наше волнение, возможно, что опре-

деляются они какой-то обманчивой неверностью вальдшнепиного полета: то очень медленного, то достаточно быстрого. Вальдшнеп не крепок на рану и стрелять по нему вполне успешно можно 7–8 номерами дроби.

Как уже говорилось вальдшнепы тянут и утром незадолго до восхода, но все же еще в сильных сумерках, а поэтому охотятся на них в это время. Следует помнить, что во время как вечерней, так и утренней тяги на нас может налететь и вальдшнепиха, которую мы обязаны щадить. Поскольку она не хоркает и не цвикает — стрелять молча летящего вальдшнепа нельзя, т. к. он-то и может оказаться самкой.

К чести наших охотничьих администраторов нужно сказать, что в последние годы на тягу разрешается брать подружейных собак и это, конечно, несказанно облегчает поиски упавших птиц.

РАЗДЕЛ II

ЗВЕРОВЫЕ ОХОТЫ

Глава 1. На зайцев

Зайцы — кто их не знает? Кому не знаком их длинноухий, куцехвостый облик? Кто, хоть немного живший на лоне природы, не вздрагивал от стремительного прыжка выскочившего из-под ног "косого"? Кому не случалось рассматривать их какие-то простодушно откровенные следы на снегу или следить ночью из машины за удирающим в свете фар зверьком? Таких людей найдется немнога — зайца знают все. Хотя охота на этих робких грызунов как-то не соответствует гордому названию "зверовая".

В СССР обитают 4 вида зайцев: исконный обитатель леса — заяц-беляк, житель открытых степных и полевых ландшафтов — заяц-русак, заселяющий пустынные и полупустынные угодья юга страны — заяц-талай и, наконец, манджурский заяц, обитающий в лесных угодьях Дальнего Востока. По широте распространения, обилию и охотничьей значимости первенствуют несомненно два первые вида. Охота на них начинается осенью, примерно, с октября, если, конечно, органы управления охотничь-

им хозяйством не измыслят повод для задержки ее открытия до ноября. Она может проводиться многими способами, но нужно сразу сказать, что тот из них, который наиболее распространен в странах Европы, а именно охота загоном, у нас как правило, малоэффективен. В наших достаточно суровых климатических условиях численность зайцев редко достигает того уровня, который необходим, чтобы загонная охота была оживленной, веселой и добычливой. Одно дело, когда с сотни гектаров можно выгнать несколько десятков зайцев и совсем иное — когда на этой площади имеется всего 1—2 зверька. Стоит ли ради этого "огород городить" — собирать загонщиков, расставлять стрелков и вообще осуществлять всю достаточно трудоемкую процедуру загона? Только в отдельные годы, в отдельных районах при, так называемых, "пиках" заячьей численности — этот способ охоты дает хорошие результаты и тогда он используется. Обычно же на зайцев мы охотимся с гончими собаками или с подхода, отыскивая зверьков там, где они имеют обыкновение ложиться на дневной отдых, либо вытрапливая их по следам, при наличии снега, иногда подкарауливая их в местах ночных жировок.

Вне всякого сомнения, наиболее интересной и волнующей является стрельба зайцев из под гончей собаки. Участие собаки, ее "работа" наполняют охоту каким-то особым эмоциональным содержанием, дополнительными ощущениями и украшают ее.

Я весьма скептически отношусь к рассказам о том, как охотник, вырвавшись из духоты городской жизни, преодолев все превратности и муки дальней дороги, добравшись, наконец, до глухариного тока или шалаша на весеннем разливе и уже "посадив на мушку" поющего мошника или подсевшего к подсадной селезня, вдруг опускает ружье шепча:

— "Нет! Ты слишком прекрасен, чтобы тебя уби-

вать! Живи, люби и помни о том, каким бывает истинный охотник!"

А вот записному гончатнику, который скажет, что не стал стрелять замеченного на лежке зайца, чтобы послушать, как его погоняют собаки, я поверю. Поверю, зная, что для страстного любителя звуки хорошего гона бесконечно драгоценнее убитого зверька. Трудно сказать — в чем завораживающая сила этих звуков. Многие связывают ее с красотой тембра и общей музыкальностью голосов гончих собак и во многом они правы — лай кровной гончей совершенно не похож на брехание и тявканье остальных представителей собачьего племени. Но мне все же кажется, что дело не только в этом, а в той неимоверной, яростной, всепоглощающей страсти, которая звучит в голосах побудивших зверя и идущих по его горячему следу гонцов. Она заражает, она, словно, приобщает нас к азарту погони, жажде преследования, к той борьбе, где стремлению догнать и схватить противостоят быстрота ног и всяческие хитрости, порожденные желанием спастись. Чем азартнее (а не музыкальнее) гон, тем больше он нас волнует, доводя порой до полного самозабвения и экстаза.

Среди охотников-дилетантов бытует в высшей степени нелепое убеждение, что гончая собака или собаки "нагоняют" зверей на охотника. После окончания охоты нередко доводится услышать, как некто огорченный неудачей сетует и возмущается:

— "Дрянь у вас собаки! Видели ведь, что я на этой полянке стою, два с лишним часа гоняли, а на меня так и не выгнали. И на черта таких держать?!"

Винить здесь собак глупо. Гончая идет по следу зверя и никак не может изменить направление его хода. Охотник сам должен угадать или подметить, где имеется наибольшая вероятность перехватить спасающегося от собаки зайца и получить возможность для выстрела по нему. В этом то и заключается залог успеха.

Зайцы под гоном почти всегда ходят по угодьям кругами. Эти круги, а вернее, неправильные замкнутые линии имеют зачастую довольно затейливую конфигурацию. Зверек бежит не просто "куда глаза глядят", а по совершенно определенным участкам полей или леса, там, где ему легче идти или где он надеется скорее отделаться от преследования собаки. Видимо, у каждого зверька есть в угодьях свои "тракты", так как каждый заяц ходит под гоном по-своему. Но эти пути отдельных зверьков нередко пересекаются или сходятся в каких-то местах. Где бы данном районе не были подняты зайцы, каждый из них обязательно и не раз пройдет такими излюбленными "лазами". По характеру эти места могут быть очень различны: перекресток дорог или просек, перемычка, соединяющая два участка чащи, опушка, пролом в изгороди, бровка канавы, мостик через ручей и т. д. Кроме того, заяц то и дело возвращается к своей лежке, т. е. к месту, где он был поднят. Круговой ход зайца нередко перемежается прямыми переходами из одного массива угодий в другой и обратно.

Заяц-русак обычно ходит очень широко. От места подъема он может уйти на несколько километров, так что даже звучный голос гончей потерянся вдали. Он может закатить по угодьям круг в два-три километра диаметром и к лежке выйдет не скоро. При этом пойдет он чаще всего полями, дорогами, межами и бровками канав, а зайдя в лес, будет придерживаться редин, полян и широких просек.

Совершенно иное дело — беляк. Он ходит обычно на очень малых кругах и обязательно старается пролезть самым крепким местом. Чаща молодняка, лес с густым подростом и подлеском, сухое или промерзшее болото с ивняком и высокой некосью, захламленная заросшая вырубка — вот излюбленные места его хода. Поляну всегда беляк перейдет там, где она всего уже, из одного массива чащи в другой переберется там, где они ближе всего сходятся, по

просеке или лесной дороге если и пробежит, то не-
много, а чаще всего их только пересекает.

Руководствуясь этими особенностями поведения зайцев, следует выбирать место под гоном. Долго охотясь с гончими в одном и том же районе быстро удается выяснить места постоянных заячьих переходов. В новых же местах приходится выбирать лаз сообразуясь только с характером местности, знанием заячьих повадок и направлением гона.

Охотясь с гончими, многие, особенно молодые охотники, делают одну и ту же ошибку — они слишком много передвигаются по угодьям, стараясь перехватить зайца. Чуть только отдалится голос собаки и они уже оставляют выбранный лаз и мчатся туда, откуда доносится гон. При этом они забывают, что заяц идет на много впереди собаки и мы, стараясь быть как можно ближе к последней, чаще всего попадаем туда, где он уже прошел. Кроме того, заяц всегда услышит спешащего ему на перехват человека и отвернет в сторону, избегая опасной встречи. Таким образом, постоянно перебегая с места на место и чуть ли не по пятам гоняясь за гончей, наверное ничего не убьешь. Мало того, на коллективных охотах таким поведением обязательно помрешь товарищам. Беготня под гончими сбивает зайца с выбранного им хода, он начинает ходить прямиком, уходит далеко и дождаться его даже на верном лазу становится трудно.

Первое, что следует сделать, услышав начавшийся гон, это постараться как можно точнее определить место, где зверек был поднят. Как уже говорилось, место лежки — самый надежный пункт для ожидания зайца, самый верный лаз. Обычно после первого круга зверек сюда возвращается, чтобы сдвоить и запутать след. Иногда он приходит к лежке не сразу, а после двух, трех или большего числа кругов, но приходит обязательно и попадает под выстрел. Если же место подъема определить не удалось, то нужно по звуку гона постараться определить

направление движения зайца и попробовать перехватить его в каком-либо подходящем для его хода месте. Став на лаз, нужно спокойно ждать, соблюдая тишину и относительную неподвижность. Покинуть выбранный пункт есть смысл только в том случае, если по звуку гона слышно, что зверек раз за разом проходит каким-то одним и тем же местом. Перейти туда явно целесообразно. Занимая лаз, следует следить, чтобы кругом открывался достаточно широкий обзор для того, чтобы заметить и стрелять зайца, когда он появится.

Вот те правила поведения охотника на охоте с гончими, в выполнении которых кроется залог удачи при прочих благоприятных условиях, т. е. при хорошей работе собак, наличии в угодьях зверя и благоприятной погоде.

Поднять зайца с лежки, наткнувшись на него или отыскав его по жировочным следам, способны многие собаки, а не только гончие. Гнать зверька какое-то расстояние (иногда очень большое) по следу молча или с голосом могут и лайки, и континентальная легавая, такса и даже некоторые самые обыкновенные дворняжки. Тем не менее, настоящая охота на зайцев из-под собак возможна только с гончими. Именно последние обладают совершенно специфическими свойствами, необходимыми для этой охоты. Сюда относятся: настойчивое стремление во что бы то ни стало отыскать зверя, неутомимое преследование его по следу, сопровождающееся постоянной отдачей голоса, который у гончей должен быть звучным и доносчивым, умение быстро разобраться во всех уловках, к которым зверь прибегает, чтобы запутать свой след. Если гончая обладает этими основными свойствами, то с ней самый неопытный, начинающий охотник, в конце концов, убьет зайца. Если же собака ищет лениво, преследует зверя недолго, не умеет или не желает отыскивать потерянный след или гонит зверя молча, то убить из-под нее зайца зачастую оказывается непосильно и многоопытным охотникам.

На подъем зайца, даже хорошей собакой, нередко уходит много времени. Особенно это бывает в дни, когда ночные следы зверьков смыты дождем или засыпаны снегом. Заяц на лежке дает мало запаха и собаке его трудно причуять. В этих условиях охотник может помочь собаке побудить косого. Для этого стоит, не жалея себя, пробираться теми, иногда очень не удобными для ходьбы местами, где заяц скорее всего может лежать. При этом полезно покрикивать, трещать валежником или постукивать по стволам деревьев с тем, чтобы напугать зайца и заставить его встать с лежки и дать след.

По черной тропе (пока земля еще не покрыта снегом) для охоты с гончими лучше всего тихие, безветреные, пасмурные дни, когда и земля и прибитый дождями слой опавших листьев мягки, мокры, когда неподвижный воздух наполнен мельчайшими частицами влаги, а серое небо словно опускается на неподвижные вершины оголенных деревьев. В эти дни след зайца более пахуч и дольше сохраняет свой запах. Гончие по мягкой тропе не сбивают ног, а голоса их доносятся к охотнику особенно звучно. Не беда, если даже моросит дождь, но именно мелкий, сеящийся словно сквозь сито, не заливающий следов и не смывающий моментально их запаха. То же и после выпадения снега. Гон хорош в сравнительно мягкую тихую погоду, но без снегопада. Хуже всего для охотника сухая или морозная погода, а также сильный ветер, при котором потерять собак со слуха ничего не стоит. В неблагоприятные для охоты дни с собаками лучше вообще неходить.

Заяц не крепок на рану, особенно при попадании дроби по его передней части, однако и для него нужно ружье с достаточно резким боем и соответствующие номера дроби. Дело в том, что при стрельбе на большие расстояния, при малой резкости боя ружья или при чрезмерно мелкой дроби, последняя путается, закатывается в густом заячьем пуху и удар ее ослабляется.

С осени зайца можно убить и пятым номером дроби, но к зиме, когда он окончательно вылиняет, лучше всего употреблять дробь 3—1 номеров (в зависимости от боя ружья). Увидев идущего в ноги зайца, совершенно не нужно стараться напустить его как можно ближе. В десяти—пятнадцати шагах, когда заряд идет пулей, промахнуться очень легко и та точность прицела, которая на тридцать—сорок шагов обеспечила бы верное попадание, здесь оказывается недостаточной. Там и тогда, когда это можно, не только не нужно, но и вредно стараться выстрелить по зайцу на как можно более близком расстоянии. Мало того, что при этом легко дать промах, но если заряд и попадает в зверька, то он его, буквально, продырявит.

Даже в моменты, когда зверек бежит особенно быстро, мчится, как говорят, со всех ног, на расстоянии до пятидесяти шагов никакого особого упреждения при выцеливании брать не нужно. Угонного зайца следует полностью закрывать стволами так, чтобы над мушкой ружья были видны только его уши. Стреляя по встречному зайцу, нужно целиться в кончики его передних лап. Зайцу, проходящему мимо охотника, целиться нужно прямо перед грудью.

Выходить на охоту с гончими лучше пораньше, так, чтобы к рассвету быть уже на месте охоты. В это время собаки еще хорошо чуют запах ночных заячьих следов и им легче по ним отыскивать зверька. В это время есть смысл пускать гончую в поиск прямо с мест предполагаемых заячьих жировок: с озимей, окрайков полей, больших полян и опушек. Только в дни с сильными утренними заморозками имеет смысл задержаться с выходом с тем, чтобы тропа немного отмякла. Когда с гончими охотятся вместе два—три человека, согласованность их действий обычно достигается сама собой. Следует только помнить следующее: не положено стрелять издали по зайцу, хорошо идущему на товарища, не сле-

дует, заметив, что кто - то из спутников стал на хорошем лазу, забегать вперед и становиться перед ним, чтобы перехватить возможный выход зверя, совершенно недопустима их стрельба в сторону това-рища по охоте или по неясно видимой цели, нельзя даже, увидев зайца, криками и выстрелами нама-нивать собак, если они в это время гонят. Соблю-дение этих правил необходимо всегда.

Если с гончими охотятся компанией, то совер-шенно необходимо перед охотой выбрать ее руко-водителя. Ему предоставляется право определять направление движения пореканием и свистом, под-бадривать и направлять собак. Он следит за со-блюдением участниками охоты правил поведения и безопасности. На время охоты его распоряжения обязательны для всех ее участников.

Несоблюдение этого правила неизбежно ведет к тому, что из коллективной охоты ничего путного не получается. Либо охотники разбредутся по угодьям и потеряют друг друга, либо кто - нибудь из них ото-бьется в сторону и увлечет за собой собак, либо беспорядочной беготней под гоном вся стройность и весь правильный ход охоты будут нарушены.

Участники коллективной охоты должны спокой-но идти, растянувшись неширокой цепью, в направ-лении, выбранном ведущим, ориентируясь на его го-лос. Они обязаны идти молча. Только, если кто - либо из них увидит поднявшегося зайца, он может начать накликать собак, если они в это время не гонят.

С началом гона все участники охоты должны бы-стро выбрать себе места, где они будут выжидать выхода зверя и без особой надобности с них не ухо-дить.

Убив вышедшего на него зайца, охотнику следу-ет криками "готов" или "дошел" известить товари-щих о своей удаче, но до выхода собак с места не сходить. Дело в том, что под выстрел нередко по-дадает не гонный, а шумовой заяц, и после его от-стрела гон продолжается.

После выстрела по зайцу, если последний не убит, нужно внимательно прислушиваться к голосу гончей — не смолкает ли он внезапно. Если это случилось, следует незамедлительно поспешить к месту, где смолкла собака, т. к. очень возможно, что она или заловила подранка, или дошла до павшего после ранения зайца. Торопливость такой проверки — залог того, что вы найдете зайца более или менее целым, а не разорванным в клочья или, попросту, не съеденным. Полакомиться в отдалении от хозяина зайчатиной гончие обычно большие любители.

Далеко не всегда и не у всех охотников имеется возможность охотиться с гончими. Однако это не значит, что зайцы, несомненно, наиболее многочисленные представители нашей четвероногой дичи, для бессобачных охотников недоступны. Чтобы постремлять по ним имеется несколько вполне надежных способов. Первый из них — охота с подходом. Проводится она, как правило, либо до выпадения снега, либо после того, как очень долго не было проши, и многоследица, т. е. бесконечное переплетение старых и свежих маликов, мешает вытрапить отдельного, определенного зверька. Для этой охоты необходимы три условия: относительное обилие зайцев в сравнительно открытых угодьях, знание мест, где они любят ложиться на дневку и крепкие ноги охотника. Там, где зайцев мало, охота с подхода превращается в безнадежное скитание по полям, лугам и лесным вырубкам, когда проходят часы, остаются позади километры, а зайца все нет и надежда поднять его постепенно угасает. В местах с ограниченным обзором (в лесу, кустарниках, бурьянах), даже если зайцев и много, дело обстоит не лучше — мы просто не замечаем осторожно встающих с лежки и скрытно удирающих зверьков, и также может весь день проходить без выстрела. Зайцы на дневной отды whole ложатся не всюду, а устраивают там, где сами они будут надежно укрыты, а возможность заметить приближение опасности не будет ограничена.

Заросшие бурьяном бровки канав среди полей, оставшиеся после вспашки "огрехи", т. е. не тронутые плугом участки у крупных камней, возле телеграфных столбов или опор высоковольтных линий, отдельные кусты, а на вырубках — кучи и вершины от срубленных деревьев, — вот те mestечки, которые ими предпочтитаются. Но, конечно же, не в каждом таком укрытии лежит заяц. Десятки и сотни их пусты и только в каких-то отдельных из них таятся те, кого мы так страстно мечтаем найти. Вот поэтому-то охота с подхода и требует от нас выносливости. Ходить приходится всегда по бездорожью (пашни, кочкарники, захламленные вырубки) и даже при обилии зайцев оставишь обычно позади не один и не два километра прежде, чем поднимешь косого. Неторопливо, все время следя за окружающим, идем мы от одного сулящего надежду mestечка к другому, идем, постоянно готовые к выстрелу, т. к. косой может появиться в любой момент либо далеко, либо прямо из-под ног. Он то оказывается весь на виду, то сразу же шмыгает за какой-нибудь куст, и стрелять по нему придется чуть ли не моментально. Именно постоянное ожидание и нестандартность возникающих ситуаций и держит нас на этой охоте в постоянном напряжении. Для охоты с подхода наиболее благоприятны дни, так называемого, легкого подъема, т. е. с погодой, в которую зайцы охотно покидают свои убежища, а не вылеживаются в них до последней возможности, до минуты, когда охотник вот-вот чуть ли не наступает на них сапогом. Последнее обычно наблюдается при сырой, теплой и ветреной погоде. Тишина, солнышко и особенно легкий заморозок зайцев точно взбадривают и таят они много меньше, следовательно, и поднять их легче. Однако все это справедливо лишь там, где зверьки не напуганы постоянным преследованием охотников. Там же, где за ними много охотятся, они становятся настолько осторожны, что приблизиться к ним на выстрел удается только в ненастье.

Объектом охоты с подхода чаще всего является русак — постоянный обитатель более или менее открытых угодий, но на больших свежих вырубках, где молодая поросль еще не загустела, точно также можно пострелять и по беляку. При охоте с подхода сравнительно редко удается заприметить зайца на лежке, но бывают периоды, когда это становится вполне возможным. Капризы погоды время от времени играют с зайцами, и особенно с беляком, злую шутку. Заключается она в следующем. Осень была короткой. Уже в конце октября начал перепархивать снежок. Побелели поля, запорошило лесные поляны. Кажется, что уже наступила зима. Зайцы интенсивно линяют, меняя темную шерсть на белую и, наконец, "замаскировались". И вдруг теплеет, льет дождь, снег стаивает, а беляки остаются белыми. На почерневшей земле, среди мокрых полегших трав и оголенных кустов их видно издали. Правда, некоторые хитрецы устраиваются на лежку возле березовых пней, полениц, опять-таки, березовых дров и у других белых предметов (включая затерянный в лесу парусиновый башмак), но и это их мало спасает — заметить их все равно легко. То же самое случается и при затянувшемся бесснежки — беляки вылиняли, а снега нет. Тут-то и становится возможной другая не менее увлекательная охота — охота на узерку. Охотник идет по лесу или вырубкой, тщательно приглядываясь к окружающему. Все, что белеет на земле, может оказаться зайцем, но, может быть, и костью, кочком бумаги, обрывком березовой коры, да и мало ли еще чем. Разглядеть, особенно где-нибудь в кустах, трудно. Подойти и проверить опасно — беляк может моментально юркнуть в чащу и поминай как звали. Заяц или не заяц? Стрелять или не стрелять?

Какая радость увидеть, как над таинственным беловатым пятном вдруг поднимутся и снова опустятся заячье ушки и мучительные сомнения будут рассеяны. И, наоборот, какое разочарование, когда по-

рыв ветра выявит, потащит по траве комок измятой газеты, в которую мы уже почти готовы были влепить заряд. Но всего этого мало. Даже, если сомнений нет, и охотник уверен, что видит именно зайца, — дело еще не кончено. В описываемых условиях заметить или, как говорят, "подозрить" лежащего беляка удается на довольно большом расстоянии. Опасения, что заяц поднимется и как-нибудь уйдет без выстрела,держивают от попытки подойти к нему на близкую меру. Отсюда дальние выстрелы и частые промахи. Зверек на лежке лежит, как бы немного углубившись в поверхность почвы, в ямке, канавке, между кочек. Его зачастую заслоняют ветви и травы, что все вместе в какой-то степени защищает его от удара дроби. В общем "пропуделять" по беляку при охоте на узерку — дело обычное. Охотиться можно практически в любую погоду, т. к. зайцы, видимо, чувствуя свою приметность, лежат плотно даже в морозные дни. Но особенно привлекательны для охотника часы, когда после сильного дождя с отяжелевших от влаги ветвей тяжело и звонко падают капли воды. Зайцы терпеть не могут капели и поэтому покидают излюбленные чащи, выбираясь на опушки, поляны и примыкающие к лесу поля. Здесь, на открытом месте, они и ложатся, что очень облегчает их поиск и стрельбу по ним.

Перелинявшего в зимний наряд русака, даже и при отсутствии снега, высмотреть, конечно, труднее, т. к. он не становится белым, а лишь слегка светлеет. Охота на узерку не продолжительна. Иногда она возможна всего в течении 2—3 дней, но эта кратковременность только прибавляет ей прелести. Выпавший снег кладет ей конец, но и открывает для нее новую возможность — заняться троплением.

Этот способ охоты сводится к тому, чтобы, найдя свежий след зайца — "малик", проследить по нему косого до лежки, поднять его и попытаться сразить выстрелом. Как и при охоте с подхода, нужны более

или менее открытые угодья и достаточная выносливость. Однако необходимо и еще одно условие — умение охотника разбираться во всех хитросплетениях заячих следов. Что касается численности зверьков, то она может быть и не очень высокой. Каждый заяц в течении ночи набегает много и отыскать его след, конечно, проще, чем обнаружить самого зверька.

Тропить стоит только свежий, т. е. утренний, в крайнем случае, ночной след, оставленный зайцем, когда он, покинув логово, отправляется на ночную жировку. Чтобы отличить такой след от более старых и проследить его до места лежки, среди массы других заячих следов, нужно очень большое мастерство, да и его иногда оказывается недостаточно. Поэтому тропление обычно проводится после пороши либо после того, как сильная поземка занесет старые следы. Если снегопад или поземка кончились вечером, то обнаруженные на следующий день малики будут очень длинными. Весь путь, пройденный зайцем с вечера и до утра, будет выглядеть одинаково свежим. Попав на его начало, приходится пройти не один километр до места, где заяц устроился на дневку. Если же снег шел и ночью, то чем позже он прекратился, тем короче окажутся наследы зайцев, т. к. видны будут только те следы, которые остались после окончания снегопада. Бывают "мертвые пороши", при которых летевший до утра снег полностью закрывает все следы ночных заячих похождений. Здесь, уж если удалосьнаткнуться на следок, значит, и заяц где-то тут же, рядом. Итак, выпала пороша. Охотник выходит из дома и направляется туда, где скорее всего можно найти заячий следы (окрайки озимых полей, бывшие огороды, посадки фруктовых деревьев). Когда же след найден — начинается интереснейший и волнующий процесс тропления. Заяц постоянно, а особенно направляясь на лежку, пускается на всевозможные хитрости, лишь бы запутать след. То, дойдя

до какого - то места, он поворачивает и своим же ходом бежит обратно, чтобы потом громадным прыжком "скинуться" в сторону, да еще так, чтобы прыжок пришелся за куст, в кочки, густую заросль, словом, туда, где место приземления будет скрыто. То он не раз выходит на езженную дорогу, идет по ней и потом скидывается, прячет следы там, где снег сдути ветром, покрыт настом и т. д. Разобраться во всех этих уловках не так - то просто и особенно, если, преследуя зверька, мы затоптали его следы. Поэтому идти нужно всегда несколько в стороне от малика и при этом зорко посматривать по сторонам, т. к. тот, кто не отрывается взгляда от отпечатков заячьих лапок, почти всегда прозевает самого зайца. Последний очень часто, сделав петлю, возвращается туда, где он прошел раньше и устраивается на лежку поблизости от своего следа. Охотник видит далеко уходящую вперед линию следа и уверен, что до лежки еще далеко, а заяц - то уже рядом, наблюдает за своим преследователем и, пропустив его, удерет не замеченным. Так что любое местечко вблизи малика, подходящее для заячьего укрытия, должно являться объектом неусыпного внимания. Дойдя до места заячьей жировки, где следы переплетаются и перекрециваются самым причудливым образом, нет ни малейшего смысла разбирать и выхаживать все эти наброды. Гораздо разумнее просто обойти жировку по кругу, найти выходной след и уже по нему продолжать преследование. Это значительно сократит время поиска.

Но вот путаница жировки позади. Малик пошел более или менее прямолинейно и, наконец, на нем видна первая попытка зверька запутать след - "двойка", "тройка" или просто скидка в сторону от первоначальной линии хода. Иногда после первого же такого ухищрения заяц тут же и ложится, но чаще он повторит свои каверзы многократно. Как только они начались, следует остановиться и оглядеться - куда идет след, нет ли вблизи чего - то такого, что могло бы привлечь, отыскивающего убежи-

ще косого. Только сделав это, можно продолжать тропление, не спеша и очень внимательно. Заяц может подняться в любой момент и даже не там, куда казалось бы ведут его следы. Русака, и тем более беляка, редко удается увидеть на лежке, обычно замечаешь их уже после того, как они пустились наутек. Как и всегда, в теплую, мягкую погоду, да еще при ветре, зайцы подпускают близко, в мороз — встают далеко. Там, где охотников мало, ушедший без выстрела и даже неудачно стрелянный заяц, довольно скоро опять ложится. Дав ему облежаться, можно его стропить и подойти на выстрел. Там же, где охотников много, испуганный зверек ложится не скоро и редко дает к себе подойти повторно. Помимо всего прочего, охота троплением интересна тем, что именно при ней мы узнаем о зайце очень многое. Снежная пелена четко фиксирует и выдает нашему глазу многие особенности его поведения, походок и привычек. Поэтому те из нас, кто много занимался троплением, и без снега потом много легче находят затаившихся зайцев или выбирают наиболее надежный лаз при охоте из-под гончих.

В лунные ночи, поздней осенью и зимой можно охотиться на зайцев и из засидки. Необходимым условием для этой охоты является знание мест, куда зайцы в достаточном количестве и более или менее регулярно приходят кормиться. Зверьки часто концентрируются на относительно небольших по площади участках озимей, полей с остатками сельхозкультур или садов. Зимой снег здесь бывает буквально испещрен их следами и покопками. Даже по чернотропу на рыхлой, влажной земле отпечатки их лап встречаются постоянно. Они могут приходить к скирдам, стогам или сенным сараям, словом туда, где в изобилии имеются привлекающие их корма.

Здесь-то, выбрав место удобнее для длительного сидения и для возможной стрельбы, с вечера и можно устроиться. Нужно только, чтобы ночь была лун-

ной и светлой, иначе подошедшего зайца не уви-дишь и в пяти шагах, а если и рассмотришь, так того и гляди промажешь. Охота редко бывает до-бычливой, т. к. нужно, чтобы заяц не только пришел на то поле, где мы его караулим, но и подбежал на расстояние, допускающее верный выстрел. Да и по-пасть в него тут не так - то просто. В неверном лун-ном свете не только деревья и кусты, но и всевоз-можные неровности почвы бросают самые фантас-тические тени. Заяц рисуется то темным силуэтом, то выглядит каким - то странно - белесым. Опреде-лить расстояние до него трудно, мушки ружья по-чи не видно. Все это создает условия, порождаю-щие, зачастую, самые невообразимые промахи. И все же охота из засидки очень интересна и своеоб-разна. Сама обстановка, в которой она проходит, носит прямо - таки сказочный характер. Зайца обыч-но раньше услышишь, чем увидишь, особенно если трава и листья, покрывающие землю, сухи, подмер-зли или снег прихвачен настом. В зависимости от освещения зверек кажется то неправдоподобно большим, то, наоборот, маленьким. Прежде, чем он подойдет на выстрел, иногда проходит много вре-мени и появляется возможность длительного наблю-дения за ним, а с нею и неизбежное волнение, азарт ожидания и сладость надежды.

Необходимо подчеркнуть, что здесь охотник дол-жен соблюдать полную, абсолютную тишину. Заяц великолепно слышит и ни за что не пойдет туда, откуда, пусть хоть изредка, но доносятся какие - то подозрительные звуки.

Зайцы не крепки на рану и все же иногда спо-собны уносить в себе дробь на довольно значитель-ное расстояние, если она не положила их сразу на месте. Следовательно, при наличии снега, стреля-ного зверька обязательно какое - то расстояние нуж-но проторить и посмотреть: не появятся ли на сле-ду капельки крови. В этом случае подранка нужно попытаться взять во что бы то ни стало.

Глава 2. На копытных

Если продолжать описание охот в порядке, определяемом степенью их популярности, то за стрельбой должны идти охоты на копытных и прежде всего на лося и кабана. В последние десятилетия эти звери настолько размножились и так широко расселились, что, хотя добыча их носит лицензионный характер, преобладающее большинство охотников в охоте на них принимали участие. Самой массовой, популярной и распространенной охотой считается охота загоном, и не потому, что она наиболее интересна. Дело в том, что лицензию на отстрел лося, кабана, оленя или косули обычно выдают на группу охотников, на какой-то их коллектив. Таким образом, на участие в охоте претендует довольно большое количество человек. Загон же по сути дела является единственным способом коллективной охоты на копытных. Все остальные способы (во время "стона" лосей, рева оленей, скрадом, на солонцах и т. д.) многолюдства не терпят.

Сущность охоты загоном проста. В каком-то участке угодий, где анализом пересекающих границы этого участка следов, установлено пребывание там животных. Тогда с одной стороны участка расставляется цепь стрелков, с другой — цепь загонщиков. По сигналу руководителя охоты последние с шумом или молча проходят выбранный участок угодий, стараясь выгнать зверей на стрелковые номера. Эта схема остается неизменной вне зависимости от того, на какой вид копытных производится охота. Меняются только детали, определяющиеся повадками и особенностями поведения того или иного зверя. На этих-то деталях я и остановлюсь.

В отличие от большинства представителей нашей охотничьей фауны лоси не избегают постоянно осваиваемых человеком угодий. Наоборот, между интенсивностью ведения лесного хозяйства и их чис-

ленностю существует прямая зависимость. Чем большие площади спелых и приспевающих лесов вовлекаются в рубку, чем обширнее площади образовавшихся после этого и начинающих зарастать вырубок, чем настойчивее специалисты лесного хозяйства стремятся к ускорению процессов лесово-зобновления путем создания лесных культур, тем лосю лучше. Пытаясь зимой почти исключительно молодыми побегами деревьев и кустарников, он явно тяготеет к местам, где высокоствольные и малокор-мые для него леса превращаются сперва в площа-ди лесосек, заваленных вершинами и сучьями по-валенных деревьев и уже через 2–3 года зааста-ющие молодой порослью или лесными культурами. Здесь, на порубочных остатках, в чащах поднима-ющихся осинников, ивняков и сосновых посадок, он находит обильную пищу, здесь же проводит и большую часть времени. В отдельных районах за-ывивание бензопил и перестук топоров при лесопо-вале действуют на лосей, как приглашение к обеду, они являются и случается заставляют порубщиков потесниться. Все это при проведении лосиных охот имеет немаловажное значение. Прежде всего, ло-сей мы ищем там, где изобилуют заастающие вы-рубки, сосновые и осиновые молодняки и заросли ивняков. Обширные участки старого леса — бес-перспективны, и даже если в них есть лосиные сле-ды, то следы это проходные, оставленные живот-ными при их переходе из одного места жировки в другое. В тех участках леса или тех лесных кварта-лах, в которых мы обнаруживаем свежие жировоч-ные следы, поеди ветвей и погрызы коры, можно предположить и присутствие самих лосей, т. к. они очень часто остаются на дневной отдых там же, где кормились. Окончательно убедиться, что звери здесь, подсчитав количество входных и выходных следов на границах интересующего нас участка не всегда бывает не только легко, но и возможно. Сейчас, ме-стами численность лосей настолько велика, что

бесконечные переплетения их следов, сходящихся, расходящихся и перекрывающих друг друга попросту не "расшифровывается" — все истоптано и невозможно понять сколько их тут и куда проходили лоси. В таких случаях приходится полагаться на счастье и утешаться тем, что, в случае неудачи, можно будет прогнать и смежные участки угодий. Это вполне возможно, поскольку привыкшие к близости человека лоси не так пугливы и не покидают лежек, даже если и слышат в отдалении наше присутствие. Но вот допустим, внеся ясность в вопрос: тут ли лоси? мы решили провести загон. Возникает новая проблема: откуда и куда гнать и где ставить стрелков? С одной стороны, лось зверь "простой" и идет туда, куда его погонят (если, конечно, это не поле или не какие-нибудь иные, не свойственные ему угодья), но с другой — не так уж все просто. Несомненно лишь то, что гнать нужно по ветру, т. к., почувствовав стоящих на номерах стрелков, зверь на них не выйдет. Не следует вынуждать животных лезть и в очень густые насаждения. Лось не любит чащи, он даже избегает в ней кормиться и сплошные заросли обходят только с периферии. Уходя от опасности, придерживается мест с относительно хорошим обзором. Учитывать это следует особенно при выборе номеров для стрелков по квартальной просеке. Перед нами на высоту пояса заросшая осинником и березняком старая вырубка с сохранившимися кое-где участками недорубов и отдельными соснами, за спиной — редкостойный березняк, спускающийся к ивняковому болоту. Загонщики пошли заходить, а стрелки, каждый по своему разумению устроившись на доставшихся им номерах, ждут. Хотелось нам, очень хотелось "закрыть углы", т. е. поставить по одному стрелку на перпендикулярных общей нашей линии и выходивших к ее концам просеках (именно здесь часто уходят из оклада крупные старые рогачи), но дело это опасное: нарушение прямолинейности стрелковой линии по технике безопасности не рекомендуется, и мы воздержались.

Сколько времени нужно человеку, чтобы не торопясь пройти по лесу километр? Сколько потратит на это расстояние потревоженный лось? Минут 20—30 — совсем недолго, но на номере они кажутся часами. Издали, наконец, начинает доноситься перекличка загонщиков. Выскочил на просеку заяц, посидел, поводил ушами и неспешно поскакал дальше. Высоко пролетела парочка тетеревов, поманила воспоминаниями об осенней охоте и тоже скрылась. Лосей нет и теперь уже наверное не будет — голоса загонщиков уже близко. И тут кто-то в загоне истошным голосом вопит:

— Береги! На вас пошли, на вас! Береги!

Почти одновременно левее нас грохают один и сразу другой выстрел. Через минуту оттуда доносится громкое "дошел" и это значит, что зверь взят, лицензия использована и охоте конец. Разряжаем ружье и с мыслями о том, что вот и опять мы простояли без выстрела, идем туда, где должна разыграться завершающая сцена нашего сегодняшнего выезда: разделка и вытаскивание громадного, темно-бурого зверя. Тут-то он на нас и отыграется, ибо, если лось крупный, снег глубокий и до дороги далеко, то с нас сойдет по десять потов прежде, чем мы дотащимся до базы и чая.

Каких-нибудь три десятка лет назад из охотников большинства областей нашей страны лишь отдельным счастливчикам приходилось принимать участие в охоте на европейского оленя. Прибалтика, запад Белоруссии и Украины, Крым и Кавказ — вот и все районы, где это было возможно. Но за ушедшее время многое изменилось. Олени были завезены в ряд охотничьих хозяйств и хотя не везде прижились успешно, но местами размножились настолько, что стали достаточно частыми объектами охоты. Теперь уже не единицы, а сотни охотников имеют реальную возможность украсить свой дом красивейшим трофеем охоты — рогами оленя.

Если в равнинных местах мы охотимся на оленя

или косулю, то практически в организации охоты ничего не меняется: те же поиски свежеобжитых животными угодий, попытки по следам определить их присутствие, расстановка стрелков и работа загонщиков. Единственно, что тут приходится дополнительно принимать во внимание, большую склонность оленей и косуль пользоваться в лесу определенными переходами, проходить изо дня в день одни и теми же местами. Обнаружить последние удается по обилию в них старых и свежих следов, а то и набитых троп. На них, по возможности, и следует размещать стрелков. Если же за этими самыми животными мы охотимся в горной местности или, когда охота здесь осуществляется на каких-либо представителей горной фауны (серна, муфлон, тэк и им подобные), то вступает в силу одно совершенно непреложное правило: всегда гнать зверя снизу вверх. Никакой самой густой цепью загонщиков нельзя заставить обитающих в горах копытных бежать от опасности вниз, они всегда побегут вверх по склону. Соответственно этому и намечается направление загона. Стрелкам тут особенно важно занять излюбленные переходы животных, тем более, что в условиях горной местности они выражены много четче, чем на равнине.

В большей степени склонность пользоваться при передвижениях совершенно определенными участками угодий присуща кабанам. Эти звери по манере своего поведения под гоном вообще заметно отличаются от других копытных. Во-первых, они крайне редко ложатся на дневной отдых там же, где кормились ночью. Во-вторых, удирая от опасности, они предпочитают идти самой густой чащей, молодым ельником, зарослями тростника, словом, крепью. В-третьих, кабанов очень трудно заставить идти в ту сторону, в которую они почему-либо следовать не желают. Они будут метаться перед загонщиками, затаиваться, выжидать и, в конце концов, прорвутся туда, куда им хочется.

Утро, в заснеженных вершинах деревьев попискивая перепархивает птичья мелочь. Около часа назад мы находились на поле, где разрытый, перемешанный с комьями земли снег был испещрен следами кормившихся здесь ночью кабанов. Звери высибирали из еще не промерзшего грунта остатки убранного осенью картофеля, а теперь ушли куда-то на дневку. Мы идем оставленной ими тропой, уводящей нас в глубину лесного массива. Мы не знаем сколько придется идти: два или десять километров, не знаем, где кабаны лягут, но пока продвигаемся без особых предосторожностей — впереди чистый, хорошо просматривающийся березняк, и в нем они не останавливаются.

Выходим на квартальную просеку. За ней сразу же стена заваленного кухтой молодого сосняка и в нее уходят ведущие нас следы. Все договорено заранее и мы расходимся: четверо — направо, четверо — налево, с двух сторон обходя квартал леса по просекам. Встречаемся там, где кабанья тропа пересекает одну из них и снова уходит в сосновую посадку. Обходим следующий квартал, потом еще один и вот, наконец, выхода нет — значит звери остались в окладе.

Тroe из нас, кому еще дома выпал жребий первыми идти в загон, остаются на месте, остальные спешат обратно на последнюю просеку, которую кабаны перешли. Нам надо полчаса, чтобы занять номера, потом начнется гон.

Кабан — зверь очень чутко реагирующий на то, как его гонят. Если загонщики идут тихо, без шума и крика, то он уходит от них не спеша и всегда в каком-то привлекающем его направлении (иногда даже навстречу приближающимся людям). Поэтому тихий загон удобен, когда твердо известны излюбленные ходы животных. Если же такого знания нет, выгоднее пускать загонку с шумом, даже стрельбой (холостыми зарядами), чтобы сразу напугать зверей, заставить их сломя голову броситься

от приближающейся опасности в сторону противоположную той, с которой опасность появилась. Иногда это удается, и стрелки в этом случае должны быть готовы к выстрелу по мчащимся со всех ног животным. Правда, здесь кабанов обычно слышно издали, т. к. они производят достаточно много шума, но стрельба по ним в чаще все равно нелегка. Тут незаменимую помощь оказывает картечь, что ложится в патроне 12 калибра в количестве 9 или 16 штук. Для кабана она вполне надежна, а попасть ею гораздо легче, чем пулей, которая при выстреле сквозь заросли не надежна. Что касается нарезного оружия, то его применение на описываемых охотах казалось мне всегда мало целесообразным — стрелять приходится близко и дальний полет пули лишь повышает возможность всяких непредвиденных случайностей.

Мой номер по жеребьевке второй, а жаль, что не третий (тот — на входной тропе), но и тут местечко неплохое: к заросшей ивняком болотине примыкает непролазная чаща елового подроста, и как раз на их границе проходит не такая уж старая кабанья тропка. Здесь вполне могут выйти, только вот густо до невозможности.

Я знаю, что на просеке стоять нельзя — она узкая и через нее зверь махнет так, что и ружья не успеешь вскинуть. А вот перед просекой он задержится, будет топтаться, высматривать и вынюхивать прежде чем перепрыгнуть. Тут-то его и нужно высмотреть. Делаю несколько шагов в глубину оклада (от просеки можно отойти не больше, чем на 3—4 метра, чтобы не нарушать прямолинейность стрелковой линии) и сразу же нахожу то, что нужно: от поваленной ели вперед расходятся прогалинки не прогалинки, а два узких просвета, позволяющих видеть шагов на двадцать. Разгребаю и утаптываю под ногами снег, заряжаю ружье и все: остается только ждать, да гадать.

Тихо, легкий мороз, которого на ходу мы и не

замечали, начинает пощипывать щеки. Хочется курить, но слишком велика опасность "одушить" зверя, т. к. кабан на это дело чуток. Вспоминаю, как во время одной из прошлых охот мы чуть ли не сплошной цепью загонщиков не могли заставить метавшихся перед нами кабанов выйти на стрелковую линию только потому, что стоявшие на ней охотники утром наводили на себя красоту: брились и опрыскивались какими-то благоуханиями. Так что с курением придется потерпеть. А вот и сигнал. Глухо сквозь стену заснеженного леса прогудел рог и это значит, что загонщики тронулись.

Идут минуты, как всегда на номере, томительно долгие, полные ожидания, надежд и неверия в возможную удачу. Загонщиков не слышно, т. к. был договор, гнать молча, поскольку несущиеся точно угорелые кабаны в этой гущине нам совершиенно ни к чему. Я так ничего и не услышал, пока внезапно на меня не пахнуло запахом свинарника, таким знакомым резким кабанным духом. Откуда? Точно отвечаю на этот немой вопрос спереди из чащи раздается громкое: фууух! По-прежнему, ничего не видно, но теперь то я знаю, что зверь рядом и поверх ружейной планки перебегаю глазами с одного сущего мне возможность выстрела просвета к другому. Вот слева что-то двинулось, закачалась ветка, посыпалась кухта и не вышел, а, словно, возник из зелено-белого сумрака темный, горбатый силуэт. В такой чаще пуля, задев мерзлую ветку, может сфальшивить, поэтому, прицелившись в шею за ухом, я стреляю картечью. Сразу же тишина точно взрывается треском, топотом, визгом, выстрелом слева, дуплетом справа и... все смолкло, только орет сзади всполошившаяся сойка, да где-то, как ни в чем не бывало, постукивает дятел.

До боли в глазах вглядываюсь туда, где только что был кабан, приседаю, поднимаюсь на цыпочки, переступаю с места на место и ничего не вижу. Нежели промазал? Вот будет позор на мою голову!

Ноги прямо - таки зудят от желания пройти эти двадцать шагов, но нельзя. Нужно ждать загонщиков и сигнала сходить с номеров. Проходит еще какое-то время и из глубины оклада начинает доноситься поскрипывание чьих-то приближающихся шагов. Потом знакомый хриплый бас произносит: "Ну один есть и то ладно. Эй! Кто стрелял-то?".

Я откликаюсь и, услышав сигнал рога, иду, но не на голос, а к целиком занимающему меня месту. В душе копошится тревожное сомнение: может тот зверь, которого нашли, вовсе и не мой, а кем-то еще стрелянный? Дохожу и сразу же чувствую облегчение и не только потому, что на снегу алеют брызги крови, но и потому, что след зверя уходит именно туда, откуда меня окликали. Лезу сквозь еловую заросль и вот он — здоровенный секач лежит в кромке болота, а возле него покуривает один из моих спутников. Он встречает меня традиционным "с полем" и мы, накинув веревочную петлю, так, чтобы она захватила кабанью морду позади клыков, тянем добычу к просеке. На ней царит оживление, все собирались около убитого подсвинка и о чем-то спорят. Оказывается еще один крупный кабан ушел раненым и дебатируется вопрос: обходить его или пробовать прямо тропить по следу, благо кровянит он здорово. Последнее мнение побеждает, и наши, жаждущие охоты, загонщики отправляются "добрать" подранка. Дело это не такое уж спокойное. Кабан, да еще крупный, да к тому же раненый, далеко не безобиден. Нередки случаи, когда он подпускает охотников вплотную и затем пробует свести с ним счеты. Там, где обзор ограничен считанными метрами, вовремя остановить бросившегося зверя может только молниеносный, верный выстрел. Он гораздо лучше удается не тому, на кого совершено нападение (встречного кабана трудно стрелять по наиболее убойному месту, т. е. по лопатке или в шею за ухом), а его напарнику, находящемуся сбоку. Помня об этом, преследователи подранка уходят один — по следу, двое — рядом с ним справа и

слева метрах в пяти. Мы остаемся, чтобы выпотрошить убитых кабанов и тащить их туда, куда может подойти машина. Занимаясь этим делом, мы все прислушиваемся: не раздастся ли выстрел и рассуждаем о том, что на охоте не столько опасен зверь, даже и раненый, сколько - всевозможные ошибки, допускаемые самими охотниками. Тема эта богата. т. к. из несчастных случаев, случающихся на обла-вах, один - два процента происходят в результате нападения зверя, остальные - результат вопиющих нарушений элементарных правил техники безопасности. В нашем случае все заканчивается благополучно - кабана дострелили.

К битому кабану следует приближаться с осторожностью и уж никак не с пустым или повешенным за спину ружьем, т. к. не редкость, что зверь вдруг встанет, попробует удрачить, а то и бросится. Если же кабан ранен и ушел, то нет ничего более неразумного, чем тут же кидаться его преследовать. Чувствуя близкую погоню, зверь даже с очень тяжелой раной может уйти далеко. Если же его на какое-то время оставить в покое, то он довольно быстро ложится, после чего часто уже не может подняться. Кроме того, как уже говорилось, кабан - это не заяц, при нужде он может постоять за себя; поэтому преследование подранка требует внимательности и спокойствия. Итак, бездумная торопливость в этом деле противопоказана, однако еще более недопустимым является вообще отказ от поисков раненого кабана. Оставлять такого зверя на произвол судьбы, обрекая его на мученья и бесполезную гибель, не только не по-охотничьи, но и просто мерзко. Мерзко и по отношению к изуродованному животному и по отношению к тем совершенно посторонним людям, которые могут случайно наtkнуться на раненого кабана и подвергнуться его нападению. Так что добрать стрелянного зверя совершенно необходимо, хотя бы это и грозило прекращением дальнейшей охоты, задержкой с воз-

вращением домой и тому подобными осложнениями. Преследование целеосообразно начинать минут через 30 после того, как кабан был ранен и, в зависимости от условий местности, проводить троплением или попытками повторного оклада. В последнем случае те, кто идет в загон, должны быть готовы к выстрелу. Очень помогает наличие идущей по кабану собаки — с ней дело значительно упрощается, поскольку ее лай позволяет охотнику сориентироваться и мешает зверю заметить приближение стрелка. В заключение следует сказать, что тем, кто думая о кабане, испытывает некоторую робость, кто не может заставить себя войти в чащу по кровавому следу крупного секача, — ходить на охоту за кабанами не нужно.

Охота троплением. Получить разрешение для индивидуальной охоты на копытных у нас сейчас не сложно, но в основном, могут достать те, кто, как раз к индивидуальной-то охоте никакой склонности и не питают. Им даже в голову не приходит, обладая именной (а не на коллектив) лицензией самим в одиночестве или с помощью егеря проторить лося, скрасть его в период осеннего стона или подойти к ревущему оленю. Единственное, что их еще может прельстить, это покараулить зверя с благоустроенной вышки там, куда он выходит кормиться (чаще всего у искусственной подкормки).

Обычно дело сводится к приглашению "на лицензию" близких знакомых и проведению обычной охоты загоном. Об этом можно только пожалеть, т. к. именно данный способ наименее интересен. По сути дела загон всегда остается загоном и увлекательен он, главным образом, для организатора охоты, для того, кто берет на себя ответственность за выбор оклада, направление гона и расстановку стрелков. Роль последних довольно пассивна — стой и жди выхода зверя, а коли это случится, — не промахнись. Степень волнения и переживаний (выйдет или не выйдет?) зависит здесь от того, на кого про-

шумим, окажемся у них под ветром, и они уйдут так и не показавшись, но может быть... Впереди заорала сойка, а нам как раз преградила путь полоса густейшей таволги. "Нужно ее обойти", — думаем мы и сворачиваем в сторону, но "благими намерениями вымощена дорога в ад" — не успеваем мы сделать и двух шагов, как сзади раздается громкий треск и, повернувшись, судорожно вскидывая ружье, мы лишь на мгновение видим, как скрывается за кустами бурый в светлых подпалинах лосиный зад. Ушел! Ушел зверь, лежавший совсем рядом, по которому, не перемудри мы, удалось бы стрелять. Обидно, но ведь не все еще потеряно, время только еще перевалило за полдень, впереди часа четыре охоты и не каждый же раз нас будет преследовать неудача.

В приемах тропления и скрадывания очень многое зависит от характера местности. Мы постоянно должны стремиться к тому, чтобы оставаясь сами как можно менее заметными, видеть окружающее как можно лучше. Не пересекать поляну, а обойти ее, прикрываясь опушкой; не идти гребнем какой-нибудь возвышенности, как говорят "косогором", — а двигаться вдоль склона недалеко от вершины и лишь периодически выглядывать из-за нее на противоположную сторону. Даже, если вытрапливаляемый нами лосиный след пересекает прогалину, и мы видим, что он скрывается в ее дальнем конце, — на чистое место лучше не выходить. Гораздо целесообразнее оставить след, обойти кромкой и выйти на следы там, где они опять углубляются в лес. Лоси часто ложатся у опушек, защищающих их от холодного ветра и отражающих тепло солнечных лучей. В самой чаще они на отдыхе не устраиваются никогда, а вот возле нее, за ветром и на пригреве полежать любят. Все это нужно учитывать, потому, что дойдя следом до жировки, мы уже не можем тропить и вынуждены переходить к слепому скрадыванию, при котором о местонахождении зверя

ничего не знаем. Тут-то знание его повадок и пристрастий может сослужить нам службу.

Привязанность к опушкам, полянам и прогалинам, обеспечивающим зверю хороший обзор, типична не только для лося. Ее проявляют практически все представители лесных копытных за исключением кабана, который в преобладающем большинстве случаев ложится в самой непролазной крепи, где тихо к нему не подойдешь, а и подойдешь, так зверя не увидишь.

Тропить кабанов до мест их дневного пристанища приходится иногда долго. Это связано с тем, что далеко не везде в непосредственной близости к полям, где зимой большинство этих животных корчится на остатках тех или иных сельхозкультур, имеются места удобные для дневки. Такими чаще всего бывают густые молодняки хвойных пород, старые ельники с густым подростом и подлеском, а так же болота с зарослями ивняков и тростника. Любят кабаны ложиться и в лесу, изобилующем муравейниками, в которых звери устраивают очень охотно, причем чаще всего тут можно встретить старых одиночных самцов. Если, где-то недалеко от места жировки и в достаточном уединении, имеются скирды соломы, кабаны и их могут использовать для дневки. На все такие участки при вытрапливании животных надлежит обращать самое пристальное внимание и обходить их вокруг, чтобы выяснить: не задержались ли тут звери, которых мы преследуем. Все это, хотя зачастую и весьма трудоемко, но все же возможно по снегу. По чернотропу же охотиться на кабанов трудно, и помочь здесь может только знание егерем или организатором охоты участков, где звери часто остаются на день. Там, где кабанов зимой подкармливают, они редко уходят особенно далеко от подкормочных площадок, а места их дневки более или менее постоянны. Представленные самим себе, звери ходят гораздо шире и чаще переходят из одного района в другой.

Поэтому дневное тропление кабанов – дело мало перспективное. Поэтому поговорим о их ночном скрадывании.

Осуществляется оно в сумерках, а то и ночью и зачастую начинается с подкарауливания зверей в местах их выхода на жировку. Отыскать поле, бахчу или иное место, куда кабаны приходят кормиться, необходимо днем. Обнаружив его, следует внимательно ознакомиться с конфигурацией и характером окружающих угодий, с наличием и расположением имеющихся здесь дорог, тропинок, а, самое главное, установить, откуда кабаны сюда приходят. Обычно это какой-нибудь угол леса или выдающийся в поле мыс густой растительности, до которого доходит кабанья тропа, и от которого расходятся уже одиночные наброды животных. Если мы собираемся сначала попытаться их покараулить, нужно сразу же присмотреть место для будущего укрытия, обязательно сообразуясь при этом с направлением ветра и возможностью стрелять в сторону открытого пространства, а не по направлению к опушке. У кабанов великолепное обоняние, и если только запах охотника донесется до них, они в данном месте из-под прикрытия не выйдут. Рассмотреть же кабанов ночью на фоне леса или кустов – задача практически не выполнимая. Устраиваться в засаде нужно примерно за час до захода солнца, а дальше – остается только ждать. Медленно тянеться время, как бы нехотя сгущаются сумерки, стихают дневные звуки, и вдруг в уже совершенно темной чаще мы начинаем улавливать какие-то неясные шорохи. Что-то треснуло, кто-то завозился и, наконец, разрешая все сомнения, "отдулся" – точно тяжело вздохнул – долгожданный зверь. Пройдут бесконечные минуты и от черной тени опушки отделятся силуэт кабана.

Тот, кого не прельщает пассивное сидение в засаде, может охотиться скрадом. С наступлением темноты кабаны в значительной мере теряют осто-

рожность, а, кроме того, добывая и пожирая пищу, они производят порядочно шума, видимо, в какой-то мере заглушающие доносящиеся к ним со стороны звуки. Пользуясь этим и соблюдая некоторые правила, к жиющему кабану можно подойти очень близко. Для этого нужно: увидеть или услышать зверя раньше, чем он обнаружит наше присутствие, подходить к нему обязательно против ветра и делать это только тогда, когда он ест (слышно чавканье — можно идти, смолкло — нужно замереть). Выходить раньше наступления сумерек нет нужды и продвигаться следует преимущественно опушками, под защитой кустов и иных прикрытий, временами останавливаясь, чтобы осмотреть открывшийся глазам участок поля и вслушаться: не раздается ли откуда-нибудь кабанья возня и чавканье. Заметив или услышав зверя, нужно начинать подход. Стремлять в темноте трудно и многие любители ночного скрадывания и подкарауливания прибегают к различным ухищрениям (мажут мушку ружья светящимся составом, наклеивают на планку перед мушкой полоску белой бумаги и т. д.), возможно, что все это и помогает.

Кроме загона, тропления и скрадывания на копытных существует еще несколько способов охоты, но лишь три из них (охота с лайкой и охота "на стон" и "на рев") пусть и редко, а все же применяются охотниками-спортсменами.

Охота с лайкой часто используется промысловиками. Для охоты с лайкой нужна собака, притравленная по лосю, предпочитающая его всем остальным зверям или птицам и готовая с невимоверным упорством преследовать именно его. Я как-то был на промысле с бригадой охотников. У каждого из них была лайка, с которой ежедневно уходили белковать. Но кроме того, возле избушки были привязаны два черезвычайно апатичных и каких-то сонных пса. Они с утра до вечера и с вечера до утра меланхолически полеживали в своих гнез-

дах. В тайгу их никто не брал, да они к этому, видимо, не очень и стремились, совершенно равнодушно провожая сонными глазами своих сотоварищей, отправлявшихся на работу. На мой вопрос: "зачем они тут сидят?" — мне было сказано, что это "лосятники", а не берут их в лес, потому, что никто из охотников пока не встретил ни одного лосиного следа. Я не очень-то поверил в таланты этих безразличных ко всему меланхоликов и ошибся. Когда мы уже выходили из тайги, нам попались старые, уже порядком припорощенные снегом следы нескольких лосей. Они, наверное, уже совсем не пахли, однако их вид буквально сотворил чудо — "лосятники" преобразились. Всегда вяло распущенные уши встали торчком, уныло свисавшие хвосты закрутились кренделем, собаки повизгивая рвались с поводков, тычась носами в заснеженные ямки следов. Их отпустили и они на полных махах бросились разбираться в том, в какую сторону прошли лоси. Как уж они это определили я не знаю, но определив, молча умчались и скрылись с глаз. Двое охотников сняли свои котомки, передали их товарищам и, захватив лишь ружья и самое необходимое для ночлега, отправились следом за собаками. Кто-то из оставшихся сказал:

— Ну, доведется ребятам побегать, гляди-ко, ночи две у теплины посидеть придется. Больно уж старый след взяли.

Но никто не выразил ни малейшего сомнения в том, что это бегание и ночевки у костра кончатся добычей зверя. Через трое суток лосятники появились в деревне, взяли лошадей и поехали за двумя убитыми лосями. Говорили, что от того места, где мы встретили следы, звери ушли километров на сорок. Вот так могут работать притравленные по лосю лайки.

Саму манеру этой работы мне тоже доводилось наблюдать: Помню, как я сидел однажды на склоне речной долинки, где в низкорослых пойменных за-

рослях кустарниковой березы жировал здоровенный лось. До него было метров 300, так что со своим гладкоствольным ружьем я пока был для зверя совершенно безопасен. Подойти к нему было невозможно и оставалось надеяться только на лайку, которая, как на зло, куда-то запропастилась. Наконец, я ее увидел. Она молча, скоком шла по пойме, видимо, следом лося и, не добежав до него с сотню метров, села и тявкнула. Бык встрепенулся, поднял голову и замер. Через несколько минут, убедившись в ничтожности потревожившей его твари, он снова потянулся к веткам. Собака опять гавкнула. Так повторялось несколько раз, причем, лайка все больше и больше сокращала разделявшее их расстояние и все чаще давала голос. Наконец, лосю это надоело и он решил удалиться, но не тут-то было — черно-белая зануда тут же забежала ему навстречу и куда бы он ни поворачивал оказывалась перед ним и гадела, гадела не переставая. Бык несколько раз кидался на нее чуть ли не горизонтально выбрасывая передние ноги, но она увертывалась. Так, кружась и поворачиваясь, они медленно смещались, увы, в сторону противоположного склона и, в конце концов, скрылись в лесу. Теперь можно было вступать в дело и мне.

Подходить к обляянному лосю приходится осторожно и обязательно против ветра, потому, что если его подшуметь или "одушить", — он пустится в бег и кто его знает, когда остановится. Силой, т. е. кусая зверя, лайка остановить его не может — для нее это слишком опасно. Стрелять лося следует по лопатке или шее, а если его удалось только ранить, то приближаться к нему следует с осторожностью, т. к., хотя и не часто, лось может броситься на человека и ничего приятного в этом нет. Охотники-промысловики часто прибегают к очень жестокому приему, т. е. стреляют лося по животу, с тем, чтобы раненый зверь спустился к воде (к чему его понуждает полученная рана), где его можно было бы до-

бить и мясо без хлопот сплавить по воде до какого-либо удобного для вывозки места. При наличии лай-ки опасности потерять подранка нет, а вытаскивать мясо по таежному бездорожью дело нелегкое. Лось, даже раненый, редко проявляет агрессивность, но уж если нападает, то шутить с ним не приходится. Одним - единственным ударом передней ноги он может искалечить, а то и убить охотника. Такие нападения имеют место обычно во время "стона", т. е. брачного сезона лосей, когда возбужденные поисками и охраной самок от соперников быки злобы.

С лайками охотятся не только на лося, их пускают за оленями, косулями и некоторыми другими видами копытных, которых собака или останавливает, как лося, или загоняет куда-то (в воду, на скальный карниз и т. д.), где животные рассчитывают от нее спастись. Что же касается кабанов, то охота на них из-под собак (в том числе и лаек) с подхода, пожалуй, одна из самых интересных. Если ее участники не теряют даже в минуты крайнего возбуждения ни спокойствия духа, ни выдержки, а собаки хорошо держат зверя — она, наверное, и самая добывчивая. Сущность ее сводится в тому, что три или четыре охотника (большее количество уже не желательно) идут с собаками к местам предполагаемой дневки кабанов, спускают там псов с привязи и не спеша продвигаются по угодьям, ожидая, когда те поднимут зверя. Вот взлаяла одна, к ней присоединились и заголосили остальные собаки, слышатся треск, визг, рычанье и кабанье рюханье. В зависимости от обстоятельств, действовать тут приходится по-разному. Когда звуки собачье-кабаньей свары не меняют места — охотники просто поспешают "на драку", если же зверь не остановлен и весь доносящийся до нас концерт меняет место — кто-то пускается вдогонку, кто-то — на перехват. Иными словами, охотники разбегаются и теряют друг друга из вида. Однако, расставшись, каждый из них знает, помнит, не смеет ни на минуту забыть о том, что

где-то рядом находятся его товарищи. Соответственно, подходить к зверю нужно близко, видеть его совершенно ясно и стрелять стоя, а не с колена, чтобы в случае промаха заряд ушел в землю, а не проносся над нею куда-то, где может оказаться один из напарников. Кроме того, выстрел накоротке, даже и картечью, более безопасен для вертящихся вокруг зверя собак, за местонахождением которых следить нужно очень внимательно. Часто крупные и злобные собаки буквально висят на кабане, окававшемся им под силу и стрелять в него не дают. В этих случаях приходится докалывать зверя ножом. Занятие это неприятное, но оно все же лучше, чем ухлопать собственную помощницу. Для описываемой охоты в одинаковой степени пригодны и лайки, и гончие, и беспородные дворняги, лишь бы они были притравлены по кабану. По чернотропу и мелкому снегу, кабана хорошо держат фокстерьеры.

Существуют охоты, где сила эмоциональных восприятий многократно возрастает из-за прелести либо необычности обстановки, в которой они проводятся. Из таких охот на одном из первых мест стоит охота на лося и оленя в время рева.

Гон лосей обычно начинается с последней декады августа и длится до середины сентября. В зависимости от географического положения места и условий погоды сроки эти могут смещаться. В это время самцы широко ходят по угодьям, издавая характерные звуки, напоминающие негромкие стоны. Последние больше всего похожи на звук "ую": у молодых быков он более высокий, у старых — низкий. Когда в какой-нибудь отдаленной чаще стонут сразу несколько лосей, их голоса похожи на кваканье лягушек. Кроме этих квакающих любовных призывов рассерженные самцы иногда издают громкий и злобный рев. Самки и самцы перекликаются фырканьем.

Излюбленными местами лосиного стона служат

окраин осоковых и сфагновых болот, заросшие ивняком и молодой порослью, заболоченные чащи и вообще участки угодий, глухие и плохо проходимые. Здесь они чаще всего держатся в период спаривания, здесь их и следует искать охотнику. Наиболее активны лоси с рассвета и до 7—8 часов утра особенно в ясную, холодную погоду. Стонут они и вечером перед заходом солнца, иногда до полуночи. Следы пребывания животных в это время хорошо заметны. Разгоряченные страстью быки часто ломают молодые деревья, скручивают рогами, а то и вырывают с корнем отдельные кусты, вытаптывают в болотной почве целые круговины, на которых часто мочатся, оставляя резкий специфический запах. Все эти признаки помогают выявить районы пребывания животных, но саму охоту никак не облегчают. Подойти к стонущему лосю на расстояние выстрела почти невозможно. Звери ведут себя слишком осторожно и держатся в таких непролазных крепях, что увидеть их издали почти никогда не удается. Охота сводится к тому, чтобы приблизившись к стонущему лосю на несколько сотен метров и подражая голосу самца, выманить зверя к себе. Наиболее охотно идут на подманивание крупные, сильные холостые лоси. Они не боятся мнимого соперника и рассчитывают отбить у него самку, если она у него имеется. Гораздо осторожнее молодые, не уверенные в своей силе быки. Лоси, уже обзаведшиеся, парой, на манку, идут хуже и только если к ним удается подойти относительно близко. Тогда, желая отогнать соперника, сильные быки выходят ему на встречу, а неуверенные в себе смолкают и пробуют отогнать свою подругу подальше и вместе с ней уйти.

Возможно, что из-за какого-то сумрачного одинообразия всех этих заболоченных чащ, где белая пелена утренних испарений ограничивает и без того плохую видимость, где обзору постоянно что-то мешает и каждая новая заросль, куст или прогалина выглядят как повторение только что пройденных, в

обстановке охоты есть нечто нереальное. Трудно бывает поверить, что здесь в этом жалком мелколесье, порою в непосредственной близости от населенных пунктов, вершат свою любовь крупнейшие представители наших копытных. Да и голоса лосей, если не считать редкого яростного рева, также мало соответствуют их размерам и поистине до потопному облику, как странная тихая песня глухаря размерам и внешности самого певца. Имитировать стон лося несложно, а вот освоить приемы подманивания — труднее. Манить (вабить) всегда нужно не грубым, а более высоким тоном, подражая голосу молодого лося. На него охотнее идут и полные сил, и не очень уверенные в себе быки, видимо считая, что имеют дело не с очень серьезным конкурентом. Никогда не следует вабить на ходу — звуки собственных шагов мешают услышать ответный стон лося. Следовательно, подавать голос нужно только остановившись. Услышав же ответ лося, нужно продолжать манить только ему "в голос", т. е. тогда, когда он сам застонет — это мешает зверю заметить ошибки возможные в наших имитациях. Необходимо: стремиться манить с подветренной стороны (а значит с нее и походить к местам лосиных притонов), занять при этом позицию, обеспечивающую хоть мало-мальский обзор, и соблюдать полную тишину. Единственно, чего нет основания избегать — это треска веток или ломающихся под ногой валежин, поскольку зверь и сам достаточно часто производит подобный шум, с осторожением ломая и корежа окружающие кусты.

В охоте может принимать участие один или два охотника с егерем или без него, если они владеют искусством подманивания. Но двум стрелкам надлежит неотлучно находиться друг с другом. Стоит им разделиться, и опасность задеть товарища пульей, посланной в лося, становится совершенно реальной. Только егерь, в определенных случаях, мо-

жет уходить от стрелка или стрелков, но всегда в сторону противоположную той, откуда приближается зверь. Делается это для того, чтобы создать у идущего на манку лося иллюзию, что соперник его опасается и уходит, и выманить таким образом зверя на стрелка.

Много общего с описанным способом имеет и охота на оленей в период их рева.

Когда в вечернем или предрассветном сумраке, а то и вообще в полном мраке сентябрьской ночи из темных лесных дебрей зазвучит вдруг грубый, рыкающий, до жалобы страстный рев оленя — ни один охотник не останется равнодушным. Проревет один бык, ему откликнется другой, а там и третий, и чудится, что вся наша цивилизация осталась где-то за уже пройденной гранью, что кругом все так, как было тысячи лет назад и дикие, вольные звери оглашают своими голосами первозданные чащи.

Тянет осенним холодом, стелятся над землей слоистые полосы тумана и вы, сдерживая дыхание, идете туда, откуда то и дело раздается такой волнующий, ни на что не похожий призыв рогатого краставца. Когда мы слышим глухариную песню или хорканье приближающегося вальдшнепа — полдела можно считать сделанным. Когда же мы шаг за шагом приближаемся к ревущему оленю — до удачи еще очень далеко. Слишком много в этой охоте случайностей, слишком много может нам помешать, даже в самую последнюю минуту. Замолчит зверь, и мы уже не знаем куда идти, т. к. он редко остается на месте. Сменился ветер, донес до ревуна наш запах и пиши пропало. Попались на пути ланка или молоденький бычок, затопотали, рявкнули напуганные встречей с человеком и конец скрадыванию, — выслушивай нового быка, начинай все с начала. А то и подойдешь, заметишь над кустами ветвистые рога, даже облачко белого пара, вылетающие из пасти зверя в момент рева, а он так и уйдет не показавшись. Потому-то еще и волнует так эта охота, что

из десятка оленей, после всех трудов скрадывания, подойдешь к пяти, а стрелять будешь по одному-двум. При этом стрелять здесь вовсе не значит убить. Охота на оленя во время рева (да и вообще скрадом) так волнует, что редко у какого охотника при виде зверя не затрясутся руки и глаза не затуманит азартом. Это состояние еще Сетон Томпсон метко назвал "оленей лихорадкой", и страдают им, особенно при первых встречах с оленем, очень многие. Кажется — вот он, в тридцати шагах, большой, ясно видный зверь! Как тут не попасть? Только бы успеть! Гремит выстрел. Затопотали копыта, донеслось отдаленное рявканье и все. Напрасно ползает охотник, отыскивая в траве "стрижку" и следы крови, здесь и дальше по следу — ни того, ни другого нет и в помине. Промах! А было так близко!

Гон оленей у нас обычно начинается в сентябре, раньше или позже в зависимости от места и условий погоды. Особенно активно быки ревут в холодные, тихие и ясные зори с заката и до полночи, а потом часов с четырех и до восхода. Места рева чаще всего приурочены к открытым участкам среди леса: полянам, вырубкам, вершинам возвышенностей, где животным обеспечен хороший обзор, но, сопровождая пасущихся самок, быки ревут и вне этих местобитаний. Почти, как правило, у каждого из них есть свои, излюбленные, постоянно посещаемые во время рева участки угодий, знание которых очень облегчает охоту. И все же главное — суметь подойти к оленю на расстояние верного выстрела. Первым условием, облегчающим указанную задачу, является использование подходящей одежды и обуви. Хотя по поговорке "удается и червяку на веку" можно иногда скрасть оленя и в громыхающем на всю округу брезентовом плаще или кожаной куртке, по которой каждая ветка хлопает как по барабану, но это случайность. Чтобы охота не превращалась в цепь непрерывных разочарований, нужна мягкая, предпочтительно суконная куртка, такие же брю-

ки, обязательно спущенные поверх голениц, если вы обуты в сапоги. Треснувшая под ногою сушина не так пугает зверя, как шорох и царапанье веток об одежду, т. е. звуки, которых ни один зверь не производит. Подходить к ревущему быку можно только против ветра или, в крайнем случае, при боковом ветре, т. к. обоняние у него весьма тонкое. Много огорчений доставляют попытки догнать оленя, который ревет на ходу, не задерживаясь долго на одном месте. За ним можно пройти не один километр, а кончится все тем, что зверь замолчит, т. к. время его активности истечет. Если позволяют место и ветер — лучше всего попробовать обогнать непоседу стороной и скрадывать его навстречу. В любом случае уже с расстояния 200—300 м нужно двигаться очень осторожно и преимущественно в минуты, когда бык ревет, ломает рогами кусты и вообще шумит. Чувствуя, что зверь уже близко, лучше остановиться и подождать — не выйдет ли он сам под выстрел. Наибольшую удачу сулит случай, когда удается услышать, что два быка, перекликаясь, начинают сходиться. Здесь уже время терять нельзя — следует попытаться забежать между ними, затаиться и ждать, чтобы один из соперников сам к вам пожаловал. Местами скрадывания оленя совмещают с его подманиванием. Имитировать рев оленя несложно, но дело в том, что редкий человек имеет для этого достаточно мощную глотку — рев у нас получается не достаточно громким. Чтобы усилить его, применяют различные резонаторы, чаще всего большую морскую раковину. Можно обойтись и стеклом от керосиновой лампы. Манить оленя можно лишь, когда он еще довольно далеко; т. к. с близкого расстояния он легко распознает фальшив. Вряд ли нужно говорить, что стрелять оленя следует только пулей, притом, если используется нарезное оружие, пулей достаточно крупного калибра. Наш карабин "Барс", например, для этого определенно не подходит. Олень — зверь необычайно крепкий на рану. Даже ра-

ненный в сердце, он способен пробежать порядочное расстояние, а с пробитыми легкими уйдет на несколько километров. Кроме того, у него очень быстро свертывается и перестает вытекать из раны кровь, что крайне осложняет тропление подранка. Самый надежный выстрел по лопатке и шее.

В период гона большинство крупных быков находятся с ланками, ревниво охраняя свои гаремы от бродящих тут же молодых, еще не окрепших самцов. Это всегда мешает скрадыванию, потому, что легко случайно испугать какую-нибудь самку или одного из "ассистентов", и сильно мешает стрельбе. Вот ценою многих усилий мы подобрались к прогалине, на которой в окружении оленей похоживает объект наших вожделений, а стрелять нельзя, т. к. то одна, то другая самка его заслоняет. В ожидании удобной для выстрела минуты томительно медленно идет время, а тут откуда ни возьмись рядом высунется из кустов какой-нибудь "шпилечник" и свидет на нет все наши труды. Если же звери находятся не на чистом месте, то тут и вообще в горячах можно пустить пулю совсем не в того, к кому так долго подбирался — стрелял вроде бы по быку, а убил запретную или ненужную ланку. Поэтому-то прежде, чем нажать на спуск, нужно быть абсолютно уверенным, что перед вами бык достойный выстрела, а коли такой уверенности нет, не нужно и стрелять.

Охота на реве — охота индивидуальная, в крайнем случае ее могут проводить двое (два охотника или охотник с егерем), но в этом случае они ни при каких обстоятельствах не должны расходиться, пробовать подойти к зверю с разных сторон, действовать нагоном и т. д. Это крайне опасно и всегда создает ситуацию для возникновения несчастного случая — ничего не стоит, стреляя по оленю, случайно попасть в скрадывающего этого же зверя товарища.

Убив оленя, нам приходится обычно отправлять —

ся куда - то за транспортом, чтобы вывезти зверя. И тут следует помнить о необходимости предварительно вскрыть оленю брюшную полость и освободить ее от кишечника. В противном случае за два - три часа вашу добычу раздует и мясо приобретет более чем неприятный запах.

Тот, кому выпадет счастье поохотиться на оленя во время рева, пережить все надежды и разочарования, всю непередаваемую красоту, азарт и увлекательность этого занятия, до конца своих дней запомнит эти сумерки осеннего леса, наполненные голосами перекликающихся оленей, долгие минуты скрадывания, каждую ошибку и каждую счастливую случайность на пути к вожделенному выстрелу.

Перечень охот на копытных был бы не полным без упоминания их отстрела с вышки у мест подкормки. Он используется в местностях, где звери зимой испытывают недостаток в естественных кормах и более или менее регулярно приходят к местам, где для них специально выкладывается подкормка. Здесь устраивается стрелковая вышка, на которой и устраивается охотник. Стреляют так чаще всего кабанов, реже — оленей и косуль. С истинной охотой указанное занятие, на мой взгляд, имеет очень мало общего. Исследовать и выбирать места не нужно, т. к. они уже выбраны, оснащены удобными лестницами, сиденьями, а то и мощными фарами. Звери придут и будут толочься в каких - нибудь 15—20 м так, что попасть в любого из них на выбор труда не составляет. Вся необходимая охотничья квалификация сводится к способности без болтовни, кашля и иных звуков, просидеть какое - то время, да умения попасть из ружья в близкую, крупную, неподвижную цель. Но о вкусах не спорят и во многих охотничьих хозяйствах стрельба с вышки на подкормке очень популярна. Ублажают ей преимущественно тех, в чьей благосклонности работники хозяйства почему - либо особенно заинтересованы.

Примерно за час до захода солнца к вышке, возле которой егеря именно в это время систематически подкармливали кабанов (или других животных), подвозят охотника. Он забирается на вышку, усаживается, заряжает ружье и оказывается готовым к охотничим подвигам. Егерь, нарочно погромыхивая ведром, рассыпает подкормку и уезжает. Животные, уже ждавшие "приглашения к столу", спешат начать пир.

Иногда (если с данной вышки уже стреляли) они какое-то время опасаются, не выходят на подкормку и с пыхтением и вздохами бродят вокруг под защитой леса. Но "голод — не тетка" и сперва кабанья мелкота, а за ней и более крупные особи начинают выбегать из-за деревьев и, схватив в пасть картофелину, вновь удирают. Постепенно они успокаиваются и безбоязненно начинают питаться. Крупные секачи обычно появляются последними и, приступая к трапезе, беспощадно разгоняют и поросят, и подсвинков. Дождется ли их охотник или обазартившись сразу выстрелом первого же попавшего на мушку кабаненка — это уже дело десятое. Качество трофея — одно из особенностей этой охоты.

Глава 3. Охота на волков

Протяжный, заунывный, тосклиwyй вой, долетающий до нас порой из предрассветных, затянутых осенними туманами, или заснеженных далей. Следы, похожие на собачьи, но гораздо более крупные, удлиненно сжатых лап, на которые мы иногда натыкаемся в лесу и в поле, а то и прямо за околицей населенного пункта. Трупы растерзанных, домашних и диких животных иногда сразу много трупов на взрытом, истоптанном, окрашенном кровью снегу.

Это волки — их голоса, их следы и их жертвы. Это те самые звери, с которыми на протяжении столетий люди вели беспощадную борьбу, которых в

ряде стран почти полностью истребили, которых ненавидят все сельские жители и фермеры, но берут под защиту обитатели больших городов.

На волчью погибель придумано многое: от допотопной петли до самого современного металлического капкана, от применения собак и ядов до использования снегоходов и вертолетов, с которых производится отстрел, все это, как и уничтожение выводков волков на логовах — методы истребления. Спортивная же охота осуществляется с помощью ружья. Правда, существует еще травля волков борзыми собаками и охота на них с беркутом. Но, если и сохранились сейчас борзы, если и есть беркуты, способные взять даже крупного волка, то их мало и охота с ними — удел избранных, единичных счастливцев. Способов спортивной ружейной охоты на волков имеется немного. Практически — это оклад, охота на приваде и стрельба из-под гончих. Для охоты окладом требуется найти участок угодий, в котором волк или волки остались на дневной отдых. Сделать это можно летом с помощью подслуха и подвышки, дающих возможность определить, где держится волчий выводок, к которому на день присоединяются старые звери и переярки, зимой — по следам ушедших на дневку хищников. И то, и другое отнюдь не просто и требует достаточно высокой охотничьей квалификации, если не подлинного искусства.

Лето. От местных жителей мы узнали, что в каком-то участке леса, в сумерках и на рассвете им не раз доводилось слышать вой взрослых, визг и взлаиванье молодых волков. Место, конечно, указывается не точно, противоречий тьма, но в общем, для начала поисков зацепка есть. И вот мы отправляемся так, чтобы перед закатом солнца быть в нужном районе. Пришли, устроились на старом остоожье среди поляны и ждем. Молчим, не курим, замерли в ожидании, всматриваясь в окружающую местность, напряженно вслушиваясь в царящую в

лесу тишину. С трех сторон нашу поляну обступил старый ельник. В нем уже сгостились сумерки и очертания стволов и ветвей не различины, только редкие березы прочерчивают своей белизной черноту общего фона. Слева и ельник и поляна полого опускаются к низине, где среди тростника растут ольхи и, судя по слышному иногда утиному кряканию, есть какая-то вода. За низиной примерно в километре — поле. По дороге сюда никаких признаков волчьего пребывания мы не заметили, ничего обнадеживающего не слышим, время идет и надежды тают. Остается последнее — попробовать подвыть и наш вабельщик подает голос. Он даже не успевает кончить, еще тянет последнюю до жути унылую ноту, а в ельнике у нас за спиной точно всплеснулся хор визгливых щенячьих подываний, раздался и смолк будто его и не было, растворился в безмолвии уже наступившей ночи. Но теперь и эта ночь и ее безмолвие наполнены для нас внутренним содержанием и предвкушением успеха, хотя хлопот впереди еще предостаточно. Следующий вечер мы опять проводим на подслухе, но на этот раз расходимся врозь, как бы окружая место, где忽然не отозвался выводок. Нам необходимо с трех разных точек точно определить участок его пребывания, без чего надежный оклад невозможен. Нам снова везет, не только волчата, но и кто-то из стариков на вабу ответили, и мы теперь знаем, что логово находится не в ельнике, а за ним в примыкающем к болоту, заросшем осинником горельнике. Площадь его 50 га и значит трех километров флагков нам вполне хватит.

Техника подготовки зимнего оклада совершенно иная. Это прежде всего испытание для ног, многочасовая утомительная ходьба. Мало того, что нужно вообще найти свежий волчий след, на что иногда уходит не один и не два дня, но и, обнаружив его, нужно его тропить, обходя по периферии каждое место, где зверь мог остаться на дневку, т. е. любой

достаточно густой участок леса или кустарников, любое заросшее болото, заросье бурьянов и т. д.

В сплошных лесных угодьях практически приходится обходить все лесные кварталы, через которые прошел зверь, т. к. в каждом из них он может лечь. Это значит, что на каждый километр волчьего хода, при квартальной сети 1x1 км, окладчику нужно пройти 4 км, а если окладчиков двое, то по 2 км на каждого. Хорошо, если имеется автомашинка или хотя бы лошадь, и дороги, по которым можно предварительно, вчерне обрезать след и выяснить, где нужно начинать тропление. Без такой рекогносировки можно тропить весь день, а до места так и не дойти. Но вот установлено, что в некий треугольник, образованный тремя перекрещающимися дорогами, волки вошли и из него не вышли. В покрытую кухтой зеленую чащу сосновых культур уходит пробитая ими тропа. Посадки разбиты просеками на километровые кварталы и это нам на руку — по просекам мы и будем пытаться обойти зверей. Двое налегке отправляются работать, остальные ждут.

Мы с напарником от входного следа расходимся по просеке вправо и влево, чтобы встретиться на другой стороне квартала или там, где волки из него выйдут. Я уже дошел до первого перекрестка, повернул, оставил сзади еще километр, а товарища все нет и это значит, что он поджидает меня у выходного следа и волков в первом квадрате нет. Еще раз поворачиваю и вижу впереди на просеке знакомую фигуру. Подхожу и компаньон молча показывает рукой под ноги, но я и сам уже вижу три цепочки пересекающих просеку следов. Почему-то звери тут разошлись довольно широко и это подозрительно. Молча, мы вновь расходимся. Я тороплюсь, как автомат повторяя про себя в такт шагам: "нет следа, нет следа, нет следа". А его и правда нет, снег действительно чист, ни заячьего малика, ни лосиных на бродов, только мышиные пробежки, как сдвоенные пунктиры пересекают мой путь. Посадки тут пошли

повыше и пореже, понизу они хорошо просматриваются и волки здесь, конечно, не лягут. Сколько кварталов еще придется обходить? Поворачиваю у очередного квартального столба и тут же замечаю в узком просвете просеки приближающегося человека. То, что он идет, говорит о том, что на его стороне выхода не было. Следовательно, если звери и покинули оклад, то сделали это где-то между нами, на разделяющем нас еще не пройденном участке.

Мы быстро сближаемся, наконец, сходимся и в одно слово спрашиваем: "Нет?" Итак, дело сделано, волки обойдены и нужно теперь поспешать туда, где, нас уже заждались промерзшие друзья-охотнички, а на белом снегу лежат катушки красных флагков. Обтягивать ими оклад побегут отдыхавшие, а мы до начала охоты передохнем.

Лет 25 или 30 назад волки, если их удавалось отлавливать, проводили в окладе по несколько суток. Висящие в полуметре над землей красные лоскуты, на которые они натыкались всюду, где бы ни пребывали выбираться на волю, внушали им такие опасения, недоверие и страх, что они не решались к ним приблизиться. Даже после начала загона и выстрелов они не сразу набирались духа, чтобы преодолеть страшную преграду. Теперь флаги далеко не так надежны. С каждым годом появлялось и появляется все больше зверей, не обращающих на них особого внимания и перепрыгивающих их или пролезающих под шнуром не только уходя от опасности, но и в ходе своих обыденных перемещений. Мы однажды уже в полной темноте зафлажили пару волков и охоту отложили до утра. Утром волчицу убили, а волк ушел. По следам было видно, что в течение ночи он трижды спокойно в разных местах оклада проходил под флаги, ждал свою подругу, но, т. к. она не решалась за ним последовать, возвращался к ней.

Возможно, что причина здесь в медленно, но не-

уклонно накапливающимся опыте (зверь раза два благополучно пересекший линию флагков перестает их бояться и его примеру следуют другие). Но, возможно, и иное — в процессе хозяйственного освоения и рекреационного использования природных комплексов, мы настолько переполнили их вещественными следами своего пребывания, что волки к ним привыкли. Ведь разбросанные в угодьях консервные банки, бутылки, тряпки, бумажки, порванные кеды и прочий хлам стали чуть ли не обязательным компонентом ландшафта. Помеченные цветными лоскутами трассы лыжных кроссов тянутся на многие километры и, будучи проложены, сохраняют свои метки на протяжении всей зимы. Не притерпись волки ко всему этому, и их жизнь превратилась бы в серию сплошных испугов. Все попытки усилить отпугивающее действие флагков приданием им какого-либо резкого запаха не приносят, да и вряд ли могут принести эффект — волки в обжитых человеком местах всего наюхались.

И все же, флагги остаются единственным, пусть и не всегда абсолютно надежным, средством задержать волков в каком-то определенном участке угодий и заставить их выйти туда, где ждут стрелки. Выставить волков под выстрелы просто силами загона, как это делается с лосями, кабанами или косулями, крайне трудно — они для этого слишком осторожны и чутки. В принципе, окружить место их дневного пребывания не флагами, а сплошной цепью загонщиков и кричан, т. е. организовать облаву, конечно, можно, но людей для этого требуется много, а там, где много людей — много и шума, и звери часто уходят из оклада еще до начала загона.

О том, что волков очень легко потревожить, нельзя забывать и при их оффлаживании. Его следует проводить быстро и по возможности бесшумно. Один человек тянет шнур, второй — закрепляет его на ветвях кустов, деревьев или специально воткнутых хворостинах так, чтобы он находился на 50—70 см

над уровнем земли или снега. При этом всякие разговоры, а тем более обсуждения "куда идти и где поворачивать" совершенно не допустимы. Флаги должны быть развешены так, чтобы со стороны оклада их было хорошо видно, хотя бы метров за 10, иначе быстро идущий волк может налететь на них с хода и тогда они его уже не задержат. Если флагов хватает, лучше затянуть оклад замкнутым кругом, если нет — открытой оставляется сторона, находящаяся от волков за ветром, где и будут стоять стрелки. При замкнутом окладе стрелки размещаются внутри его, но тоже с подветренной стороны. Когда позволяет направление ветра, очень целесообразно закрыть стрелками ту сторону оклада, с которой волки в него вошли, причем кто-то из охотников должен стать в непосредственной близости к входному следу, т. к. именно им потревоженные звери прежде всего пробуют уйти от опасности.

Итак, оклад завершен, затянут флагками, охотники заняли свои номера, пора начинать загон. При зимних охотах в большом количестве загонщиков нет никакой необходимости. Двоих-троих, а порой и одного опытного в этом деле человека вполне достаточно, чтобы потревожить волков и заставить их выйти под выстрелы. Крики и вообще большой шум при этом совершенно излишни — они могут только черезмерно переполошить зверей и заставить их преодолеть страх перед флагками. Загонщикам следует просто войти в оклад с противоположной от стрелков стороны и спокойно, неторопливо, иногда покашливая или постукивая по стволам деревьев, зигзагами начинать его прочесывать, отнюдь не приближаясь вплотную к стрелковой линии. А вот летом, когда в окладе вместе со старыми или без них сидят молодые склонные к затаиванию волчата, действовать приходится по-иному. Тут и загонщиков нужно побольше, и вести себя должны поактивнее. Иногда, в особенно крепких местах, приходится прибегать даже к помощи (но обязательно

взятой на поводок) собаки. Охота в таких условиях всегда требует больших затрат времени, т. к., во - первых, выгнать молодых на стрелков труднее, а во - вторых, мы никогда почти не знаем сколько же волчат в выводке и скольким из них незаметно удалось ускользнуть за флаги. Оклад приходится прогонять, проверять, обыскивать иногда по несколько раз. Прежде чем говорить о поведении и действиях стрелков, необходимо подчеркнуть ту громадную ответственность, которая ложится на них при проведении охоты на волков. Дело даже не в том, что для большинства из нас волк — редчайший и ценнейший трофей, или, что его уничтожение в ряде случаев необходимо, чтобы избавить сельских жителей либо работников охотничьих хозяйств от бесчинств серых разбойников. В организацию охоты, в многодневные поиски свежих следов, объезды, обходы и оффаживание вкладывается столько изнурительного коллективного труда, что охотник просто обязан обеспечить успешное завершение последнего, т. е. убить вышедшего на него зверя. Если же он мажет, стреляет не в меру, не по месту, на авось или ненадежными, мало убойными для волка патронами — прощения ему нет. Я знал опытных окладчиков, которые под молчаливое одобрение окружающих, — по отношению к виновному доходили до рукоприкладства. Дело усугубляется и тем, что стреляный, но не убитый волк, а иногда и его товарищи, гораздо чаще, чем не стреляный, прорываеться за флаги и "поминай его тогда как звали". Один неверный, торопливый, нелепый выстрел и все участники охоты лишаются трофеев, охотничьего престижа, благодарности местных жителей и денег за уничтожение хищников.

Вот почему стрелять здесь можно только при полной уверенности, что убьешь зверя. При малейших сомнениях (волк находится далековато, его закрывает растительность, он мелькает в чаще так, что надежды попасть в него мало) от выстрела не же-

латально, а совершенно необходимо воздержаться. В этом случае зверь может удобно выйти на другого стрелка, может сместиться и предоставить нам возможность положить его наверняка. Есть лишь одна ситуация, в которой обо всем этом нужно забыть и стрелять при малейшей надежде поразить волка, а именно, когда мы видим, что тот уже прорвался за флаги. Здесь уже, как говорится, терять нечего. Наиболее примечательной, с точки зрения безупречности поведения стрелков, из тех охот, в которых я принимал участие, была такая. В окладе находилась волчица один раз из-за неумеренного гвалта загонщиков уже уходившая через флаги. Учитывая это, в загон мы отправили только одного егеря, внушив ему, чтобы вел он себя тихо и на зверя никак не нажимал. Волчица последовательно выходила на семь номеров и во всех случаях — неудобно для верного выстрела (один из стрелков видел, как ее лапы в 15 шагах от него тихо переступают под пологом молодых елочек, но самого зверя рассмотреть толком не мог) и все семь стрелков пропустили ее без выстрела. На восьмом номере она была убита.

Собираясь на охоту, занимая стрелковый номер, следует проверить все: исправность оружия, качество и состояние патронов, удобство одежды и наличие всех мелочей, без которых тот или иной охотник не чувствует себя в полной готовности к полноценной стрельбе. Я однажды упустил раненого соседом волка потому, что собираясь на охоту забыл очки, сунув в карман лишь пустой футляр от них. Сильно кровянивший зверь мелким хворостяком прошел и пролез под флаги в каких-нибудь 30 шагах, а я его не заметил. К вечеру повалил снег и подранка мы так и потеряли.

Как-то мы больше недели пытались ограждить пару волков. Каждое утро мы отправлялись на поиски их следов, находили, пробовали обойти, но до вечера сделать этого не успевали. Точно на зло из ночи в ночь выпадал снег и с рассветом все прихо-

дилось начинать сначала и с тем же успехом. Мы совершенно измучились, злобствовали и вообще были не в себе. Наконец, на девятый или десятый день волков обошли, но в таком большом и нескладном по конфигурации урочище, что фланжков нам хватило только на три стороны оклада. Заняв четвертую сторону стрелками, — пустили загонщиков. Оба волка шагом вышли на полянку против одного из наших товарищей в 27 шагах от него. Он по ним откуплетил и звери ушли из оклада. Один из них сильно кровянил, но скакал бойко. Там, где в момент выстрелов находились волки, на снегу не было прочеков от картечи и создавалось впечатление, что вся она попала в цель. Правда, мы усмотрели какую-то одну, странного вида борозду, но внимания этому не придали. И вот вечером печально отличившийся стрелок вдруг обнаружил, что все его 8 картечных патронов целехоньки, а во втором патронаже, который он неведомо зачем с собой таскал и где у него были "щучьи" патроны (для стрельбы по нерестящимся весной щукам), снаряженные Бог знает какой дрянью, — двух не хватает. "Как этот растяпа перепутал?" — можно было только гадать, а вот чем он стрелял", — мы выяснили. Еще через 3 дня, огложив и убив раненного им волка, мы нашли у него в мышцах плеча на лопатке свинцовую пломбу от железнодорожного вагона! Вряд ли нужно говорить о том, что заняв номер, обтоптав снег под ногами, убрав перед собой все, что может помешать обзору и выстрелу (отнюдь не нарушая при этом естественную обстановку окружающего, т. е. не выламывая кусты, не оббивая с ветвей снег и т. д.), следует соблюдать полную тишину и неподвижность. Заметив приближающегося зверя, поднимать заблаговременно ружье можно только, когда он скрывается за кустом или стволом дерева и не может нас видеть. Если же он идет по чистому месту, — вскидывать ружье нужно только подпустив его на верный выстрел. До окончания загона, до мо-

мента, когда все бывшие в окладе волки или убиты или ушли, сходить с номера нельзя. Контроль за ходом и результатами охоты осуществляется, по договоренности, или ее руководитель, или кто-либо из загонщиков. После того, как на номерах были слышны выстрелы, этот человек обходит оклад обязательно по его внешней стороне, т. е. за флагами, проверяя по следам не вышли ли волки за флаги и выясняя у стрелков сколько волков убито. Сигнал к окончанию охоты дается только после того, как установлено, что зверей в окладе больше нет. Когда оказывается, что за флаги ушел раненый волк, — его ни в коем случае не нужно пробовать тропить по следу. Даже будучи очень тяжело ранен, но слыша преследование, зверь может уйти очень далеко и к себе так и не подпустит. Поэтому его, без всяких попыток тропления, нужно попытаться сразу же снова обойти, оффлажить и уже тогда, расставив стрелков, тропить.

Охота на волков окладом утомительна, требует большой ходьбы, наличия флагов и обязательно несколько участников. Поэтому она не всем посильна и не всегда может быть организована. В отличие от нее, охота из засидки на приваде никаких особых физических усилий не требует и может осуществляться одним охотником без чьей-либо помощи. Пока мы не ухитрились довести численность многих видов диких копытных прямо-таки до фантастических пределов, "серым помещикам" не так уж часто удавалось отведать свежинки и, задавив где-либо лося, оленя или домашнюю корову, они приходили к своей добыче до тех пор, пока всю ее не съедали. Охотно пожирали они и туши павших животных, когда к этому представлялась возможность. Охотники этим пользовались, ставя капканы, закладывая отраву или подкарауливая волков у еще не съеденных останков их жертв или у специально вывезенной в угодья падали. Сейчас волки практически не испытывают недостатка в пище.

Ничто не мешает им поживиться черезвычайно размножившимися лосями, кабанами или выпущенными в наши охотничьи хозяйства другими представителями копытных животных, которые из-за глубоко-снежья спастись от них не могут. В этих условиях возвращаться к недоеденной добыче, чтобы грызть закаменевшее на морозе мясо, они склонны далеко не всегда. Это, конечно, снижает эффективность всех способов добычи волков у привады, но тем не менее охоты эти еще практикуются и особенно там, где звери не без труда могут добывать себе пищу.

Ружейная охота на приваде и сама по себе и по необычности обстановки, в которой она проводится, черезвычайно своеобразна и увлекательна. Прежде всего мы имеем дело с волком - зверем умным, чутким и предельно осторожным. Мы не имеем ни малейшей возможности заставить его появиться и подставить себя под выстрел и вся надежда на то, что он придет сам. Кругом ночь, белое безмолвие снегов, смутные, неясные очертания предметов, обманчивые то возникающие, то исчезающие тени, неотвязное ощущение, что в этот заледеневший, прозрачный и такой родной для волка мир, ты не пришел как хозяин, а пробрался украдкой, что это время — не твое время.

Для того, чтобы охотиться на приваде, — прежде всего нужна привада, т. е. найденная или специально положенная нами туши достаточно крупного животного, к которой по ночам более или менее регулярно приходят пировать волки. При этом лежать она должна там, где можно устроить скрытую и мешающую распространению запаха засидку. Среди открытого поля городить какой-нибудь складок вообще бесполезно — к появлению любого не знакомого предмета волки относятся крайне подозрительно. В лесу можно попытаться устроить лабаз, т. е. помост на ветвях дерева. Но лучше всего, если привада находится неподалеку от деревенской оконицы у пустующих зимой сенных сараев и иных нежилых

построек. Здесь есть, где спрятаться, близкий постоянный запах человеческого жилья мешает волкам нас учуять, а истошный лай деревенских собак, почувствовавших серых гостей, предупреждает нас о подходе зверя. Кроме того, на приваду тут систематически бегают дворовые псы, которыми волки так любят лакомиться. Одно из лучших мест для охоты из засидки — скотомогильники, куда зачастую из года в год вывозят трупы павших домашних животных. Волки к этому привыкают и приходят сюда довольно часто. На скотомогильниках, если там нет подходящего для укрытия места, есть даже смысл построить специальную сидьбу (бревенчатый крытый бункер), из которого потом можно охотиться несколько лет.

Само собой понятно, что садиться в засаду нужно лишь убедившись, что волки на приваду ходят. Однако тот, кто будет осуществлять проверку, подходя непосредственно к приваде, может потом сидеть возле нее хоть до второго пришествия и ничего не увидит, т. к. свежие следы человека внушают волкам великие опасения. Проверять приваду нужно только обходя ее кругом на достаточно большом расстоянии (не менее 100 м) и то по возможности пользуясь проезжими дорогами. Такую же осторожность необходимо соблюдать и отправляясь в засидку. Лучше всего, если прямо к ней кто-то подвезет охотника на лошади, так, чтобы не оставляя следа, тот мог шагнуть в укрытие, а возчик, не меняя направления, проехал дальше и лишь потом где-нибудь повернул к дому. Если лошади нет, к засидке нужно идти вдвоем, след в след (охотник впереди, сопровождающий сзади). Охотник остается в своем укрытии, пришедший с ним человек продолжает путь, а отнюдь не сразу поворачивает к дому. Все эти хитрости направлены на то, чтобы создать у волков впечатление, что санный или человеческий след (а они его обязательно обнаружат и проверят) просто проходит мимо привады и, значит, ничем им

не грозит. Одиночный след к приваде для них — красноречивое свидетельство возможного там присутствия их исконного врага. Чем больше привада удалена от жилья, тем осторожнее должен вести себя охотник в засидке и наоборот. У меня был случай, показывающий насколько волки могут терять осторожность там, где пребывание человека является вполне обычным. Я как-то остался ночевать у одного сельского охотника. Дом стоял на самом краю деревни, одну сторону примыкавшего к нему двора занимал большой пустовавший сарай. Его распахнутые ворота выходили во двор, а в противоположной стене имелся оконный проем. Через него сквозь ворота прямо с крыльца дома было видно поле и на нем шагах в 30 на снегу чернела павшая лошадь, которую мой хозяин вывез туда еще в начале зимы. По его словам волки к ней раза два подходили, но не в те ночи, когда он их караулил. Часа в три ночи из душного жара избы я вышел на крыльцо подышать. Светила почти полная луна, сильно морозило, и по всей деревне остервенело лаяли собаки. Стоило мне взглянуть в сторону привады и я совершенно ясно увидел там волков. Два крупных каких-то белесых в лунном свете силуэта горбились возле лошадиной туши, бросая на снег резкие черные тени. Когда я схватив в доме ружье и патроны босиком по снегу крался к сараю, а потом на четвереньках от его ворот к оконному проему, мне все это представлялось абсолютно нереальным. Я слышал возню, треск отдираемого мерзлого мяса и не мог поверить, что возможна такая фантастическая удача. Только выглянув из кромешной сарайной тьмы, я, наконец, убедился, что не являюсь жертвой галлюцинации — волков было трое, два из них грызли падаль, третий, опершись на тушу передними лапами, стоял высоко подняв голову боком ко мне, но смотрел в сторону. После выстрела он не звякнул, а как-то глухо рявкнул и все три зверя исчезли настолько быстро, что не дали мне возмож-

ности стрелять второй раз. Я выскошил в окно, подбежал к приваде, но там не было ни убитого волка, ни крови, ни более или менее ясных следов. Все кругом было истоптано и волчьими и собачьими лапами. Пока я пробовал разобраться примчался и мой хозяин. Со стороны мы вероятно представляли любопытное зрелище: два мужика в одном белье босиком бегали среди ночи по деревенским задворкам, чего-то искали в снегу и орали:

- Поблазнилось тебе!
- Говорю — волки были!
- Поблазнилось, привидилось! Кобеля стрелял!

Волка мы нашли только утром в двух метрах от привады. Он после выстрела сделал всего один прыжок, но прямо в канаву, где и лежал, почти совсем заваленный осыпавшимся снегом.

Вот так, находясь в непосредственной близости от деревни, волки проигнорировали даже громкий звук дважды открывавшейся двери, которого они, конечно, не могли не слышать.

В период расцвета псовых охот в России, непрерывными участниками большинства охот на волков были гончие собаки. Обычно довольно многочисленные их стаи не только злобно гоняли этих зверей, но и частенько заливали их и давили. После того, как барские охоты себя изжили, сдержать стаи гончих даже в 2–3 смычка могли позволить себе очень не многие. Тем не менее у отдельных энтузиастов или обществ охотников такие стайки еще сохранились и некоторые из них по волку работали. Однако количество волкогонов явно шло на убыль. Соответственно и охоты на волков с гончими проводятся все реже. Но поскольку они все же существуют, а по увлекательности совершенно исключительны, остановиться на них, хотя бы кратко, следует. В подготовке этих охот много общего с подготовкой оклада. Так же нужно определить место дневного пребывания зверя за счет подвышки, подслуха или работы по следам. То же,

если есть такая возможность, следует обтянуть это место флагами или хотя бы закрыть флагами те участки, куда выход зверя почему-либо нежелателен. Также необходимо со знанием дела наметить стрелковую линию и расставить стрелков на наиболее перспективных лазах зверя. Только после завершения всех этих дел начинается специфика. Вместо загонщиков в оклад или просто туда, где установлено пребывание волков, входит человек, руководящий стаей гончих (раньше его называли ловчим). Его задача войти в оклад там и набросить гончих таким образом, чтобы они как можно скорее подняли зверя, еще не успев разбежаться в полазе в разные стороны и все вместе дружно начали гон. Волк — не лисица или заяц, он не хитрит, не пробует запутать след, а просто уходит, оставляя на следу много запаха. Поэтому, если гончие вообще не боятся его преследовать, то гонят они его дружно, быстро, без перемолчек и сколов и при этом с особенной злобой и страстью. Именно голоса гончих, сливающиеся в какой-то исступленный, ревущий хор, придают охоте с ними особенную, непередаваемую увлекательность. Волк из-под гончих мчится со всех ног и, если не прорвется куда-либо в сторону, то на стрелков выходит быстро. Тут нет ни долгих минут томительного ожидания, ни полной неизвестности того, что происходит в окладе, столь характерных для случаев, когда волков поднимают загонщики — все происходит "в темпе", набросили гончих, заревела стая, мы уже слышим, куда пошел зверь и вот выстрелы, и все кончено. Но таков лишь наилучший вариант, а бывает и по-иному — по волку промазали, или он проскочил мимо острелков, вырвался из оклада и повел за собой гончих неведомо куда. Когда гончие вернутся, где доведется их разыскать? — тоже неведомо. Хорошо бывало раньше конному ловчemu и выжлятникам в случае нужды сбивать гончих со следа и возвращать их куда нужно. Нам, пешим охотникам, — это не доступно, а

современный транспорт тут не поможет, ибо волку — везде дорога, а транспорту — нет.

Охотой с гончими исчерпывается перечень спортивных охот на волков. Правда, человеческая мысль не знает покоя, и попытки измыслить в данной области что-либо новое предпринимались. Наиболее курьезной была идея возродить на современной технической основе давно уже позабытую охоту с поросенком. Как известно, сводилась она к тому, что охотники садились в запряженные лошадью сани, захватив с собой посаженного в мешок поросенка. Сзади к саням привязывался на длинной веревке набитый сеном мешок. Оснастившись таким образом и дождавшись ночи, охотники с кучером выезжали туда, где чаще всего рыскали "серые разбойники". Поросенка при этом все время щипали за уши, заставляя визжать. Привлеченные этим визгом, волки выбегали к саням, бросались на воловчившийся за ними мешок и попадали под выстрелы. Способ этот предлагалось реконструировать следующим образом: сделать маленький утепленный домик, для удобства перевозки поставить его на колеса и оснастить магнитофоном и мощным усилителем звука, в магнитофон должна была быть вставлена лента с записью поросильских воплей. Далее, по мнению автора предложения, все обстояло просто. Домик вывозился в угодья и забравшийся в него охотник включал запись на первую громкость (радиус слышимости 2 км). Считалось, что если волки в течении часа на вожделенные для них звуки не прибегали, значит их в окруже двух километров нет и нужно включать вторую, а еще через час и третью громкость. Последняя оглашала окрестности в радиусе 10 км. Выслушав эту часть плана, один из членов Ученого совета (где обсуждалось рационализаторское предложение) глубокомысленно заметил:

— Я не знаю будут ли прибегать волки, но мест-

ные жители не замедлят явиться, и охотнику в домике на колесах придется не сладко!

Автор возразил, что если ему изготовят домик, оплатят стоимость его перевозок, выдадут магнитофон и звукоусилитель, то отстрелом волков он займется сам. Ему отказали.

Последнее, о чем нужно сказать, это патроны для волчьей охоты. Я по опыту знаю, многие здесь экспериментируют на уровне вышеописанного абсурда, пуская в ход всевозможные варианты и, неимоверно увеличивая заряды пороха и т. д. Все это совершенно ни к чему. Стрелять волка нужно мелкой картечью, такой, которая укладывается в гильзу 12 и 16 калибров соответственно по 7 и по 5 картечин в ряд.

Глава 4. На медведя

Из тех, на кого у нас разрешена охота, бурый медведь — самый крупный представитель хищников. Отдельные экземпляры, отъевшись перед тем как залечь в берлогу, набирают вес свыше 400 кг при длине тела более 2 м. Однако такие громадины, конечно, редкость и зверя, весящего больше 200 кг, следует считать крупным. Распространен бурый медведь широко, заселяя всю лесную полосу страны от Прибалтики до побережья Тихого океана. Обычен в лесах Кавказа, Тянь-Шаня, Памира и Копет-Дага. Еще во второй половине XVIII века он был обычен даже в самых густо населенных областях: в Московской области, например, последний медведь был убит только в 1952 г. В последние десятилетия, по крайней мере в Европейской части страны, численность медведя начала явно увеличиваться и он опять становится обычен во многих местах, где о нем забыли и думать. По отношению к медведю название "бурый" довольно условно, т. к. звери этого вида имеют очень разнообразную окраску меха от почти черной до соломенно или се-

ребристо - желтой. Не является он и типичным хищником, т. е. зверем основную пищу которого составляет мясо. Медведь практически всеяден и поедает все, что идет ему на пользу. Листья, стебли, корневища, плоды и семена многих видов растений в отдельные периоды года служат основой его питания. Однако он никогда не упустит возможности скрасить свою вегетарианскую диету мясом или рыбой, а при неурожае растительных кормов и вообще переключается на добычу животных.

Медведь — зверь серьезный, способный за себя постоять и наделать при этом много бед. Кроме того, в голодные для него годы, не накопив достаточно жира для зимней спячки, он не ложится в берлогу, а бродит в поисках пищи. Такие "шатуны" по-настоящему опасны, случав их нападения на человека более, чем достаточно, и они-то создают медведю ту репутацию коварного и свирепого зверя, которой в обычных условиях он вовсе не заслуживает. Тем не менее, "дурная слава — бегом бежит" и далеко не все охотники испытывают искреннее желание встретиться с этим зверем. Те из них, которые из самолюбия или показного молодечества все же соглашаются или даже сами напрашиваются на участие в медвежьей охоте, совершают величайшую ошибку — минута нерешительности, растяянности или испуга может обойтись им очень дорого. Как бы ни проходила охота на этого зверя, — она требует спокойствия и абсолютной уверенности в себе.

Способов спортивной охоты на медведя шесть: охота облавой, охота на берлоге, на прозеленках, из засидки, с подхода и с лайками. Первая из них была особенно распространена в прошлом, когда в любой деревне охотники за умеренную мзду могли найти сколько угодно загонщиков, а вернее, кричан, — людей, которых расставляли по периферии оклада, чтобы они криком, стуком, ударами в пустые ведра и иным шумом пугали подня-

того из берлоги зверя, заставляя его идти в сторону стрелков. Сейчас облавы проводятся редко именно потому, что в наших полуопустевших деревнях со брать достаточно для них количество народа затруднительно. Облава удобна и привлекательна тем, что в ней единовременно может принимать участие практически не ограниченное число стрелков, которых в принципе можно расставлять по всей границе оклада или того участка леса, в котором ожидается присутствие зверя. Такими участками на юге обычно являются долины и котловины, заросшие дикими фруктовыми деревьями. В период созревания фруктов туда нередко собирается и остается там на дневку по нескольку медведей. В нашей же средней полосе и на севере облава проводится, как правило, зимой на берлогенного, т. е. лежащего в берлоге зверя. Соответственно все и начинается с обнаружения берлоги. Егерь или просто местный охотник могут наткнуться на берлогу или случайно, или специально по первому снегу пробуют найти медвежий след, который и тропят до места, где зверь ляжет. До самой берлоги при этом не доходят, чтобы не потревожить ее обитателя, а проторив след до какого-либо "крепкого" места, последнее обходят кругом (окладывают) и, если выхода нет, — дело считается сделанным. Если берлога найдена или обойдена в самом начале зимы, когда сильных морозов еще не было, то охоту сразу не проводят, давая зверю облечься и погрузиться в более глубокий сон. При теплой погоде медведь спит чутко, иногда даже не в берлоге, а около нее и шумом готовящейся охоты можно стронуть с места и он уйдет.

В ожидании благоприятной погоды, человек, нашедший берлогу, время от времени обходит место, где она располагается, проверяя не напугал ли кто-либо медведя и не вышел ли тот из оклада. Тем временем подбирается или приглашается компания охотников, собирается нужное количество кричан и в назначенный срок начинается сама охота. При ней,

в первую очередь, за ветром от оклада, но предпочитительно с той стороны, откуда зверь в него вошел, расставляются стрелки. Только после этого, как они займут свои места и будут готовы к действию, окладчик заводит кричан, а покончив с этим, один или с товарищем, с собаками или без них, отправляется поднимать зверя. Расставленные по границам оклада люди в это время уже полегоньку начинают покрикивать и постукивать, но особого усердия не проявляют. Шуметь в полную силу им следует в тех случаях, когда они заметят идущего в их сторону медведя. Когда все складывается благополучно, последний рано или поздно выходит на стрелков.

Не помню, кто из знаменитых медвежатников прошлого писал, что убить медведя легко — нужно подпустить его на пять шагов и стрелять в голову, тому же, у кого не хватает для этого выдержки, давался совет на медвежью охоту лучше неходить. Однако медведь не всегда дает возможность следовать указанной инструкции, т. к. вовсе не обязательно катит прямо на охотника. Часто приходится стрелять и поперечно идущего и угонного зверя, находящегося от нас на расстоянии, значительно превышающем рекомендуемую дистанцию. Но одно бесспорно — стрелять нужно, по возможности, на верняка, ибо раненый зверь опасен не только для стрелявшего, но и для всех участников охоты. Следует иметь в виду, что те эпитеты, которыми принято характеризовать медведя (неуклюжий, косолапый и т. д.) порождены не знанием этого зверя и тем обманчивым впечатлением, которое он производит, находясь в состоянии покоя. На самом же деле, когда ему это нужно, он очень быстр и ловок. В Сибири говорят, что от медведя на плохом коне не уедешь.

Описанная схема организации облавной охоты на медведя, в зависимости от вкусов ее участников, может в какой-то мере меняться (сперва заводятся кричане и лишь потом ставятся стрелки, медведя

поднимает не окладчик, а цепь идущих загонщиков) — принципиального значения все это не имеет.

Как уже говорилось, облавы сейчас проводятся редко, а вот охота на берлоге уже не первое столетие сохраняет свою популярность. Прежде чем переходить к ее описанию, нужно несколько слов сказать о том, где медведи предпочитают устраивать свои зимние кельи. В горных районах, изобилующих скалами и всевозможными расщелинами, например на Алтае, берлоги располагаются почти исключительно в небольших пещерах и углублениях под каменными плитами. Так как мест таких сравнительно немного, медведи часто из года в год ложатся в одних и тех же укрытиях. Поэтому, чем больше охотник знает используемых медведями пещер, тем больше у него возможность обнаружить зимой зверя. Охотники бережно хранят тайну их расположения и с посторонними делятся ею крайне неохотно. Там, где естественных пещер нет, медведи выкапывают себе берлоги в грунте, обычно на косогоре (чтобы при оттепелях туда не стекала вода) и очень часто под корнями какого-нибудь крупного дерева. Однако многие звери, то ли не желая себя утруждать, то ли не успев заблаговременно устроить себе зимнее жилище, ложатся прямо на поверхности, забираясь под выворотень, поваленное дерево, завал бурелома, а то и просто в куртину густейшего ельника. То, как расположена берлога, для охоты исключительно важно, т. к. из подземного убежища зверь может выбраться только через ведущий в него лаз, а из наземного гнезда — броситься практически в любую сторону.

Охотник редко находит берлогу, будучи готов к немедленной добыче зверя, да и не всегда склонен заниматься этим в одиночку. Поэтому, если зверя он не потревожил, то чаще всего предпочитает уйти с тем, чтобы потом с подходящим оружием и пулевыми патронами, а то и пригласив других охотников, вернуться и приступить к охоте. Нужно ска-

зать, что участие в последней большого числа стрелков очень нежелательно и даже опасно. Когда на ограниченном пространстве вокруг берлоги собирается 5—6 возбужденных, готовых пустить в ход ружья людей, когда каждый из них в глубине души мечтает отличиться и первым сразить зверя — возможных неприятностей избежать трудно. Самый лучший вариант, когда охотников двое и трое.

Подойдя к месту, где отлеживается "лесной хязин" (что следует всегда делать соблюдая тишину и, если есть лайка, то удерживая их на привязи) охотники, в зависимости от того, где и как расположается берлога, приступают к действиям. Если берлога земляная, и один или два стрелка сразу же занимают позицию в 5—10 шагах возле лаза, а один, спустив с поводков собак, присоединяется к ним. Когда же собак нет, то в его обязанности входит подъем зверя. Иногда для этого достаточно бывает просто пошуметь или стоя над чехом берлоги, ткнуть туда какой-нибудь жердью. Иногда же зверь лежит так плотно, что приходится приложить порядочно усилий, чтобы заставить его покинуть убежище. Многие, особенно промысловые охотники, замянную берлогу часто "заламывают", т. е. загораживают выход из нее всунутой туда, обязательно вперед вершиной, сукостой разлапистой елкой или толстой жердью, один конец которой втыкается в чехол берлоги, а другой отгибается через противоположный край чехла и сырмятным ремнем или крепкой веревкой привязывается к какому-либо близко стоящему дереву. Жердь для залома выбирается прочная, не меньше, чем в руку толщиной и длиной в 4—5 м. Из загороженного таким образом лаза медведь не может выскочить быстро — ему приходится пролезать, преодолевая преграду, что безусловно облегчает верный выстрел, кладущий его на месте.

Много сложнее, если зверь лежит в верховом гнезде. Тут обычно совершенно невозможно угадать куда, в какую сторону он выскочит, а значит и где

нужно встать, чтобы по нему удалось стрелять. Обзор в местах расположения берлог, как правило, ограничен, иногда это вообще сплошная чаща и заваленный снегом бурелом, к которым приходится как-то принаршиваться. Задержать выход зверя невозможно и, если его не держат собаки, он чаще всего одним прыжком покидает свое убежище и пускается в бег. Бывает, что проделывает он это настолько быстро и скрытно, что никто из охотников даже не успевает его заметить — затрещало, посыпалась с веток кухта и медведя уже нет. Чтобы избежать такого конфуза, стрелкам в очень крепких, не просматривающихся зарослях не нужно стараться подойти к берлоге как можно ближе. Им целесообразнее с разных сторон от нее занять пусть удаленные на 15—20 шагов, но более или менее просматривающиеся полянки и прогалины или хотя бы просветы в чаще, где можно будет увидеть зверя. При стрельбе здесь приходится соблюдать особую осторожность, чтобы не пустить пулю в сторону товарища. Если медведь бывает убит, то понятно, — все этим и кончается, однако, если он уходит и при том не раненый, то с ним чаще всего приходится рас проститься или, по крайней мере, отложить встречу на несколько дней, пока зверя не удастся обойти снова. Помочь делу может только наличие хорошо работающих по медведю лаек, т. е. тех из них, которые не только издали его облавивают, но и не дают ему хода чувствительными хватками за наиболее уязвимые части тела. Когда такие собаки есть, — охотники сразу же переходят к преследованию зверя, — на чем я останавливаюсь несколько позже. Сейчас же коснусь случая, когда зверь уходит раненый. Его преследование должно проводиться без всяких проволочек: зима время ненадежное и внезапно начавшийся снегопад может закрыть следы. Медведь будет потерян и либо издохнет где-либо от полученной раны, либо какое-то время будет пе-

ремогаться, представляя собой реальнейшую угрозу здоровью и жизни случайно столкнувшихся с ним людей, т. к. раненый зверь почти всегда агрессивен. Однако поспешность тропления подранка должна сочетаться и с предельной осторожностью. Тропить следует вдвоем, держась справа и слева от следа и обходя с двух сторон любую куртину густой растительности, завал бурелома или нагромождения камней, где преследуемый зверь может затаиться и поджидать своих недругов. Пренебрегать этим правилом и идти напрямую следом неразумно — медведь умеет прятаться и нападать так быстро, что можно не успеть выстрелить. Установив обходом, что зверь задержался в какой-нибудь непролазине, нужно постараться его высмотреть или дождаться, когда не выдержав близкого присутствия людей, он себя обнаружит и добить подранка. Все выше сказанное относится к случаям, когда медведь ранен достаточно (тяжело идет с трудом, оставляет на снегу много крови). Слегка задетого пулями медведя преследовать без собак смысла нет.

Теперь вернемся к ситуации, когда невредимый или раненый медведь ушел, преследуемый собаками, т. е. к охоте "вдогонку". По-моему, из всех существующих охот — эта самая азартная. Из-под злобной смелой лайки, а тем более, если таких лаек две, медведь быстро идти не может — собаки своими наскоками и хватками не дают ему хода. Значит охотник, бегущий следом, все время слышит лай и рычание собак, рявканье медведя, словом все звуковое сопровождение драки. Понятное стремление как можно скорее прибыть на место действия, необходимость преодолевать трудно проходимые места, путающиеся в ногах и хлещущие по лицу ветки, — все это доводит наше возбуждение до его высших пределов. Ближе, ближе... мы уже не ломимся напрямую, а крадемся от дерева к дереву, боясь подшуметь зверя и заставить его снова пуститься

наутек и, если повезет — выстрел, как последнее слово в долгом споре.

Охота с лайкой. С хорошей лайкой — медвежатницей можно охотиться и по чернотропу. Я видел у одного охотника кобеля лайку, который, столкнувшись с медведем, дальше каких-нибудь 100 м зверя с места встречи не отпускал. Хватки его были настолько жестоки и болезненны, что тот сразу же садился и отбивался не сходя с места. У взятых из-под этой собаки зверей при съемке шкуры обнаруживалось, что вся область расположения десмородных частей представляет из себя сплошной кровоподтек.

Кончается зима и с нею и охоты на берлогах. В большинстве областей нашей страны медведи получают передышку до лета, если, конечно, какому-нибудь из них не приглянется отбившаяся от стада корова или расположенная в уединении пасека. Только в горных районах ранняя весна всегда бывала медвежьим сезоном, временем кратковременной, но очень своеобразной охоты "на прозеленках". В горах снег весной раньше всего сходит на открытых склонах южной экспозиции, так называемых "солнцепеках", и там же появляется и первая травянистая растительность. Кругом еще лежит не тронутая громада снегов, в ущельях и распадках сугробы по пояс, а на южных склонах уже появляются участки со свежей зеленью, куда вставшие на берлог медведи регулярно выходят кормиться. Это и есть "прозеленки" — места ранне-весенней охоты на медведя. Звери проводят здесь целые дни, а возможно, не уходят и на ночь. Охота проводится с подхода и требует использования преимущественно нарезного оружия, т. к. скрытно подобраться к пасущемуся на чистом месте зверю на расстояние выстрела из гладкоствольного ружья очень трудно. Скрадывать нужно против ветра и по возможности так, чтобы находиться по склону выше медведя — последний, жирия, предпочитает двигаться вверх, да

и напуганный бросается обязательно в гору, а следовательно, может сам приблизиться к охотнику, если тот находится над ним. О каких-либо иных правилах проведения этой охоты говорить трудно. Условия горной местности, с ее постоянно меняющимся направлением ветра, наличием порой совершенно непроходимых участков и непреодолимых преград настолько разнообразны, что в каждом отдельном случае приходится действовать не как должно, а как можно.

Летом и осенью на медведей охотятся из засидки, т. е. укрытия, устроенного там, куда зверь приходит кормиться. Каравалят зверя или у задранной им добычи, или у брошенной в угодьях падали, но чаще всего на примыкающих к лесу полях овса, которые в период созревания зерна посещаются им очень охотно. Охота эта ночная и имеет много общего с подкарауливанием кабанов и охотой на волков у привады. Та же предварительная разведка мест и проверка факта появления зверя у привады, те же предосторожности при подходе к месту засидки (подъезд к ней на лошади или подход с напарником, дающим потом уходной след), та же тишина и неподвижность в часы ожидания. Только у туш, свежезадавленных медведем животных, устраиваться можно без всяких предварительных проверок, т. к. зверь возвращается к ним обычно в первую же ночь. Укрывается охотник почти всегда на лабазе и не только потому, что это обеспечивает ему безопасность — сидящего над землей человека зверю труднее почурять и в ночном сумраке с лабаза легче рассмотреть появившегося медведя. Последний выходит к приваде или на поле абсолютно бесшумно, не зашелестев, не треснув веткой, — он точно призрак возникает из ничего, стягивается из окружающего мрака, там, где только что никого не было. Высота, на которой сооружается помост, должна определяться одним единственным требованием, а именно, удобством обзора. Иными словами, лабаз нужно делать

на такой высоте, с которой лучше всего видна при-
вада или лучше всего просматривается примыкаю-
щий участок поля. В разных условиях это может быть
и 2 и 6 м. Следует помнить, что ночью любая ветка,
куст или куртина высокой травы, которые при днев-
ном свете казалось бы не мешают нам все пре-
красно видеть, могут превратиться в помеху, пре-
пятствующую выцеливанию зверя. Устроившись на
лабазе, охотник еще до наступления темноты дол-
жен зафиксировать в памяти все имеющиеся по-
ближости кусты, пни, валежины и иные предметы,
которые потом, с наступлением темноты, могут быть
приняты за зверя. Делать лабаз нужно по возмож-
ности удобным, т. к. на не в полной неподвижности
и готовности к выстрелу приходится иногда сидеть
по несколько часов. Какой-нибудь примитивный
насест, наспех сколоченный из пары жердей, пре-
вращается за это время в самое настоящее оружие
пытки. Через какой-нибудь час на нем начинаешь
ерзать, менять положение и вообще вертеться, что
успеху охоты никак не способствует. После выст-
рела по медведю, даже если тот остался на месте и,
по-видимому, убит наповал, слезать сразу с лабаза
отнюдь не следует — зверь может быть еще жив, и
охотнику, поспешившему насладиться лицезрением
собственной победы, может не поздоровиться. Если
медведь шевелится, в него нужно стрелять еще, не
успокаивая себя мыслью, что "и так дойдет". Толь-
ко полностью убедившись, что зверь мертв, можно
к нему подходить. В случаях, когда зверь после вы-
стрела ушел, проверять ранен он или нет можно
только с наступлением утра. Ночные поиски и бес-
полезны и крайне опасны. При троплении подранка
необходимо соблюдать все правила предосторож-
ности, о которых говорилось выше.

На овсах многие охотники предпочитают не де-
лать лабаза, а охотиться с подхода. Однако для это-
го нужно очень хорошо знать и помнить особенно-
сти окружающей местности (наличие и направле-

ние имеющихся дорог и троп, всевозможных препятствий, мешающих бесшумному продвижению и т. д.) и быть настоящим мастером скрадывания, т. е. уметь ничем себя не обнаружив приблизиться к зверю на нужную для верного выстрела дистанцию.

Оружие для охоты на медведя могут служить как гладкоствольные (пристрелянные специальными пулями), так и нарезные ружья, пули которых обладают достаточной убойной силой. Однако я положительно утверждаю, что карабины и винтовки военного образца (имеющие, как правило калибр менее 8 мм) с патронами, снаряженными пулями в сплошной оболочке, при охоте на медведя ненадежны. Из них, чтобы положить зверя на месте, нужно попасть в мозг, сердце или позвоночник, попадания же по легким и другим внутренним органам зверя не держат.

Случаев, подтверждающих это утверждение известно достаточно много, да я и сам был участником одного из них. Мы вдвоем одновременно стреляли из карабинов по медведю, находившемуся в 150 метрах над нами на крутом склоне. Одна из пуль перебила зверю крестец и он, волоча зад и делая прыжки только передними лапами, бросился под бугор прямо к нам. Я не знаю сколько раз мы успели выстрелить, пока чья-то пуля не остановила медведя в 20 шагах, попав ему в лоб, но потом, при съемке шкуры, оказалось, что попали мы в него 16 раз. Многие попадания были касательными, но четыре пули прошли зверя насеквоздь от груди до зада, пробив легкие, повредив печень и во многих местах продривив кишечник. И грудная и брюшная полость были полны крови, а зверь продолжал идти. Так что, если приходится на медвежьей охоте пользоваться нарезным оружием с калибром меньше 8 мм, то стрелять из него нужно экспансивными пулями.

СОДЕРЖАНИЕ

Посвящение	5
Введение. Охота сегодня	7
Раздел I. Охоты по перу	9
<i>Глава 1. На уток</i>	<i>9</i>
<i>Глава 2. За гусями</i>	<i>37</i>
<i>Глава 3. С легавой</i>	<i>43</i>
<i>Глава 4. С лайкой</i>	<i>59</i>
<i>Глава 5. Охота на боровую с подхода или из "скрадка"</i>	<i>60</i>
<i>Глава 6. На рябчика</i>	<i>71</i>
<i>Глава 7. В горах (на кекликов)</i>	<i>76</i>
<i>Глава 8. Весенняя охота на токах</i>	<i>82</i>
<i>Глава 9. Тяга</i>	<i>95</i>
Раздел II. Зверовые охоты	100
<i>Глава 1. На зайцев</i>	<i>100</i>
<i>Глава 2. На копытных</i>	<i>117</i>
<i>Глава 3. Охота на волков</i>	<i>145</i>
<i>Глава 4. На медведя</i>	<i>162</i>

Я. С. Русанов

ОХОТЫ В РОССИИ

Тех. редактор *В. Арбакова*

Корректор *Е. Чильденова*

Компьютерная верстка *В. Манджиева*

Сдано в набор 14. 06. 2000. Подписано к печати 06. 07. 2000.

Формат 84x108/32. Гарнитура Балтика.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,24. Уч.-изд. л. 9,78.

Тираж 5000 экз. Заказ 2244.

ЛР № 010169 от 07. 02. 97. АПП "Джангэр",

358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245

ОХОТЫ В РОССИИ

А. С. Русанов

